

ПЕРМСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

...

ЮРИДИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ

...

КАФЕДРА ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

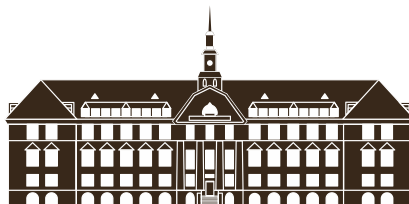
...

КЛУБ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ
(ежегодник)

ВЫПУСК 8

ПРИ ПОДДЕРЖКЕ
ПРОЕКТНОГО ОФИСА ЮРИДИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА ПГНИУ

Пермь 2025

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

А43

Главный редактор

В. Г. Голубцов, председатель Арбитражного суда Пермского края,
доктор юридических наук, профессор

А43 **Актуальные** проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса : сборник научных статей (ежегодник) / гл. ред. В. Г. Голубцов ; Пермский государственный национальный исследовательский университет. – Пермь, 2025. – 174 с.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4243-4 (вып. 8)

В сборник входят работы молодых ученых (студентов, магистрантов, аспирантов и преподавателей), представленные на ежегодной всероссийской научной конференции молодых ученых «Актуальные проблемы предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса». Мероприятие организовано кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ.

К публикации в сборнике принимаются оригинальные исследовательские работы по актуальным проблемам предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса, одобренные научными руководителями авторов статей.

УДК 347.4+347.9

ББК 67.400

Печатается по решению кафедры

предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ

Рецензенты: зав. кафедрой гражданского права Московского государственного юридического университета им. О. Е. Кутафина, д-р юрид. наук, профессор *Е. В. ВАВИЛИН*;

зам. руководителя Администрации губернатора Пермского края, канд. юрид. наук *М. А. ГЕВОРГЯН*;

зав. сектором правовой экспертизы по вопросам бюджета Законодательного Собрания Пермского края, канд. юрид. наук *Н. М. ГОЛОВИН*

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4243-4 (вып. 8)

© Пермский государственный
национальный исследовательский университет, 2025

PERM STATE UNIVERSITY

...

FACULTY OF LAW

...

DEPARTMENT OF ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

...

THE CLUB OF ENTREPRENEURSHIP LAW

URGENT ISSUES

OF THE ENTREPRENEURSHIP LAW, CIVIL LITIGATION AND ARBITRATION

ISSUE 8

WITH THE SUPPORT OF
PROJECT OFFICE OF THE FACULTY OF LAW AT PERM STATE UNIVERSITY

Perm 2025

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

Chief Editor

V. G. GOLUBTSOV, Chairman of the Perm Krai Arbitration Court,
Doctor of Law, Professor

Urgent issues of the entrepreneurship law, civil litigation and arbitration: collection of academic articles (annual issue). Ed. by V. G. Golubtsov; Perm State University. – Perm, 2025. – 174 p.

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4243-4 (issue 8)

The collection includes the articles of young scientists (undergraduates, graduate students, postgraduates and professors) presented at the scientific conferences organized by the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University. Original research papers focused on current issues of the law of obligations, arbitration process are accepted after they are approved by the scientific supervisors of the authors.

This publication is recommended for scholars and practitioners. The main goal of the collection is to popularize the studies of young lawyers.

UDC 347.4+347.9

LBC 67.400

*The proceedings is published according to the decision
of the Department of Entrepreneurship Law, Civil and Arbitration, Perm State University*

Reviewers: Head of the Department of Family and Housing Law of The Kutafin Moscow State Law University, Doctor of Law, Professor *E. V. VAVILIN*;

Deputy Head of the Administration of the Governor of Perm Krai, Candidate of Law *M. A. GEVORGYAN*;

Head of the Sector for Legal Expertise on Budget Issues of Legislative Assembly of Perm Krai, Candidate of Law *N. M. GOLOVIN*

ISBN 978-5-7944-3108-7

ISBN 978-5-7944-4243-4 (issue 8)

© Perm State University, 2025

Редакционная коллегия

- О. А. Кузнецова заместитель декана юридического факультета
по науке, профессор кафедры предпринимательского
права, гражданского и арбитражного процесса
ПГНИУ, доктор юридических наук, профессор
- Д. Н. Латыпов профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ,
доктор юридических наук, доцент
- А. В. Сятчихин руководитель проектного офиса юридического
факультета, доцент кафедры предпринимательского
права, гражданского и арбитражного процесса ПГНИУ,
кандидат юридических наук, доцент

Editorial Board

- O. A. KUZNETSOVA Vice Dean for Scientific Affairs of the Faculty of Law,
Professor of the Department of Entrepreneurship Law,
Civil Litigation and Arbitration at Perm State University,
Doctor of Law, Professor
- D. N. LATYPOV Professor of the Department of Entrepreneurship Law,
Civil Litigation and Arbitration at Perm State University,
Doctor of Law, Docent
- A. V. SYATCHIKHIN Head of the Project Office of the Faculty of Law,
Associate Professor of the Department of
Entrepreneurship Law, Civil Litigation and Arbitration at
Perm State University, Candidate of Law, Docent

Содержание

АБРАМОВ С. Б. Условия взыскания компенсации морального вреда, причиненного нарушением интеллектуальных прав.....	11
БЕЛОВ А. Р., НИКОЛАЕВ Д. А. Основания для исключения участника из хозяйственного общества: проблемы теории и правоприменительной практики.....	14
БЕЛЬКЕВИЧ А. В. Плата за отказ от договора и институт возмещения потерь.....	18
БИСС А. Р. Содержание правила защиты делового решения в судебных прецедентах верховного и канцлерского судов штата Делавэр (США)	23
БОГОМОЛОВА Д. П. Процессуальные особенности рассмотрения споров по договорам добровольного имущественного страхования.....	27
ВОЛКОВА Н. М. Ответственность информационного посредника за нарушение прав в сфере предпринимательской деятельности	33
ГОРШКОВА П. А. Использование релевантных эмпирических методов исследования при определении разумной судебной нагрузки	37
ГУСЕЙНОВА А. А. Механизмы предотвращения злоупотребления правом: проблемы и перспективы применения принципа добросовестности.....	41
ЕВЛАМПЬЕВА А. В. Меры гражданской процессуальной ответственности	44
ЕФИМОВ К. А. Применение теории рационального выбора в контексте корпоративного шантажа.....	47
КАПЫРИН И. И. Сравнение моделей торгового права в России и во Франции.....	51
КАТАЕВА Е. Ю. Двойственная природа неустойки.....	55
КОЛЕГОВА Д. О. К вопросу о проблемах раскрытия доказательств в арбитражном процессе.....	60
КОЛОСОВ М. А. Правовое регулирование лицензирования кредитных организаций в Российской Федерации	64
КРЕЧЕТОВА Р. С. Особенности статуса самозанятых граждан	67
ЛЕБЕДИК Д. В. К вопросу о выборе ответчика при назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированной организации.....	71
ЛУНЁВ А. А. Защита «слабой» стороны в гражданских правоотношениях в современных условиях цифровизации	75
МАРТЬЯНОВА Е. Ю. Правовой режим совместного голографического исполнения	79
МКРТЧЯН Л. Ю. Эффективность третейского разбирательства: анализ причин затягивания процессов и возможные пути их предотвращения.....	84
МОШКИН И. А. Деятельность владельца агрегатора информации о товарах (маркетплейса) как объект прокурорского надзора	87

Мухамадеева К. Р. Юридические риски и защита прав потребителей при покупке туров через онлайн-сервисы.....	91
Назаров М. Ю. Реестр экспедиторов: праксиологический анализ эффективности правового регулирования	95
Нефедова Е. А. Проблемы разграничения подведомственности при рассмотрении семейно-корпоративных конфликтов	99
Нечаева В. К. Соотношение понятия «предпринимательская деятельность» с понятиями «приносящая доход деятельность», «экономическая деятельность», «хозяйственная деятельность»	102
Осипов П. В. К вопросу о правовой природе решений собраний гражданско-правового сообщества	105
Полякова М. М. Правовой механизм оспаривания сделок, совершенных во вред представляемому	110
Полякова Ю. А. Договор счета эскроу в системе договоров банковского счета	115
Попова О. В., Черных Я. П. Защита прав матери и ребенка в алиментных спорах при фактическом многоженстве: доступ к правосудию и эффективные способы защиты...	119
Прилуцкая Ю. О. Корпоративный договор как средство регламентации корпоративных отношений в России: проблематика и перспективы развития	123
Рагоза Д. Е. Сравнительный анализ гражданского и уголовного судопроизводства Российской Федерации	127
Селезнева Н. А. Самозанятые лица: межотраслевые проблемы регулирования в области трудового права и предпринимательства	131
Тимохин Д. Н. Ограничение исполнительского иммунитета в отношении единственного жилища в Российской Федерации и Швеции	135
Трач Д. В. Актуальные проблемы сохранения самовольной постройки	140
Федюков Д. А. Компенсационное финансирование как основание для субординации требований кредиторов	144
Харисов Р. Р. Ограничения прав участников хозяйственных обществ на получение информации	149
Хворостухина А. О. Как успешно разрешить судебный спор по договору каршеринга ...	154
Чащина К. К. Анализ применения принципа добросовестности и его значение в процедуре банкротства физического лица	158
Шананин И. А. Судебно-психиатрическая экспертиза как доказательство по делам о признании гражданина недееспособным в особом производстве	164
Юсупова С. Ш. К вопросу о возмещении убытков, причиненных односторонним отказом от договора	168

Content

ABRAMOV S. B. Conditions for Recovery of Compensation for Moral Damage Caused by Violation of Intellectual Property Rights	11
BELOV A. R., NIKOLAEV D. A. Grounds for Exclusion of a Participant from a Business Company: Problems of Theory and Law Enforcement Practice.....	14
BELKEVICH A. V. Fee for Cancellation of the Contract and the Institution of Compensation for Losses.....	18
BISS A. R. The Content of the Business Judgment Rule in Judicial Precedents of Delaware Supreme Court and Delaware Court of Chancery	23
BOGOMOLOVA D. P. Procedural Features of Consideration of Disputes Under Voluntary Property Insurance Agreements	27
VOLKOVA N. M. Responsibility of an Information Intermediary for Violation of Rights in the Field of Entrepreneurial Activity.....	33
GORSHKOVA P. A. The Use of Relevant Empirical Research Methods in Determining a Reasonable Judicial Burden	37
GUSEYNOVA A. A. Mechanisms for Preventing Abuse of Rights: Problems and Prospects of Applying the Principle of Good Faith	41
EVLAMPEVA A. V. Measures of Civil Procedural Liability	44
EFIMOV K. A. Application of Rational Choice Theory in the Context of Greenmail	47
KAPYRIN I. I. Comparison of Commercial Law Models in Russia and France.....	51
KATAEVA E. Yu. The Dual Role of Penalty.....	55
KOLEGOVA D. O. On the Issue of the Problems of Disclosure of Evidence in the Arbitration Process	60
KOLOSOV M. A. Legal Regulation of Licensing Credit Organizations in the Russian Federation.....	64
KRECHETOVA R. S. Features of the Status of Self-Employed Citizens	67
LEBEDIK D. V. On the Issue of Choosing a Defendant in the Appointment of a Procedure for the Distribution of the Discovered Property of a Liquidated Organization.....	71
LUNEV A. A. Protecting the "Weak" Side in Civil Law Relations in Modern Conditions of Digitalization.....	75
MARTYANOVA E. Yu. The Legal Regime of Joint Holographic Performance	79
MKRTCHYAN L. Yu. The Effectiveness of Arbitration Proceedings: an Analysis of the Reasons for Delaying the Processes and Possible Ways to Prevent Them	84
MOSHKIN I. A. The Activity of the Owner of the Aggregator of Information About Goods (Marketplace) as an Object of Prosecutorial Supervision.....	87

MUKHAMADEEVA K. R. Legal Risks and Consumer Protection of Buying Tours by Online Services.....	91
NAZAROV M. Yu. The Register of Forwarders: a Praxeological Analysis of Regulatory Effectiveness	95
NEFEDOVA E. A. Problems of Delimitation of Jurisdiction When Considering Family-Corporate Conflicts.....	99
NECHAEVA V. K. Relationship of the Concept of "Entrepreneurial Activity" with the Concepts of "Income-Generating Activity", "Economic Activity", "Business Activity" ...	102
OSIPOV P. V. On the Question of the Legal Nature of Decisions Taken by Meetings of the Civil Community	105
POLYAKOVA M. M. The Legal Mechanism for Challenging Transactions Made to the Detriment of the Represented	110
POLYAKOVA Yu. A. The Escrow Account Agreement in the System of Bank Account Agreements	115
POPOVA O. V., CHERNYKH Ya. P. Protection of the Rights of Mother and Child in Alimony Disputes in De Facto Polygamy: Access to Justice and Effective Ways of Protection	119
PRILUTSKAYA Yu. O. Corporate Contract as a Means of Regulating Corporate Relations in Russia: Problems and Development Prospects	123
RAGOZA D. E. Comparative Analysis of Civil and Criminal Proceedings of the Russian Federation.....	127
SELEZNEVA N. A. Self-Employed Persons: Intersectoral Problems of Regulation in the Field of Labor Law and Entrepreneurship	131
TIMOKHIN D. N. Removal of Enforcement Immunity from the Only Bankrupt's Home in Russian Federation and Sweden.....	135
TRACH D. V. Actual Problems of Preserving Unauthorized Buildings	140
FEDYUKOV D. A. Compensation Financing as a Reason For Subordination of Creditor's Claims	144
KHARISOV R. R. Restrictions on the Rights of Participants in Business Entities to Receive Information	149
KHVOROSTUKHINA A. O. How to Successfully Resolve a Legal Dispute Under a Carsharing Agreement	149
CHASHINA K. K. Analysis of the Application of the Principle of Good Faith and Its Significance in the Bankruptcy Procedure of Individuals.....	158
SHANANIN I. A. Forensic Psychiatric Examination as Evidence in Cases of Recognition of a Citizen as Legally Incompetent in Special Proceedings	164
YUSUPOVA S. Sh. On the Issue of Compensation for Losses, Caused by Unilateral Termination of the Contract.....	168

С. Б. Абрамов
Аспирант РГАИС
Научный руководитель: А. В. Рыжик

УСЛОВИЯ ВЗЫСКАНИЯ КОМПЕНСАЦИИ МОРАЛЬНОГО ВРЕДА, ПРИЧИНЕННОГО НАРУШЕНИЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫХ ПРАВ

Статья посвящена толкованию и практическому применению условий взыскания компенсации морального вреда как последствия нарушения прав на интеллектуальную собственность. Проводится анализ релевантного законодательства и судебной практики. Предлагается авторское толкование этих условий.

Ключевые слова: моральный вред, нравственные страдания, физические страдания, условия компенсации вреда, интеллектуальные права.

S. B. Abramov
Postgraduate student, Russian State Academy of Intellectual Property
Supervisor: A. V. Ryzhik

CONDITIONS FOR RECOVERY OF COMPENSATION FOR MORAL DAMAGE CAUSED BY VIOLATION OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

The article is devoted to the interpretation and practical application of the conditions for recovery of compensation for moral damage as a consequence of the intellectual property rights' violation. An analysis of relevant legislation and judicial practice is provided. The author's interpretation of these conditions is proposed.

Keywords: moral damage, mental suffering, physical suffering, conditions for recovery of damage, intellectual property rights.

Эффективное правовое обеспечение интересов людей творческого труда способствует развитию креативного сектора экономики. Отсутствие у писателя/художника/изобретателя уверенности в возможности защитить свои права при их нарушении может существенно снизить уровень мотивации такого лица на продолжение творческой деятельности.

Известно, что нарушение прав на интеллектуальную собственность способно привести обладателя этих прав не только к имущественным потерям, но и к глубоким переживаниям психологического характера.

В этой связи законодательства наиболее развитых стран предусматривают механизм взыскания компенсации морального вреда, причиненного нарушением прав на результаты творческой деятельности.

В отечественном законодательстве институт компенсации страданий, причиненных нарушением интеллектуальных прав, существует уже более двадцати лет

(впервые он был предусмотрен в Законе РФ «Об авторском праве и смежных правах» 2004 г.¹). Верховным Судом РФ не так давно были даны разъяснения относительно различных аспектов применения соответствующих правовых норм (см. п. 54 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 «О практике применения судами норм о компенсации морального вреда»²).

Данные разъяснения, однако, порождают целый ряд дополнительных вопросов, требующих дальнейшего исследования.

В частности, в конкретизации нуждается толкование условий, соблюдение которых необходимо для принятия судом решения о взыскании компенсации морального вреда при нарушении интеллектуальных прав.

Различным аспектам взыскания компенсации морального вреда посвящены труды, в первую очередь, таких ученых, как: А. М. Эрделевский³, А. Т. Табунщиков⁴, О. В. Дашко⁵, Е. Г. Дюбоко⁶. Имеется и немало исследований, затрагивающих гражданско-правовую ответственность за нарушение интеллектуальных прав (см, например, работы М. А. Рожковой⁷, А. С. Ворожевич⁸, В. Г. Голубцова⁹ и А. В. Сятчихина¹⁰).

Однако несмотря на высокую научную и практическую значимость вклада перечисленных выше исследователей, цивилистическая доктрина не содержит единой позиции касательно правил применения условий взыскания компенсации страданий, причиненных нарушением прав на интеллектуальную собственность.

Первым условием из перечисленных в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33 является *наличие физических или нравственных страданий потерпевшего*.

Ранее в одной из статей нами был предложен перечень нравственных страданий, которые могут быть вызваны нарушением интеллектуальных прав. Такими страданиями являются: беспомощность, чувство унижения, стыд, разочарование, гнев, отвращение, печаль, уныние, безразличие¹¹.

Однако ключевым вопросом, возникающим как при разработке законодательства о компенсации морального вреда, так и в правоприменительной практике, является вопрос о целесообразности применения презумпции причинения морального вреда в тех делах, где судом установлен факт нарушения интеллектуальных прав потерпевшего.

Полагаем, что такое нормативное предположение в полной мере применимо к подобным случаям. Это обусловлено тем, что при нарушении интеллектуальных прав потерпевший скорее испытает нравственные страдания, чем не испытает их, а также высокой значимостью охраны интеллектуальной собственности, признанной на уровне Федерального закона¹².

Следующее условие – *противоправность действий (бездействия) причинителя вреда*. Причинение морального вреда в результате нарушения интеллектуальных прав является, с одной стороны, нарушением объективных норм права (ст. 1064 ГК РФ, предусматривающая общий запрет на причинение вреда и запрет на причинение морального вреда, de-facto закрепленный ст. 150–

151 ГК РФ), так и субъективных прав правообладателей. Кроме того, форма (действие/бездействие), в которой были причинены страдания, идентична форме, относящейся к нарушению соответствующего интеллектуального права.

Компенсация морального вреда может быть взыскана лишь при наличии *причинной связи между неправомерными действиями (бездействием) и моральным вредом*. Такая связь должна признаваться отсутствующей в тех случаях, когда установлено, что истец испытал страдания, явно нехарактерные для случаев нарушения интеллектуальных прав (например, страх).

Последним условием взыскания компенсации страданий за нарушение прав на интеллектуальную собственность является *наличие вины причинителя вреда*. Отметим, что форма и степень вины, характеризующая нарушение интеллектуальных прав, зачастую отличается от формы и степени вины, относящихся к причинению морального вреда. При этом нравственные страдания в таких случаях почти никогда не причиняются с прямым умыслом, ведь нарушитель прав на интеллектуальную собственность крайне редко желает причинить правообладателю страдания.

Предложения теоретического и практического характера, изложенные выше, могут быть использованы как в образовательных целях, так и для совершенствования нормативной базы и судебной практики в избранной сфере.

Литература

1. Об авторском праве и смежных правах: Закон РФ от 09.07.1993 № 5351-1. [Электронный ресурс] Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. О практике применения судами норм о компенсации морального вреда [Электронный ресурс Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 15.11.2022 № 33]: Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Эрделевский А.М. Проблемы компенсации за причинение страданий в российском и зарубежном праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2000.
4. Табунщиков А.Т. Компенсация морального вреда в гражданском законодательстве Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Белгород, 2005.
5. Дашко О.В. Моральный вред и особенности его компенсации за нарушение авторских и смежных прав: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.
6. Дюбо Е. Г. Нематериальные блага и личные неимущественные права граждан и юридических лиц: теоретические и практические проблемы их защиты: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.
7. Рожкова М. А. Защита интеллектуальных прав: законодательные ошибки при определении статуса и компетенции специализированных органов, разрешающих дела в сфере промышленной собственности: учеб. пособие. М.: Статут, 2016.
8. Право интеллектуальной собственности: учебник / А. С. Ворожеевич, О. С. Гринь, В. А. Корнеев [и др.]; под общ. ред. Л. А. Новоселовой. М.: Статут, 2018. Т. 3: Средства индивидуализации.
9. Комментарии к избранным судебным актам Суда по интеллектуальным правам// Журнал Суда по интеллектуальным правам. 2023. №2 (40). С. 8–48.
10. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017.
11. Абрамов С. Б. Теоретико-методологические подходы к определению понятия морального вреда и понятия морального вреда как последствия нарушения интеллектуальных прав // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4(232). С. 279–282.
12. О развитии креативных (творческих) индустрий в Российской Федерации: Федер. закон от 08.08.2024 № 330-ФЗ // Российская газета. № 182. 16.08.2024.

А. Р. Белов, Д. А. Николаев
Студенты ПГНИУ
Научный руководитель: Д. Н. Латыпов

ОСНОВАНИЯ ДЛЯ ИСКЛЮЧЕНИЯ УЧАСТНИКА ИЗ ХОЗЯЙСТВЕННОГО ОБЩЕСТВА: ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАВОПРИМЕНИТЕЛЬНОЙ ПРАКТИКИ

Статья посвящена исследованию института исключения участника из хозяйственного общества. В работе предлагается классифицировать все основания для исключения участника из хозяйственного общества на объективные, представляющие собой деяния виновного лица, подлежащего исключению, и субъективные, которые составляют требования к лицу, наделенному правом инициировать исключение. На основе правоприменительной практики и юридической литературы был сделан вывод о необходимости сократить количество объективных оснований для исключения, а также о целесообразности проведения общего собрания акционеров по вопросу исключения участника из непубличного акционерного общества.

Ключевые слова: хозяйственное общество, общество с ограниченной ответственностью, непубличное акционерное общество, исключение участника, доля в уставном капитале, общее собрание акционеров.

A. R. Belov, D. A. Nikolaev
Students, Perm State University
Supervisor: D. N. Latypov

GROUND FOR EXCLUSION OF A PARTICIPANT FROM A BUSINESS COMPANY: PROBLEMS OF THEORY AND LAW ENFORCEMENT PRACTICE

The article is devoted to the study of the institution of exclusion of a participant from a business entity. The work proposes to classify all the grounds for exclusion of a participant from a business entity into objective ones, which are the actions of the guilty person subject to exclusion, and subjective ones, which constitute the requirements for the person vested with the right to initiate exclusion. Based on law enforcement practice and legal literature, a conclusion was made on the need to reduce the number of objective grounds for exclusion, as well as on the advisability of holding a general meeting of shareholders on the issue of exclusion of a participant from a non-public joint-stock company.

Keywords: business entity, limited liability company, non-public joint-stock company, exclusion of a participant, share in the authorized capital, general meeting of shareholders.

Механизм по исключению участника из хозяйственного общества является собой один из ключевых элементов объединения всех его членов.

Все основания, перечисленные в законодательстве в качестве предшествующих обращению в суд с требованием об исключении участника, можно условно

разделить на две основополагающие категории: 1) объективные основания, т. е. деяния, за которые участник подлежит исключению; 2) субъективные основания, которые заключаются в дополнительных требованиях к лицу, которое имеет право инициировать исключение такого участника.

Согласно статье 10 Закона об ООО участники общества имеют право на обращение в суд с иском об исключении другого участника при наличии двух самостоятельных объективных оснований: 1) «грубого нарушения им своих обязанностей»; 2) «совершения им действий, делающих деятельность общества невозможной или существенно ее затрудняющих»¹. Пленумы ВС РФ и ВАС РФ в пункте 17 своего Постановления № 90, 14 от 09.12.1999 обратили внимание на то, что при решении судами вопросов о том, является ли допущенное участником общества нарушение грубым, необходимо учитывать, во-первых, «степень его вины», а, во-вторых, «наступление (возможность наступления) негативных для общества последствий», о которых в законе напрямую не упоминается². Подобное толкование фактически нивелирует всякую разницу между двумя перечисленными основаниями, поскольку и в первом, и во втором ключевая роль будет отведена факту наступления неблагоприятных последствий из-за поведения исключаемого участника. При этом к совершению действий, влекущих невозможность или затруднительность осуществления деятельности общества, Пленум ВС РФ в пункте 35 Постановления № 25 от 23.06.2015 относит систематическое уклонение от участия в общем собрании участников или совершение действий, которые противоречат интересам общества³.

Не менее важным вопросом при разрешении спора об исключении участника является и форма его вины. В юридической литературе отмечается, что основания для исключения участника могут возникнуть как при наличии умысла, так и при наличии неосторожности. Принцип «безвиновной» ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, в данных спорах не может быть применен, поскольку взаимоотношения членов корпорации по управлению ею не являются таковой⁴. О вышеизложенном косвенно может свидетельствовать и тот факт, что ответственность лица, осуществляющего функции члена совета директоров или единоличного исполнительного органа, за причиненные акционерному обществу убытки строится аналогичным образом: исключительно на началах вины⁵.

Более поздней новеллой законодателя является введение в 2014 году в абзац 4 пункта 1 статьи 67 ГК РФ, опосредующей права участников хозяйственных товариществ и обществ, правомочия участников непубличных акционерных обществ (далее по тексту – НАО) требовать исключения другого участника. При этом рассматриваемая правовая норма приравнивает грубое нарушение исключаемым участником обязанностей к перечню действий, влекущих негативные последствия. Кроме того, помимо случаев, продублированных из статьи 10 Закона об ООО, положения абзаца 4 пункта 1 статьи 67 ГК РФ предусматривают и третье объективное основание для исключения участника, которым является причинение им

«существенного вреда» обществу и правовая природа которого до сих пор остается не до конца ясной⁶.

Анализируя названные положения Закона об ООО и ГК РФ в совокупности, можно прийти к выводу, что подобное дробление объективных оснований для исключения участника и использованные при их конструировании технико-юридические приемы не только создают правовую неопределенность при выявлении предмета доказывания по таким спорам, но и нередко предопределяют неправильное применение судами норм материального права, что приводит к вынесению необоснованных решений⁷.

В настоящее время в актах судебного толкования в качестве родового признака всех объективных оснований для исключения участника указывают такой неустранимый характер негативных последствий от его действий или бездействий, когда процедура исключения выступает в качестве единственного возможного правового способа прекращения вреда интересам общества⁸.

Субъективным основанием для исключения участника является наличие у инициатора исключения доли в размере не менее чем 10% от уставного капитала общества (ст. 10 Закона об ООО). Стоит отметить, что в качестве такого лица могут выступать как несколько участников общества сообща, так и один из них при условии соблюдения им вышеназванного ценза.

Тем временем абзац 4 пункта 1 статьи 67 ГК РФ вообще не предъявляет никаких дополнительных требований к лицу, которое требует исключения участника. Следовательно, такое требование может быть заявлено любым участником НАО. О. И. Босык и Ю. Н. Стражевич по этому поводу пишут, что анализируемая правовая норма может породить ситуации, при которых миноритарный участник НАО вправе инициировать исключение мажоритарного участника НАО, что приведет к утрате контроля над бизнесом для остальных членов общества. Несмотря на это, подобная формулировка сохраняет свою юридическую силу и по сей день⁹.

Таким образом, в целях формирования единообразной судебной практики по корпоративным спорам об исключении участников предлагается унифицировать действующие редакции статьи 10 Закона об ООО и абзаца 4 пункта 1 статьи 67 ГК РФ посредством включения в них следующей формулировки: «Участники хозяйственного общества... вправе требовать в судебном порядке исключения из общества участника, по вине которого возникли обстоятельства, непосредственно препятствующие деятельности общества или делающие ее невозможной. Участник подлежит исключению в случае, если такие обстоятельства носят неустранимый характер». Безусловно необходимой является и разработка в рамках ФЗ «Об акционерных обществах» специального субъективного основания – ценза для тех лиц, кто имеет право требовать исключения участника из НАО. Подобный ценз должен представлять собой урегулированный порядок проведения общего собрания акционеров по такому вопросу и вынесение последним предварительного решения об инициации этой процедуры.

Литература

1. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 08.02.1998 № 14-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 17.02.1998. № 30.
2. О некоторых вопросах применения Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 90, Пленума ВАС РФ № 14 от 09.12.1999 // Вестник ВАС РФ. 2000. № 2.
3. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Российская газета. 30.06.2015. № 140.
4. Обухова А. Д. Исключение участника из непубличного общества как способ разрешения корпоративных споров // Вестник науки. 2024. Т. 2. № 6 (75). С. 652–658. EDN: AKDAIZ.
5. Богданов А. В., Клячин А. А. Условия и основания гражданско-правовой ответственности лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа акционерного общества // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3 (17). С. 62–72. EDN: PDRZLN.
6. Гражданский кодекс РФ (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 05.12.1994. № 32. Ст. 3301.
7. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 15.12.2021 № Ф09-2313/20 по делу № А76-34748/2018 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 04.03.2024 № 13АП-41509/2023 по делу № А56-50699/2023 [Электронный ресурс]. Документ опубликован не был. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Босык О. И., Стражевич Ю. Н. Изменение состава непубличного хозяйственного общества по инициативе остальных участников // Вестник СурГУ. 2016. № 4 (14). С. 81-85. EDN: XWZHII.

ПЛАТА ЗА ОТКАЗ ОТ ДОГОВОРА И ИНСТИТУТ ВОЗМЕЩЕНИЯ ПОТЕРЬ

Новая редакция статьи 310 ГК РФ позволила сторонам договора предусмотреть односторонний отказ при условии выплаты определенной денежной суммы. Однако судебная практика показывает, что в настоящий момент не сформировано единое мнение относительно места института платы за отказ от договора в понятийном аппарате гражданского права.

В статье делаются выводы по вопросам, связанным с пониманием правовой природы платы за отказ от договора путем ее сопоставления с институтом возмещения потерь.

Ключевые слова: институт возмещения потерь, односторонний отказ от договора, плата за отказ от договора, компенсация, indemnity.

A. V. Belkevich
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

FEE FOR CANCELLATION OF THE CONTRACT AND THE INSTITUTION OF COMPENSATION FOR LOSSES

The new version of Article 310 of the Civil Code of the Russian Federation allowed the parties to the contract to provide for a unilateral refusal on condition of payment of a certain amount of money. However, judicial practice shows that at present there is no consensus regarding the place of the institution of payment for refusal of a contract in the conceptual apparatus of civil law.

The article draws conclusions on issues related to understanding the legal nature of payment for refusal of a contract by comparing it with the institution of compensation for losses.

Keywords: institute of compensation for losses, unilateral refusal of a contract, fee for refusal of a contract, compensation, indemnity.

Появление института возмещения потерь в отечественном законодательстве обусловилось, во-первых, необходимостью усиления принципа автономии сторон в условиях развития рыночных отношений. Во-вторых, практическая потребность соответствующих изменений объясняется сложившейся тенденцией включения в договоры условий о распределении рисков возникновения потерь вследствие наступления событий, не связанных с нарушением обязательств.

Примечательно, что появление института возмещения потерь в российском правовом поле сопровождалось продолжительной дискуссией. Разработка

Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации была связана также необходимостью создания в нашей стране международного финансового центра, представители которого настаивали на включении в ГК РФ институтов, используемых в странах общего права¹. Предполагалось, что появление механизма перераспределения связанных с договором коммерческих рисков повысило бы инвестиционную привлекательность России и увеличило рынок иностранного капитала.

В англосаксонской системе институт возмещения потерь именуется indemnity. В отечественной цивилистике распространено мнение о том, что включение в российское законодательство этого инструмента связано с широким использованием английского права российскими предпринимателями, т.к. именно английское право содержит такие значимые правовые явления как заверения об обстоятельствах (warranties) и гарантии возмещения имущественных потерь (indemnities)². Таким образом, статья 406 ГК РФ не реципировала английский институт indemnity в его чистом виде, а как отмечает А. Г. Карапетов, лишь «должна была закрыть брешь в систематике российского обязательственного права, наметив контуры института перераспределения риска возникновения связанных с договорным правоотношением потерь между сторонами договора»³.

Условие о возмещении потерь в ряде случаев сопоставляется со страхованием. Так, возмещение потерь также, как и страхование, направлено на перераспределение рисков, не связанных с поведением заинтересованного лица. Данный вывод следует из статьи 2 Федерального закона «Об организации страхового дела в Российской Федерации», в соответствии с которой страхование определяется как отношения по защите интересов физических и юридических лиц, Российской Федерации, субъектов Российской Федерации и муниципальных образований при наступлении определенных страховых случаев за счет денежных фондов, формируемых страховщиками из уплаченных страховых премий (страховых взносов), а также за счет иных средств страховщиков⁴.

Через призму страхования на институт возмещения потерь смотрят и зарубежные авторы. Например, в учебнике английского договорного права Chitty on Contracts приводится классификация договоров страхования, первая группа которой включает все виды имущественного страхования, строится по принципу возмещения потерь в результате страхового случая⁵. В двух известных прецедентах Darrell v. Tibbitts⁶ и Castellain v. Preston⁷, договор страхования квалифицировался в качестве договорного индемнити^{8, 9}.

Весьма убедительным кажется высказывание А.Г. Карапетова, согласно которому индемнити определяется как «внутреннее страхование»^{3, 10}. Автор объясняет выбор сторонами в пользу такого страхования тем, что страховые компании не всегда готовы застраховать риск возникновения потерь, т.к. не располагают достаточной информацией для проведения расчетов. Кроме этого, премия за риск

при «внутреннем страховании» зачастую оказывается меньше, чем премия при классическом страховании.

Страхование и возмещение потерь действительно имеют ряд общих черт. Во-первых, индемнити по своей природе также, как и страхование, предполагает защиту имущественных интересов участников гражданских правоотношений от возможных имущественных потерь. Во-вторых, анализ формулировки пункта 3 статьи 406.1 ГК РФ позволяет заключить, что возмещение потерь является частным случаем суброгации. В-третьих, в пункте 15 постановления Пленума Верховного суда РФ от 24.03.2016 № 7 «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» (далее – «постановление Пленума ВС РФ № 7») указывается, что если сторона, в пользу которой должно быть осуществлено возмещение потерь, недобросовестно содействовала наступлению обстоятельства, на случай которого установлено это возмещение, такое обстоятельство считается не наступившим¹¹. Применительно к страхованию тождественные последствия сформулированы в пункте 1 статьи 963 ГК РФ.

В связи с выявлением многочисленных сходств правовых институтов страхования и индемнитета, нередко в литературе затрагивается вопрос о возможности субсидиарного применения тех или иных положений друг к другу. На наш взгляд, отождествление института возмещения потерь и страхования является ошибочным, т.к. сходства обнаруживаются лишь в некоторых характеристиках, но основное их содержание принципиально разное.

Р. Е. Петрова и М. А. Марутенков, называя институт возмещения потерь суррогатом страхования, отмечают, что между страхователем и страховщиком отсутствует иное обязательство кроме страхового, тогда как соглашение о возмещении потерь связано с наличием основного обязательства⁵. Различие можно провести и по субъектному составу: соглашение о возмещении потерь могут заключить только субъекты предпринимательской деятельности, а в страховых правоотношениях могут принимать участие и физические лица. И наконец, в случае с индемнити не допускается возложение риска несения имущественных потерь на третье лицо, а предполагается его распределение между сторонами обязательства.

Институт платы за отказ от договора является компенсационным по своей природе, соглашение о возмещении потерь в свою очередь также имеет компенсационное начало. На это указывает и постановление Пленума ВС РФ №7, согласно которому стороны вправе установить такой порядок определения размера потерь, по которому одна из сторон возмещает другой все возникшие у нее потери, вызванные соответствующими обстоятельствами, или их часть. Компенсационный характер договорного индемнити подчеркивается и в отечественной доктрине. Так, Д. Е. Богданов отмечает, что соглашение о возмещении потерь входит в рамки «концепции точной защиты», т.е. соответствует началам

корректирующей справедливости, компенсационной функции гражданского права¹².

Возмещение потерь допускается, если будет доказано, что они (потери) уже понесены или с неизбежностью будут понесены в будущем. В случае с согласованием условия платы за отказ договора кредитор делает попытку избежать имущественных потерь, соглашаясь на выплату денежной суммы должником, т.е. потери кредитора также неизбежны и напрямую будут вызваны отказом.

Формулировка пункта 3 статьи 310 ГК РФ трактуется большинством цивилистов как плата за реализацию секундарного права, направленная на предупреждение дисбаланса обязательственного правоотношения. Таким образом, учитывая цель выплаты, ее следует квалифицировать как частный случай компенсации имущественных потерь кредитора. Можно согласиться с позицией Д. Е. Богданова, согласно которой в российском гражданском законодательстве помимо платы за отказ от договора имеется множество норм, направленных на перераспределение имущественных рисков в договорах купли-продажи, комиссии, аренды, подряда и др., а в совокупности указанные нормы имеют единое функциональное назначение и образуют институт возмещения имущественных потерь.

На практике может возникнуть вопрос, как быть кредитору, если станет очевидно, что согласованная сторонами сумма явно недостаточна для восстановления его экономического положения? Представляется, что в таком случае кредитор может воспользоваться универсальным способом защиты, т.е. возмещением убытков. Согласно абзацу 2 части 1 статьи 393 ГК РФ, если иное не установлено законом, использование кредитором иных способов защиты нарушенных прав, предусмотренных законом или договором, не лишает его права требовать от должника возмещения убытков, причиненных неисполнением или ненадлежащим исполнением обязательства. Полагаем, что установление в договоре такой превентивной меры как взыскание платы за отказ от его исполнения не препятствует применению этого правила.

Можно сделать вывод, что появление в отечественном законодательстве института возмещения потерь позволило субъектам предпринимательской деятельности дополнительно обезопасить себя в случае наступления событий, не связанных с противоправным поведением сторон.

Сравнительно-правовой анализ платы за отказ от договора и договорного индемнити показал, что формулировку пункта 3 статьи 310 ГК РФ следует понимать именно как восстановительную меру, направленную на вознаграждение претерпевающей неудобства стороны. Не являясь мерой ответственности, так же, как и компенсация имущественных потерь, исследуемый институт выполняет превентивную функцию, способствует повышению стабильности гражданского оборота.

Литература

1. Сятчихин А. В. Возмещение заранее оцененных убытков: анализ развития отечественной судебной практики // Legal Concept. 2017. Т. 16. № 2. С. 104–108.
2. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в современном праве Англии и США // Шестой пермский конгресс ученых-юристов: Избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016. С. 321–329.
3. Карапетов А. Г. Условие о возмещении потерь: комментарий к ст. 406.1 ГК // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. Вып.5. С. 80–98.
4. Об организации страхового дела в Российской Федерации: Федер. закон от 27.11.1992 №4015-1-ФЗ (ред. от 28.12.2024) [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Петрова Р. Е., Марутенков М. А. Возмещение потерь как суррогат страхования? // Образование и право. 2019. № 5. С. 68–72.
6. Darrell v. Tibbitts [1880] L.R. 5.
7. Castellain v. Preston [1883] L.R. 11 QBD.
8. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. 261 с.
9. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: монография / отв. ред. В. Г. Голубцов. М.: Проспект, 2020. 232 с.
10. Климов И. В. Договорное возмещение потерь по праву Англии и Уэльса и праву России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2024. 276 с.
11. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: Постановление Пленума ВС РФ от 24.03.2016 №7 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/SignatoryAuthority/government> (дата обращения: 05.12.2024).
12. Богданов Д. Е. Возмещение потерь в российском и зарубежном праве // Lex Russica. 2017. Вып. 5. С. 174–193.

А. Р. Бисс
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Д. Н. Латыпов

СОДЕРЖАНИЕ ПРАВИЛА ЗАЩИТЫ ДЕЛОВОГО РЕШЕНИЯ В СУДЕБНЫХ ПРЕЦЕДЕНТАХ ВЕРХОВНОГО И КАНЦЛЕРСКОГО СУДОВ ШТАТА ДЕЛАВЭР (США)

Предметом исследования выступает подход судов штата Делавэр к определению оснований и условий применения правила защиты делового решения. Особое внимание уделяется фидуциарным обязанностям директора, которые выступают основой правила защиты делового решения.

Ключевые слова: правило защиты делового решения, добросовестность, лояльность, заботливость, корпоративная ответственность.

A. R. Biss
Master's student, Perm State University
Supervisor: D. N. Latypov

THE CONTENT OF THE BUSINESS JUDGMENT RULE IN JUDICIAL PRECEDENTS OF DELAWARE SUPREME COURT AND DELAWARE COURT OF CHANCERY

The subject of the study is the approach of the courts of the State of Delaware to determining the grounds and conditions for the application of the business judgment rule. Special attention is paid to the fiduciary duties of the director, which serve as the basis for the business judgment rule.

Keywords: business judgment rule, duty of good faith, duty of loyalty, duty of care, corporate responsibility.

Правило защиты делового решения применяется во многих зарубежных правовых системах, в том числе во Франции, Германии, Российской Федерации. Основой применяемых подходов выступают судебные прецеденты Верховного и Канцлерского судов штата Делавэр (США). Феномен штата Делавэр заключается в том, что несмотря на небольшую площадь и численность населения на начало 2024 года в штате было зарегистрировано более 395 000 корпораций. Причинами последнего выступают лояльное налоговое законодательство, а также юрисдикция Канцлерского суда штата Делавэр, который признается центром развития корпоративного права, в том числе правила защиты делового решения. Назначение правила защиты делового решения состоит в недопущении ретроспективного анализа предпринимательских решений судом. Как указал Канцлерский суд штата Делавэр, правило защиты делового решения является стандартом пересмотра, основанном на уважении к прерогативе директора по управлению бизнесом; в случаях его

применения, суды должны уважительно относиться к решениям директоров, и до тех пор, пока суд может определить рациональную деловую цель решения, он не должен признавать решение недействительным или анализировать его обоснованность¹.

Согласно устоявшемуся подходу, правило защиты делового решения представляет собой презумпцию, что при принятии делового решения директор действовал добросовестно, с учетом необходимой для принятия решения информации и в интересах компании². Указанная формулировка представляет лишь краткий вариант содержания правила защиты делового решения. В действительности элементами правила являются наличие делового решения, незаинтересованность и независимость директора (лояльность), соблюдение обязанности заботливости, добросовестность директора. Правило защиты делового решения является стандартом судебного пересмотра, а не стандартом поведения директора, поэтому при решении вопроса о его применении суд анализирует деловое решение только в той мере, в какой это необходимо для установления условий его применения.

Несмотря на очевидность, сфера применения правила защиты делового решения ограничивается деловыми решениями, принятыми по вопросам предпринимательской деятельности. Вопрос о принятии или непринятии решения должен зависеть исключительно от усмотрения директора³. Так, правило не применимо в случаях, когда директор обязан принять решение во исполнение требований законодательства или локального акта.

Следующим условием выступает соблюдение директором обязанности действовать лояльно. В контексте правила лояльность включает независимость и незаинтересованность директора в процессе принятия решения. Директор считается незаинтересованным, если он действовал в отсутствие конфликта интересов. Обязанность будет считаться нарушенной, к примеру, если директор выступает на обеих сторонах сделки или ожидает получить от сделки личную финансовую выгоду, которая не распространяется на компанию в целом⁴. Помимо этого, в процессе принятия решения директор должен быть независимым от влияния третьих лиц, которые контролируют директора и заинтересованы в принятии решения. Таковым, в частности, может являться мажоритарный акционер компании или член совета директоров. Указанное требование не умаляет возможность директора обсуждать решение или принимать во внимание опыт более квалифицированных специалистов, коллег, тем не менее, решение должно быть принято директором самостоятельно, на основании его личного суждения. Суды также отмечают, что сами по себе дружеские или деловые отношения директора не создают разумных сомнений в его независимости, то есть истец должен доказать, что отношения являются настолько близкими, что незаинтересованный директор будет готов скорее подвергнуть риску свою репутацию, чем дружеские отношения с зависимым директором⁵.

В ряде случаев суды указывают, что обязанность действовать добросовестно входит в содержание обязанности лояльности, а потому не является отдельной фидуциарной обязанностью и тем более условием правила защиты делового решения. Верховный суд штата Делавэр указал, что недобросовестность может повлечь ответственность, так как она является элементом лояльности⁶. Суд подчеркнул, что данное обстоятельство влечет два важных последствия: обязанность не входит в число фидуциарных наряду с лояльностью и заботливости, а потому недобросовестные действия могут повлечь ответственность лишь косвенно; обязанность лояльности включает не только случаи, связанные с конфликтом интересов, но и со случаями нарушения директором обязанности действовать добросовестно. В качестве аргументации суд сослался на вывод Канцлерского суда штата Делавэр о том, что директор не может действовать лояльно, если он действует недобросовестно, полагая, что его действия отвечают интересам компании⁷. Подобную позицию разделяют И. Ю. Загоруйко и А. В. Богданов: «невозможно осуществлять права и исполнять обязанности недобросовестно и неразумно, но в интересах общества»⁸.

М. А. Айзенберг критикует указанный подход, отмечая, что обязанности заботливости и лояльности не охватывают все требования к надлежащему поведению директора. Автор считает, что добросовестность директора должна выступать основанием для применения правила защиты делового решения в целом⁹. Указанный подход положительно оценивается и в отечественной доктрине¹⁰.

Также условием применения правила является соблюдение обязанности действовать заботливо. В широком смысле директор действует заботливо, если он действует усердно. Акцент в данном случае следует на проявлении усердия в процессе принятия решения, независимо от самого результата. В узком смысле обязанность заботливости проявляется в том, что деловое решение было принято директором с учетом необходимой для этого информации. Согласно судебной практике, требование информированности касается той информации, которая была объективно значима для принятия решения.

Таким образом, правило защиты делового решения применяется, если истец не опровергнет презумпцию, что при принятии делового решения директор не нарушил обязанности действовать лояльно и заботливо. Для опровержения презумпции истцу достаточно доказать несоблюдение хотя бы одной из фидуциарных обязанностей. Особого внимания заслуживают требования, предъявляемые к опровержению обязанности заботливости: истцу необходимо доказать грубую небрежность директора, под которой понимается полное безразличие к возложенным на него обязанностям¹¹. Таким образом, правило защиты делового решения может применяться в случае нарушения обязанности заботливости, если она не достигает уровня грубой небрежности. Доктрина и судебная практика едина во мнении, что доказать нарушение лояльности намного легче, чем установить грубую

небрежность. Относительно приведения указанных стандартов в соответствие суд указал, что строгая ответственность может снизить энтузиазм директоров.

Если истец опровергает презумпцию, то вместо правила защиты делового решения суд применяет стандарт пересмотра, именуемый «проверкой честности» (*entirely fair*), при котором суд производит полную проверку решения директора на предмет его справедливости по отношению к компании¹².

Судами штата Делавэр был разработан детальный и эффективный механизм применения правила защиты делового решения. Значимым недостатком правила выступает неопределенность относительно перечня фидуциарных обязанностей директора, являющихся условиями применения правила. Аналогичная проблема, требующая доктринального анализа, отмечается и в отечественном аналоге правила защиты делового решения.

Литература

1. In re Smurfit-Stone Container Corp. S'Holder Litig., C.A. No. 6164- VCP (Del. Ch. May 20, 2011, revised May 24, 2011). URL: <https://law.justia.com/cases/delaware/court-of-chancery/2011/155480.html> (дата обращения: 19.03.2025).
2. Aronson v. Lewis 473 A.2d 805 (1984). URL: <https://law.justia.com/cases/delaware/supreme-court/1984/473-a-2d-805-4.html> (дата обращения: 19.03.2025).
3. Radin S. A. The Business Judgment Rule. Fiduciary Duties of Corporate Directors. N.Y., 2009. P. 92.
4. Cede & Co. v. Technicolor, Inc., 634 A.2d at 363. URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/2308640/cede-co-v-technicolor-inc/> (дата обращения: 21.03.2025).
5. Robotti & Co., LLC v. Liddell, C.A. No. 3128-VCN (Del. Ch. Jan. 14, 2010). URL: <https://delawarecounselgroup.com/wp-content/uploads/2016/06/Robotti-Co.-LLC-v.-Liddell-et-al.-and-Gulfport-Energy-Corp.-C.A.-No.-3128-VCN-Noble-V.C.-Del.-Ch.-Jan.-14-2010.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
6. Stone v. Ritter, 911 A.2d 362, 2006. URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/2334726/stone-v-ritter/> (дата обращения: 22.03.2025).
7. Guttman v. Huang, 823 A.2d 492, 506 n.34 (Del.Ch.2003). URL: <https://www.professorbainbridge.com/professorbainbridgecom/2003/09/guttman-v-huang-del-vc-strine-on-audit-committee-due-care-standards.html> (дата обращения: 22.03.2025).
8. Загоруйко И. Ю., Богданов А. В. Гражданско-правовая ответственность лица, осуществляющего функции единоличного исполнительного органа, в случае банкротства юридического лица // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2013. № 4 (22). С. 269.
9. Eisenberg M. The Duty of Good Faith in Corporate Law // Delaware Journal of Corporate Law, Vol. 31, № 1, 2005. P. 30.
10. Ключарева Е.М. Правило защиты делового решения в делах о привлечении к ответственности директоров: законодательство и практика штата Делавэр (США), Германии и России // Закон. 2015. № 11. С. 141.
11. Firefighters' Pension Sys. Tr. v. Presidio, Inc., 251 A.3d 212, 287 (Del. Ch. 2021). URL: <https://law.justia.com/cases/delaware/court-of-chancery/2021/c-a-no-2019-0839-jtl.html> (дата обращения: 22.03.2025).
12. Mills Acquisition Co. v. Macmillan, Inc., 559 A.2d 1261, 1279 (Del. 1988). URL: <https://www.courtlistener.com/opinion/2334118/mills-acquisition-co-v-macmillan-inc/> (дата обращения: 22.03.2025).

Д. П. Богомолова
Студент МГЮА им. О. Е. Кутафина
Научный руководитель: Д. В. Носов

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СПОРОВ ПО ДОГОВОРАМ ДОБРОВОЛЬНОГО ИМУЩЕСТВЕННОГО СТРАХОВАНИЯ

Договор добровольного имущества становится все более широко используемым в виду усложнения гражданско-правовых отношений, а значит чаще возникает необходимость разрешения споров, возникающих в связи с применением данного договорного типа. Особенности урегулирование споров по договорам имущественного страхования я рассматриваю и анализирую в своей статье.

Ключевые слова: имущественное страхование, договор имущественного страхования, обязательства, страхователь, страховщик, финансовый уполномоченный

D. P. Bogomolova
Student, Kutafin Moscow State Law University
Supervisor: D. V. Nosov

PROCEDURAL FEATURES OF CONSIDERATION OF DISPUTES UNDER VOLUNTARY PROPERTY INSURANCE AGREEMENTS

The voluntary property contract is becoming more and more widely used due to the complication of civil law relations, which means that the need to resolve disputes arising in connection with the use of this type of contract arises more often. I consider and analyze the features of dispute resolution under property insurance contracts in my article

Keywords: property insurance, property insurance contract, obligations, policyholder, insurer, financial ombudsman

Определение договора имущественного страхования дается статьей 929 ГК РФ и выглядит следующим образом: «по договору имущественного страхования одна сторона (страховщик) обязуется за обусловленную договором плату при наступлении предусмотренного в договоре события возместить другой стороне (страхователю) или иному лицу, в пользу которого заключен договор (выгодоприобретателю), причиненные вследствие этого события убытки в застрахованном имуществе либо убытки в связи с иными имущественными интересами страхователя в пределах определенной договором суммы»

Данный договор может быть заключен как на стандартных (типичных) условиях, так и на условиях, разработанных сторонами. К договору, который заключен

на стандартных условиях применяются правила о договоре присоединения. Поскольку страховщик обычно является юридическим лицом, специализирующимся на страховании имущества, можно говорить о публичности данного договора в тех случаях, когда на стороне страхователя выступает физическое лицо, страхующее имущество в целях, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности.

В соответствии с Федеральным законом «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг», досудебный порядок урегулирования споров, возникающих из договоров добровольного страхования имущества, является обязательным для граждан-потребителей. Это правило направлено на защиту прав потребителей, которые признаются менее защищенными субъектами, однако О. Н. Гуляева в своей статье «Презумпция слабости субъекта частноправовых отношений»¹ ссылается на то, что даже сторона-потребитель не может априори презюмироваться в роли слабой стороны. Однако стоит отметить, что рынок страхования является весьма динамичным и изменяющимся ввиду новых условий рынка и гражданского оборота в целом. Так в последние годы особую популярность приобретает страхование от мошенничества, от интернет-мошенничества в частности, которое зачастую осуществляется с использованием неосведомленности граждан, не обладающих специальными знаниями в этой области, а потому излишне доверчивых, ввиду чего получается, что граждане, желающие обезопасить себя от мошенничества, становятся, иногда сами того не подозревая, стороной договорами имущественного страхования, приобретая как права, так и обязанности, которые могут быть и весьма обременительными.

Потребительские споры, вытекающие из договоров страхования относятся к категории споров с обязательной досудебной процедурой урегулирования спора, несоблюдение которой будет иметь последствием общие последствия несоблюдения досудебной процедуры. В рамках досудебной стадии страхователь-потребитель обращается к финансовому уполномоченному, который рассматривает требования страхователя к страховщику. Компетенция финансового управляющего не безгранична и распространяется только на споры, цена которых не превышает 500 тысяч рублей. Это ограничение служит для оптимизации работы уполномоченного и предотвращения перегрузки системы.

Таким образом на стадии анализа еще только досудебной стадии видны специфические особенности данного института. Так, ввиду сложности отношений, их важности как в гражданском, так и экономическом обороте, и высокой социальной значимости создан институт финансового уполномоченного, который призван подчеркнуть актуальность споров, вытекающих из договоров имущественного страхования и позволить облегчить работу судов, путем передачи данных дел на рассмотрение такого субъекту охраны и защиты прав граждан, как финансовый управляющий.

Переходя к судебному рассмотрению споров, стороной в котором выступает страхователь-потребитель, стоит проанализировать подсудность дел, поскольку разнообразие правоотношений предполагает рассмотрение споров, возникающих из договоров добровольного имущественного страхования различными судами. Споры, возникающие из договоров добровольного страхования имущества граждан, организаций, органов государственной власти и местного самоуправления, которые не связаны с их предпринимательской деятельностью, подлежат рассмотрению судами общей юрисдикции. Дела с ценой иска до ста тысяч рублей, рассматриваются мировым судьей. Если цена иска превышает указанные суммы или если дело не подлежит денежной оценке, оно передается в районный суд. В случае же, если вместе с имущественным требованием, подсудным мировому судье, заявлено требование о компенсации морального вреда, такое дело также рассматривается мировым судьей.

Споры по договорам добровольного страхования имущества и связанные с предпринимательской деятельностью рассматриваются арбитражными судами. Однако, здесь тоже стоит акцентировать внимание на таком моменте, как выступление стороной договора имущественного страхования индивидуального предпринимателя. В случае, если возникает коллизия между компетенцией арбитражного суда и судов общей юрисдикции подлежит выяснение, договор страхования был направлен на страхование имущества, используемого лицом для осуществления предпринимательской деятельности или в личных и бытовых целях. Данный, казалось бы, небольшой и повседневный момент уже способен отразить сложность и характер тонкостей, с которыми сталкивается правоприменитель при работе со спорами из договоров добровольного имущественного страхования.

Определившись с предметной подсудностью, следует также рассмотреть подсудность территориальную. На территориальную подсудность по спорам из договоров имущественного страхования распространяются общие правила: иск должен быть подан по месту жительства или же месту нахождения ответчика-юридического лица или филиала, в котором оспариваемый договор был заключен. В спорах о защите прав потребителей-страхователей требования могут быть предъявлены в суд по месту жительства истца или по месту заключения договора. Данное правило призвано способствовать повышению доступности правосудия населению и выступает дополнительной гарантией соблюдения законности в отношении прав и законных интересов страхователя-потребителя.

Финансовый уполномоченный в разумный срок рассматривает поданное ему заявление, после чего выносит свое решение. Решение должно соответствовать критериями законности и обоснованности. Вынесенное решение может быть оспорено сторонами, в случае, если они с ним не согласны. Для страхователя и страховщик устанавливаются разные условия обращения в суд, разница опять же

продиктована разным статусом сторон. Так, для страхователя срок установлен более продолжительный – 30 дней со дня вступления в силу указанного решения. Страхователь в праве обратиться с иском к страховщику в порядке гражданского судопроизводства в районный суд или к мировому судье, избирая подсудность в зависимости от оснований, рассмотренных выше. А для страховщика срок обращения иском в суд составляет всего 10 календарных дней, что обусловлено профессиональной подкованностью в вопросах своей специализации и отсутствии необходимости защищать более слабого участника гражданского оборота. Рассмотрение таких требований страховщика производится судами общей юрисдикции по общим правилам искового производства в суде первой инстанции.

После обращения сторон договора добровольного имущественного страхования и принятия судом соответствующего уровня дела к своему производству, начинается стадия подготовка дела к судебному разбирательству. В рамках этой стадии процесса, извещает также финансового уполномоченного о принятии судом иска к производству, направляет ему копию искового заявления с приложенными материалами и истребует у финансового уполномоченного копии материалов, положенных в основу его решения. Решение, вынесенное финансовым уполномоченным, будет иметь статус письменного доказательства по делу, относительно которого суд, руководствуясь принципом оценки доказательств, согласно которому ни одно доказательство не может иметь заранее установленной силы, будет оценивать его наравне со всеми остальными доказательствами, заявленными сторонами в процессе. Приобщение решения финансового уполномоченного к материалам дела совершается для проверки обоснованности, подлинности и законности данного решения.

На основании извещения суда финансовый уполномоченный получает возможность вступления в процесс в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требования. Помимо финансового уполномоченного в целях обеспечения правильного и своевременного разрешения споров данной категории при подготовке дела к судебному разбирательству суду следует привлечь для участия в процессе лиц, причинивших вред застрахованному имуществу, в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельных требований по предмету спора. Однако данное правило будет распространяться исключительно на случаи, когда оспаривается страховой случай, имеющий антропогенный характер и вытекает из действий третьих лиц, а не действий необратимой силы. Данное условие необходимо ввиду того, что решение, которое вынесет суд в результате рассмотрения дела может затронуть интересы этих лиц, к которым страховщик впоследствии может предъявить требования в порядке суброгации.

Завершив анализ особенностей споров между страховщиком и страхователем-потребителем, считаю необходимым также кратко осветить и особенности, характерные для споров, вытекающих из договоров имущественного страхования,

не обремененных характеристикой публичности. Отсутствие публичности в данном договорном типе будет влиять на предметную подсудность спора, то есть применяться будут уже нормы арбитражного, а не гражданского процессуального законодательства. В случае спора между страхователем, не являющимся потребителем финансовых услуг, и страховщиком, страхователь обязан подать претензию страховщику в соответствии с частью 5 статьи 4 АПК РФ. То есть, как мы видим соблюдение досудебного порядка обязательный характер будет носить и в данном случае, это связано с тем, что более чем значительное число споров удается разрешить еще до обращения в суд, а значит подобный институт досудебного урегулирования полезен и в сфере имущественного страхования в коммерческих целях. Досудебная процедура заключается в подаче претензии своему контрагенту. На рассмотрение претензии дается 30 календарных дней. В случае, если сторона, заявившая претензию, в течение 30 не получает ответа или же если ответ носит неудовлетворительный для направившей претензию стороны, она получает возможность обратиться в суд.

Важным также считаем отметить, что в случаях, когда требование страхователя/выгодоприобретателя предъявляется к нескольким страховщикам, обязательный досудебный порядок урегулирования спора должен быть соблюден для каждого из них. Если этот порядок соблюден только в отношении одного из ответчиков, все равно возможно рассмотрение дела без участия других ответчиков, однако, в таком случае дело будет рассматриваться только с участием соответствующего ответчика. В случаях, когда дело рассмотреть без участия всех ответчиков невозможно, исковые требования будут оставлены без рассмотрения.

Таким образом, благодаря анализу процессуальных норм и особенностей норм как материального права, регулирующих сами отношения добровольного имущественного страхования, так и вопросы рассмотрения споров, вытекающих из договоров добровольного имущественного страхования, можно проследить, что ввиду различной типологии договоров имущественного страхования, может отличаться и процессуальный порядок рассмотрения споров. Среди основных особенностей считаю необходимо выделить обязательный досудебный порядок, который в зависимости от содержания правоотношения реализуется путем обращения к финансовому уполномоченному или подачей претензии стороной, чьи права и законные интересы, вытекающие из договора добровольного имущественного страхования нарушены своему контрагенту. Также различную подсудность споров ввиду разнообразия отношений благодаря договорам имущественного страхования, так по договорам с элементом публичности спор подсуден судам общей юрисдикции или же мировому судье, а споры по договорам, в которых страхователь потребителем не признается – арбитражным судам. Помимо этого, одной из особенностей стоит признать обязательное привлечение в процесс в качестве третьих лиц, не заявляющих самостоятельные требования, финансового

уполномоченного и лиц, в связи с действия которых возник ущерб, послуживший юридическим фактом для возникновения страхового случая по договору, относительно которого и возник рассматриваемый судом спор. Тем не менее указанный перечень особенностей не является исчерпывающим, однако в рамках данного исследования, посчитала необходимым акцентировать внимание именно на них, ввиду важности, которую они представляют для правильного, законного и своевременного рассмотрения и разрешения дел, возникающих по договорам имущественного страхования.

Литература

1. Гуляева О. Н. Презумпция слабости субъекта частноправовых отношений // Ex jure. 2023. №1. С. 72–84.

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ИНФОРМАЦИОННОГО ПОСРЕДНИКА ЗА НАРУШЕНИЕ ПРАВ В СФЕРЕ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В статье рассматривается проблема ответственности информационных посредников за нарушение прав субъектов предпринимательской деятельности. Анализ работ цивилистов, законодательства и материалов судебной практики позволяет сделать вывод, что оператор электронного документооборота является информационным посредником и отвечает за убытки, возникшие вследствие некорректной работы его программы по договорным обязательствам и обязательствам вследствие причинения вреда перед хозяйствующими субъектами.

Ключевые слова: информационные посредники, предпринимательская деятельность, ответственность, убытки.

RESPONSIBILITY OF AN INFORMATION INTERMEDIARY FOR VIOLATION OF RIGHTS IN THE FIELD OF ENTREPRENEURIAL ACTIVITY

N. M. Volkova
Master's student, Perm State University
Supervisor: N. S. Mikhailova

This article discusses the problem of the responsibility of information intermediaries for violating the rights of business entities. An analysis of the researches of civil lawyers, legislation and judicial practice materials allows us to conclude that the electronic document management operator is an information intermediary and is responsible for losses incurred as a result of incorrect operation of its program under commitments and torts to business entities.

Keywords: information intermediaries, entrepreneurial activity, liability, losses.

В настоящее время довольно сложно осуществлять предпринимательскую деятельность без использования сервисов информационных посредников. С помощью данных программ предприниматели могут значительно упростить документооборот и коммуникацию с контрагентами. Ф. А. Федяев указывает на то, что электронный документооборот (далее – ЭДО) можно использовать и на досудебной стадии спора, при направлении претензии¹. В настоящий момент такой процесс взаимодействия очень удобен для предпринимателей. В некоторых сферах использование информационных посредников для осуществления предпринимательской деятельности просто обязательно. Например, участники оборота маркированных товаров обязаны направлять универсальные передаточные

документы и универсальные корректировочные документы только через ЭДО в национальную систему цифровой маркировки «Честный знак» в соответствии с Постановлением Правительства РФ от 31.12.2020 № 2464 «О внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации по вопросам маркировки товаров, подлежащих обязательной маркировке средствами идентификации».

Соответственно, субъектам предпринимательской деятельности чрезвычайно важно, чтобы программы обеспечения ЭДО работали стабильно и без технических ошибок. Но как предприниматель может защитить свои права, если в работе таких сервисов произойдет сбой? Будет ли нести ответственность информационный посредник в таком случае? В данной статье автор предпримет попытку ответить на данные вопросы.

Для решения поставленной проблемы необходимо определиться с правовой сущностью операторов ЭДО. Являются ли они информационными посредниками? В. Ю. Абрамов и Ю. В. Абрамов определяют электронный документооборот как «процесс обмена (передачи) документа в электронном виде с применением специальных информационно-телекоммуникационных электронных сетей²». Легальная дефиниция информационного посредника содержится в пункте 1 статьи 1253.1 ГК РФ. Законодатель определил его как лицо: 1) осуществляющее передачу материала в информационно-телекоммуникационной сети (далее – ИТС); 2) предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения с использованием ИТС; 3) предоставляющее возможность доступа к материалу в этой сети³. Несмотря на то, что в настоящий момент эта норма находится в интеллектуальном праве, информационные посредники выполняют свои функции в различных правоотношениях, в т. ч. в сфере предпринимательской деятельности. Поэтому пункт 1 статьи 1253.1 ГК РФ содержит понятие информационного посредника, которое является общим для гражданского права. На основании вышеизложенного, можно сделать вывод, что оператор ЭДО является информационным посредником т.к. передает электронный документ, предоставляет возможность его размещения или предоставляет доступ к нему.

Далее необходимо определить правоотношения, в которых находятся хозяйствующий субъект и оператор ЭДО. Данные отношения не являются однородными. С одной стороны, хозяйствующий субъект заключает с оператором ЭДО договор. Чаще всего это смешанный договор, в который включены условия лицензионного договора, подряда и/или возмездного оказания услуг. С другой стороны, хозяйствующий субъект не будет связан договорными отношениями с оператором ЭДО контрагента при получении через него документов. Поэтому ответственность информационного посредника в зависимости от наличия договорных правоотношений будет различаться.

Согласно теории гражданского права, для привлечения субъекта гражданского права к ответственности необходимо установить: его противоправное поведение, возникновение вреда, причинно-следственную связь и вину⁴.

О. А. Кузнецова в своей работе указывает на особенности ответственности хозяйствующих субъектов: «Для лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, состав гражданского правонарушения так и остался «урезанным» – они отвечают независимо от наличия или отсутствия своей вины⁵».

Соответственно, оператор ЭДО может при возникновении различных проблем в работе программы или при передаче документа, нести ответственность перед хозяйствующим субъектом на основании заключенного лицензионного договора с условиями об оказании определенных услуг или выполнении работ или из обязательств вследствие причинения вреда. Представляется, что при нарушении работы сервиса ЭДО или при сбое самого документооборота, у хозяйствующего субъекта возникают убытки как универсальная мера ответственности.

В гражданском законодательстве на данный момент не закреплены особенности ответственности информационных посредников при нарушении прав субъектов предпринимательской деятельности. Поэтому операторы ЭДО и иные информационные посредники устанавливают их в договорах с хозяйствующими субъектами. В основном такие субъекты стремятся ограничить свою ответственность. Например, операторы ЭДО фиксируют следующие условия привлечения к ответственности: ограничение ее размера только реальным ущербом, наличие вины оператора, исключение ответственности, если хозяйствующий субъект незамедлительно не обратился в техническую поддержку⁶ и т.д.

Анализ судебной практики показал, что хозяйствующие субъекты пока не обращались в суд с требованиями о взыскании убытков с операторов ЭДО, если из-за некорректной работы их сервисов для них наступили негативные последствия: привлечение к ответственности за не своевременную сдачу отчетности в Федеральную налоговую службу (далее – ФНС) или Социальный фонд России (далее – СФР), пропуск срока для акцепта оферты, не подписание накладных документов или актов. При этом в основном в судебной практике по использованию ЭДО возникают следующие споры, в которых операторы ЭДО выступают посредниками: по не предоставлению или несвоевременному предоставлению налоговой отчетности; отчетности в СФР, при взыскании хозяйствующими субъектами задолженности по договорам.

Представляется, что судебная практика по привлечению операторов ЭДО к ответственности отсутствует из-за возможности предупреждения негативных последствий сбоя в работе программы ЭДО для хозяйствующих субъектов. Например, ФНС издала письмо от 15.05.2024 № ЗГ-2-15/7345@ «О рассмотрении обращения». В данном документе разъяснено, что в случае невозможности формирования и (или) направления налоговой отчетности в установленные сроки по причинам, не зависящим от налогоплательщика, налогоплательщик вправе представить документы, подтверждающие указанные обстоятельства: письма от разработчиков бухгалтерских учетных систем или операторов ЭДО об отсутствии технической возможности формирования и (или) доставки налоговых документов в периоды, соответствующие срокам их представления⁷.

Также похожий подход закреплен в судебной практике по привлечению к ответственности за не предоставление или несвоевременное предоставление отчетов в СФР. Арбитражный суд Московского округа в постановлении по делу № А40-58815/2024 признал отказ в удовлетворении требований СФР правомерным, так как в срок предоставления отчетов сервер СФР не был доступен, что подтверждалось письмами разработчика учетной системы страхователя ООО «1С-Софт» и оператором электронного документооборота страхователя АО «Калуга Астрал», а также публикациями на сайтах в сети Интернет⁸.

Представляется, что в подобных случаях оператор ЭДО может избежать привлечения к ответственности, т.к. он является третьим лицом в правоотношениях между хозяйствующими субъектами. Если при техническом сбое произошло нарушение обязательств одной из сторон, то оператор ЭДО предоставляет информацию о невозможности формирования и/или направления документов, тем самым такой субъект предпринимательской деятельности может доказать правомерность своего поведения и отсутствие вины. Однако невозможно отрицать, что могут возникать ситуации, когда оператор ЭДО будет привлечен к ответственности при нарушении работы документооборота.

Таким образом, оператор ЭДО является информационным посредником, который выступает стороной в договорных отношениях или в обязательствах вследствие причинения вреда, и несет ответственность перед хозяйствующими субъектами в виде убытков. При этом он может быть освобожден от ответственности, если у хозяйствующего субъекта не наступили негативные правовые последствия в случае предоставления ему доказательств невозможности формирования и/или направления документов.

Литература

1. Маколкин Н. Н., Федяев Д. А. Значение цифровых технологий на досудебной стадии спора // Перспективы развития гражданского процессуального права: сб. ст. IV Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 90-летию СЮИ-СГЮА / под ред. О. В. Исаенковой. Саратов: Изд-во СГЮА, 2020. С. 274.
2. Абрамов В. Ю., Абрамов Ю. В. Правовое регулирование новых видов предпринимательской деятельности: практическое пособие. М.: ЮСТИЦИНФОРМ. 2023. С. 170.
3. Гражданское право: учебник / под ред. Е.А. Суханова. Т. 1. М.: Статут. 2023. 624 с.
4. Кузнецова О. А. Условия гражданско-правовой ответственности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность // Право и бизнес: конвергенция частного и публичного права в регулировании предпринимательской деятельности: сб. статей участников IV Ежегодной межд. науч.-практ. конференции (5 июня 2015 г.) / отв. ред. Ю. С. Харитонов. М.: Московская академия экономики и права, 2015. С. 119.
5. Лицензионный договор № 35/24 на право использования программы для ЭВМ Система «Контур.Экстерн» и оказание услуг технической поддержки. URL: https://www.kontur-extern.ru/license?p=1210&utm_source=yandex&utm_medium=organic&utm_referer=yandex.ru&utm_startpage=kontur.ru%2Fdiadoc&utm_orderpage=kontur.ru%2Fsearch (дата обращения: 03.03.2025).
6. О рассмотрении обращения: Письмо ФНС от 15.05.2024 № ЗГ-2-15/7345 [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.11.2024 по делу № А40-58815/2024 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 21.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, № 52 (1 ч.), ст. 5496.

П. А. Горшкова
Аспирант ПГНИУ
Научный руководитель: О. А. Кузнецова

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ РЕЛЕВАНТНЫХ ЭМПИРИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ИССЛЕДОВАНИЯ ПРИ ОПРЕДЕЛЕНИИ РАЗУМНОЙ СУДЕБНОЙ НАГРУЗКИ

В работе рассматривается вопрос использования эмпирических методов с целью определения разумной судебной нагрузки. Автор формулирует определение разумной судебной нагрузки и основные ее характеристики в контексте вопроса снижения высокой судебной нагрузки. В качестве релевантных эмпирических методов автор рассматривает статистический метод, метод наблюдения, моделирования и измерения, сравнение, опрос, интервьюирование, анализ документов. К характеристикам разумной судебной нагрузки автор относит оптимальный показатель поступивших исковых заявлений и рассмотренных дел, оптимальную служебную нагрузку, разумный срок рассмотрения дел, положительную оценку качества правосудия.

Ключевые слова: снижение судебной нагрузки, загруженность судов, использование эмпирических методов исследования в праве, судопроизводство.

P. A. Gorshkova
Postgraduate student, Perm State University
Supervisor: O. A. Kuznetsova

THE USE OF RELEVANT EMPIRICAL RESEARCH METHODS IN DETERMINING A REASONABLE JUDICIAL BURDEN

The paper considers the issue of using empirical methods to determine a reasonable judicial burden. The author formulates the definition of a reasonable judicial burden and its main characteristics in the context of the issue of reducing the high judicial burden. The author considers the statistical method, the method of observation, modeling and measurement, comparison, survey, interviewing, and document analysis as relevant empirical methods. The author considers the characteristics of a reasonable judicial burden to be the optimal indicator of claims received and cases considered, optimal workload, a reasonable time for consideration of cases, and a positive assessment of the quality of justice.

Keywords: reducing the judicial burden, the workload of courts, the use of empirical research methods in law, judicial proceedings.

Судебную нагрузку формируют правовые споры, возникающие в основном из конфликтов. Исследования свидетельствуют о том, что наиболее распространенной причиной конфликтов в области предпринимательской деятельности является нарушение нормального состояния экономических отношений. Отметим, что субъект предпринимательской деятельности может защитить права

самостоятельными действиями. Однако загруженность судов указывает на отказ субъектов предпринимательской деятельности на урегулирование споров вне суда. В связи с чем разработка теоретической, методологической базы судебной нагрузки является актуальным направлением в контексте изучения загруженности судов.

Необходимо констатировать отсутствие понятия разумной судебной нагрузки. Между тем, считаем, что разумная судебная нагрузка представляет собой наиболее оптимальный показатель судебной нагрузки, который может позволить себе судебная система, исходя из количественного состава системы судов, судей, служебной нагрузки, иных ресурсов.

Для определения характеристик и значений разумной судебной нагрузки, полагаем необходимым использовать совокупность эмпирических методов исследования следующим образом.

Статистический метод. Статистический метод как эмпирический метод исследования является наиболее эффективным средством измерения динамики изменения того или иного правового явления.

Так, например, Институт проблем правоприменения провел исследование в отношении 10 000 арбитражных дел с 2007 по 2011 год. Исследователями были проанализированы статистические данные длительности рассмотрения дела. В связи с чем, было обнаружено расхождение между субъектами Российской Федерации в среднем сроке рассмотрения дел. Дольше всего дела рассматриваются в Арбитражном суде города Москвы.

С 2014 по 2023 год наблюдается постоянный рост числа рассматриваемых арбитражными судами дел. За 2023 год арбитражными судами было рассмотрено 1 776 434 дел в качестве первой инстанции, что на 4,14 % больше чем в предыдущем году и на 8,05% больше показателя 2021 года.

В 2023 году нагрузка дел на судью в Арбитражном суде Пермского края в месяц составила 162,1 рассмотренных дел, что является рекордным за 2018–2023 годы.

Статистический метод указывает на загруженность судебной системы. В случае разумной судебной нагрузки динамика должна быть стабильной, без ярко выраженных скачков на снижение или повышения уровня судебной нагрузки. В качестве показателей можно использовать: количество поступивших исковых заявлений (заявлений), количество рассмотренных дел, нагрузку на судей по рассмотрению дел.

Наблюдение. Наблюдение — это целенаправленное и организованное чувственное познание действительности. Метод наблюдения при определении уровня судебной нагрузки применим всеми участниками судопроизводства, начиная с суда, сторон и третьих лиц, и заканчивая иными лицами, участвующими в деле. Наиболее остро высокую судебную нагрузку наблюдают судьи и аппарат суда.

Наблюдая за взаимодействием судей, адвокатов и сторон, можно проанализировать, как это взаимодействие влияет на разрешение дел, а также на эмоциональную и психологическую нагрузку участников. Так, в ходе судебного заседания у наблюдателя есть возможность обратить внимание на то, как судья ознакомился с материалами дела до судебного заседания, хватило ли времени судье, чтобы проанализировать все представленные материалы.

Сравнение. Сравнение судебной нагрузки может быть осуществлено временными рамками. Помимо прочего, внутри судебной системы возможно сравнение судебной нагрузки между различными звеньями – судом первой инстанции и апелляционной инстанции, а также между судами одного звена, но в различных субъектах Российской Федерации. Сравнению может подлежать и служебная нагрузка между судьями одного суда или разных судов.

Моделирование и измерение. В настоящее время в связи с отсутствием разработанной теоретической базы вопроса судебной нагрузки, отсутствует норма разумной судебной нагрузки и способ ее определения.

Разумная судебная нагрузка как оптимальный размер судебной нагрузки может быть рассчитан следующим образом:

$$PCN = OKD * KC + OKD_n * KC_n \dots,$$

где: ОКД – оптимальное количество рассмотренных дел в отдельной категории, КС – установленный коэффициент сложности для отдельной категории дел.

Используя эту формулу, можно определить разумную судебную нагрузку, что поможет в планировании ресурсов и оптимизации работы судебной системы.

Опрос, интервьюирование. Изучение психологической, чувственной стороны практики осуществляется посредством опросов населения или экспертов. Проведение опросов для измерения уровня удовлетворенности участников судебного процесса поможет выявить психологическую сторону отклонения от показателя разумной судебной нагрузки. Опрос и интервью могут проводиться среди судей, экспертов в области юриспруденции, аппарата суда.

Анализ документов. Анализ документов при изучении вопроса судебной нагрузки должен охватывать анализ судебных дел: изучение средней продолжительности разбирательств и частоты обжалований, количество участников, характера споров, сложности дела, анализ статистических отчетов, анализ изменений в законодательстве, которые могли повлиять на судебную нагрузку, изучение локальных актов, касающейся управления делами, распределения нагрузки между судьями и административными задачами.

Описание. Описание – необходимый этап фиксации, полученных эмпирических данных (статистики, наблюдения, измерения и так далее). Благодаря описанию можно уследить тенденцию, выявить признаки роста судебной нагрузки, негативные последствия загруженности судов.

Совокупное использование указанных методов позволит изучить судебную нагрузку как правовое явление, а также определить эффективность средств снижения высокой судебной нагрузки.

Между тем, при определении показателя разумной нагрузки также следует ориентироваться на признаки, характеризующие высокую судебную нагрузку. С учетом указанного, разумная судебная нагрузка обладает следующими характеристиками:

1. Оптимальный показатель поступивших исковых заявлений (заявлений), исходя из действующих ресурсов системы суда;
2. Оптимальный показатель рассмотренных дел, исходя из действующих ресурсов системы суда;
3. Оптимальная нагрузка судьи по рассмотрению дел;
4. Соответствие среднего срока рассмотрения разумному сроку;
5. Положительная оценка качества и доступности правосудия.

Резюмируя, подчеркнем, что разумная судебная нагрузка представляет собой наиболее оптимальный показатель судебной нагрузки, который может позволить себе судебная система, исходя из количественного состава судов, судей, служебной нагрузки. При определении разумной судебной нагрузки следует учитывать эмпирические методы ее определения. В качестве релевантных методов следует назвать статистический метод, наблюдение, сравнение, моделирование и измерение, опрос и интервьюирование, анализ документов, описание.

Разумная судебная нагрузка включает в себя: оптимальный показатель поступивших исковых заявлений (заявлений), исходя из действующих ресурсов системы суда; оптимальный показатель рассмотренных дел, исходя из действующих ресурсов системы суда; оптимальная нагрузка судьи по рассмотрению дел; соответствие среднего срока рассмотрения разумному сроку; положительная оценка качества и доступности правосудия.

Литература

1. Предпринимательское право: учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.]; под ред. В. Г. Голубцова. 2-е изд. М.: Статут, 2023. С. 391.
2. Предпринимательское право: учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.]; под ред. В. Г. Голубцова. М.: Статут, 2021. С. 237.
3. Дмитриева А. В., Титаев К. Д., Четверикова И. В. Исследование работы российских арбитражных судов методами статистического анализа / под ред. К. Д. Титаева. СПб.: Институт проблем правоприменения при Европейском университете в Санкт-Петербурге, 2012. 108 с.
4. Данные судебной статистики: Судебный департамент при ВС РФ. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79> (дата обращения: 14.01.2025).
5. Арбитражный суд Пермского края [YouTube]. URL: <https://www.youtube.com/@user-fq4ji3th4b> (дата обращения: 14.01.2025).
6. Орлов В. В. Основы философии. Часть первая. Общая философия. Вып. 2: учеб. пособие. 3-е изд., перераб. и доп. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 2001. С.166..
7. Сырых В. М. История и методология юридической науки: учебник. М.: Норма: ИНФРА-М, 2017. С. 346.

А. А. Гусейнова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: В. В. Акинфиева

МЕХАНИЗМЫ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПРАВОМ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТИ

Статья посвящена вопросу предотвращения злоупотребления правом и отдельным механизмам такого предотвращения. Рассматриваются существующие проблемы и перспективы применения принципа добросовестности. Добросовестность и злоупотребление рассматриваются на примере процедуры несостоятельности (банкротства).

Ключевые слова: добросовестность, злоупотребление правом, несостоятельность (банкротство), справедливость, презумпция.

A. A. Guseynova
Master's student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

MECHANISMS FOR PREVENTING ABUSE OF RIGHTS: PROBLEMS AND PROSPECTS OF APPLYING THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH

This article is devoted to the issue of preventing abuse of rights and individual mechanisms for such prevention. The existing problems and prospects for applying the principle of good faith are considered. Good faith and abuse are considered using the example of the insolvency (bankruptcy) procedure.

Keywords: good faith, abuse of rights, insolvency (bankruptcy), fairness, presumption.

В современном правовом регулировании принцип добросовестности занимает центральное место, выступая гарантом честного и справедливого поведения участников гражданских и предпринимательских отношений.

Однако на практике злоупотребление правом остается одной из наиболее острых проблем, препятствующих эффективному функционированию правовой системы. Использование формально законных механизмов с целью причинения вреда другим лицам или извлечения необоснованной выгоды подрывает основы делового взаимодействия и доверия между участниками рынка. Это требует разработки и применения действенных инструментов, направленных на предупреждение и устранение таких злоупотреблений.

Механизмы предотвращения злоупотребления правом включают в себя как нормативно-правовые средства (например, закрепление понятия добросовестности

в законе), так и судебные подходы к оценке поведения сторон в спорных ситуациях. Принцип добросовестности, являющийся ключевым ограничителем недобросовестных действий, играет важную роль в реализации этих механизмов. Однако его применение сталкивается с рядом проблем, включая отсутствие четких критериев, субъективность судебных оценок и различия в правоприменительной практике.

Добросовестность в современном правовом поле, а тем более в ситуации, связанной с признанием, например, гражданина несостоятельным (банкротом) встречается все реже. Однако, примером добросовестности со стороны должника может послужить дело № А50-25434/2024, в котором физическим лицом в отношении себя подано заявление о признании должника несостоятельным (банкротом), с указанием всех известных должнику кредиторов и просьбой о переходе сразу к процедуре реализации имущества.

После подачи заявления в суд, в адрес должника поступило письмо от банковской организации, согласно которому у гражданина якобы имеется непогашенная задолженность по кредитному договору, заключенному в 2005 году. Поскольку у должника отсутствует информация о данной задолженности и копия кредитного договора, о котором идет речь в письме, должником в суд, в дело о признании его несостоятельным (банкротом) поданы дополнительные пояснения, согласно которым указывает, что в его адрес поступило соответствующее письмо, с задолженностью не согласен, подтверждающие документы отсутствуют. Данные пояснения должником были поданы в суд с целью исключения с его стороны недобросовестности, выражающейся в сокрытии от суда кредиторов¹.

Таким образом, должник проявил осмотрительность и осторожность со своей стороны, дабы обезопасить прежде всего именно себя. В данном случае поведение участника гражданского оборота выступает одним из механизмов предотвращения злоупотребления правом.

Проблемой выступает то, что подобное поведение в обществе крайне редко, и добросовестность должника скорее исключение, чем правило, несмотря на наличие в законодательстве Российской Федерации различных санкций за неправомерные действия при банкротстве (административные и уголовные)².

Стоит отметить, что со стороны процессуального права добросовестность должна выполнять роль процессуального фильтра, с помощью которого суд отделял бы недобросовестное поведение, которое вытекает в злоупотребление правом.

В указанных целях, чтобы предотвращать злоупотребление правом, необходимо повысить правоприменительный эффект данного института. Формирование единой, четкой позиции позволит судам наиболее уверенно применять положения гражданского кодекса и делать выводы об отсутствии или наличии злоупотребления правом в конкретной ситуации. Для достижения указанных целей необходимо закрепление четких правил применения пункта 3 статьи 1, статьи 10 ГК РФ прежде всего в актах вышестоящих судебных инстанций (например, разъяснения

Верховного суда Российской Федерации), а также установлении санкций на участников гражданского оборота за злоупотребление правом как материальным, так и процессуальным.

За годы судебной практики в определенных сферах сформировались определенные механизмы предотвращения злоупотребления правом. Так, в решении суда мы можем увидеть ссылку на пункт 13 статьи 14 Федерального закона от 29.06.2015 № 154-ФЗ «Об урегулировании особенностей несостоятельности (банкротства) на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», согласно которому вводится возможность признания недействительными сделки должника, совершенные до 01.10.2015, если они совершены с целью причинения вреда имущественным интересам кредиторов. В обоснование признания сделки недействительной идет указание на статью 10 ГК РФ о недопустимости злоупотребления правом.

Из проблемы неопределенности содержания принципа добросовестности вытекает проблема сложности доказывания добросовестности. Следовательно, это создает риск злоупотребления правами и усложняет защиту пострадавшей стороны.

В данной ситуации помимо необходимости однозначного установления смысла добросовестного поведения следует делать упор на создании инструментов доказывания: введение презумпций недобросовестности в ситуациях, где злоупотребление правом очевидно (например, заключение фиктивных сделок, умышленное затягивание исполнения обязательств).

Применение принципа добросовестности в российском законодательстве сталкивается с рядом проблем, связанных с его нормативным закреплением, правоприменительной практикой и восприятием участниками правоотношений. Эти проблемы требуют как теоретического осмысления, так и разработки конкретных решений, направленных на их устранение.

Литература

1. Определение Арбитражного суда Пермского края от 28.10.2024 по делу № А50-25434/2024.
2. Фролов А. И., Черепанов В. В. Эффективность противодействия сокрытию имущества должника при банкротстве гражданско-правовыми и уголовно-правовыми средствами в контексте защиты прав предпринимателей // Уголовная юстиция. 2020. № 12. С. 46–50.

МЕРЫ ГРАЖДАНСКОЙ ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ

В статье анализируются меры гражданской процессуальной ответственности. Рассматривается обоснованность отнесения той или иной меры к мерам гражданской процессуальной ответственности. Проведен сравнительно-правовой анализ мер ответственности.

Ключевые слова: гражданский процесс, судебный штраф, судебная неустойка, компенсация за потерю времени, удаление из зала судебного заседания

A. V. Evlampieva
Master's student, HSE (Moscow)

MEASURES OF CIVIL PROCEDURAL LIABILITY

The article analyses measures of civil procedural liability. The validity of attributing this or that measure to the measures of civil procedural liability is considered. A comparative legal analysis of liability measures has been carried out.

Keywords: civil procedure, judicial fine, judicial penalty, court forfeit, compensation for loss of time, removal from the court room

М. Л. Гальперин в качестве меры гражданской процессуальной ответственности выделял исключительно судебный штраф¹. Е. В. Чуклова² предложила систему мер ответственности, разделив их на имущественные (например, судебный штраф, судебные расходы и т.п.) и неимущественные (например, удаление из зала судебного заседания). Практически аналогичной позиции придерживается и А. В. Цихоцкий³, не определяя в качестве меры ответственности лишь судебные расходы.

В данном контексте интересно также обращение к зарубежному опыту. Так, гражданскому процессу Англии также свойственен штраф, к нарушителю могут быть применены такие меры ответственности, как тюремное заключение и конфискация имущества⁴. В гражданском судопроизводстве Китая меры, применяемые к нарушителям в гражданском процессе, могут носить также личный характер: за ряд процессуальных нарушений суд может подвергнуть участника процесса аресту⁵.

Проанализируем некоторые меры ответственности и дадим оценку относительно возможности их отнесения к мерам гражданской процессуальной ответственности. Судебный штраф (гл. 8 ГПК РФ и гл. 11 АПК РФ) является мерой процессуальной ответственности имущественного характера, которая направлена

на воздействие на участников процесса, не исполняющих законные требования суда. Э. Э. Доброхотова⁶ определяет его как вид взыскания, предусмотренного законом и налагаемого судом в отношении должностных лиц, граждан или юридических лиц, в случае невыполнения законом или постановлением суда по ходатайству тех или иных процессуальных обязанностей.

В Китае судебные штрафы могут налагаться, в частности, если сторона нарушит правило о своевременном раскрытии доказательств⁷. Судебный штраф как мера процессуальной ответственности за недобросовестное поведение известен ГПК Бразилии⁸.

Взыскание компенсации за потерю времени свойственно исключительно гражданскому судопроизводству (ст. 99 ГПК РФ). Данная норма, фактически, представляет собой ответственность за недобросовестные действия участников процесса. В качестве меры процессуальной ответственности ее рассматривает М. Р. Загидуллин⁹. Действительно, это санкция, которая применяется к стороне, злоупотребляющей своими процессуальными правами, связана с нарушением стороной ее процессуальных обязанностей, поскольку ответственность наступает в случае, если сторона недобросовестно заявляет требования, препятствует рассмотрению дела. Между тем, статья 99 ГПК РФ практически не применяется на практике, данная норма (как и мера ответственности) не является востребованной среди правоприменителей.

Ряд ученых также к мерам гражданской процессуальной ответственности относит судебные расходы¹⁰. С данной позиции в корне не согласен М. Л. Гальперин¹, с чьей позицией мы солидарны. Судебные расходы относятся к судебным издержкам¹¹, а не к мерам ответственности. Действительно, целью возмещения судебных расходов является компенсация стороне, которая выиграла дело, затрат, которые она понесла в связи с судебным разбирательством, что не является по своей правовой природе наказанием, а представляет собой процессуальный механизм. Помимо этого, у судебных расходов отсутствуют признаки правонарушения: взыскание судебных расходов связано с правомерной реализацией сторонами права на судебную защиту.

Не рассматриваются в качестве меры гражданской процессуальной ответственности судебные расходы в Китае⁷. В Англии возмещение судебных расходов хоть и рассматривается как санкция в отношении стороны, которая проиграла дело, но она не имеет штрафного характера и к мерам гражданской процессуальной ответственности не относится⁴.

В юридической доктрине взыскание судебной неустойки (астрента) также относят к мерам гражданской процессуальной ответственности⁹. Судебная неустойка (астрент) находит свое отражение как в ГПК РФ (ст. 308.3, 205, 206 ГПК РФ), так и в АПК РФ (ст. 174 АПК РФ). Судебная неустойка является дополнительной мерой воздействия на должника, мерой стимулирования и косвенного принуждения.

Судебная неустойка также является мерой гражданской процессуальной ответственности: ее цель – обеспечить исполнение решения суда; она обладает принудительным характером; является мерой воздействия, поскольку назначается судом на случай неисполнения судебного акта.

Ряд ученых не относит удаление из зала судебного заседания к мерам ответственности (например, М. Л. Гальперин, А. Г. Новиков). Мы согласимся с точкой зрения Е. В. Чукловой, которая считает данную меру мерой процессуальной ответственности неимущественного характера. Удаление из зала судебного заседания (ч. 2 ст. 159 ГПК РФ; ч. 4 ст. 154 АПК РФ) возможно, когда лицо нарушает порядок в судебном заседании или не исполняет законные распоряжения председательствующего на судебном заседании, оно направлено на обеспечение порядка, и применяется для поддержки дисциплины в суде.

Соответственно, судебный штраф, компенсация за потерю времени, судебная неустойка (астрент), удаление из зала судебного заседания являются мерами гражданской процессуальной ответственности. Судебные расходы, вопреки некоторым доктринальным мнениям, не могут быть отнесены к мерам гражданской процессуальной ответственности.

Литература

1. Гальперин М. Л. Гражданский процесс. Ответственность в гражданском судопроизводстве: учеб. пособие для вузов / 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025.
2. Чуклова Е. В. О понятии, признаках и мерах гражданской процессуальной ответственности // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия: Право. 2008. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-ponyatii-priznakah-i-merah-grazhdanskoj-protseessualnoj-otvetstvennosti> (дата обращения: 07.03.2025).
3. Цихоцкий А. В. Процессуальное принуждение в гражданском судопроизводстве // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protseessualnoe-prinuzhdenie-v-grazhdanskom-sudoproizvodstve> (дата обращения: 07.03.2025).
4. Эндриус Нил. Система гражданского процесса Англии: судеб. разбирательство, медиация и арбитраж / пер. с англ.; под ред. Р. М. Ходыкина; Кембриджский ун-т. М.: Инфотропик Медиа, 2012.
5. Гражданский процессуальный кодекс КНР: пер. с кит. / под ред. С.А. Халатова. М.: Инфотропик Медиа, 2014. С.63.
6. Доброхотова Э. Э. Судебные штрафы в гражданском процессе // Личность. Общество. Государство. 1998. № 6.
7. Chenyang Zhang. Book Title Win in Chinese Courts: Practice Guide to Civil Litigation in China. 2023. URL: https://www.researchgate.net/publication/371779392_Win_in_Chinese_Courts_Practice_Guide_to_Civil_Litigation_in_China (дата обращения: 06.04.2025).
8. Didier Jr., Fredie CPC Brasileiro Traduzido para a Língua Inglesa/ Coordenadores: Fredie Didier Jr. e Teresa Arruda Alvim (coords.) Salvador: Ed. Juspodivm, 2017.
9. Загидуллин М. Р. Юридическая ответственность в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 292.
10. Столяров А. Г. Судебные расходы как элемент состава гражданской процессуальной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Санкт-Петербург, 2004. 205 с.
11. Фролович Э. М. Понятие и характеристика судебных издержек в связи с рассмотрением дела в арбитражном суде // Седьмой Пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 ноября 2016 г.): сб. науч. ст. М., 2017. С. 448-456.

ПРИМЕНЕНИЕ ТЕОРИИ РАЦИОНАЛЬНОГО ВЫБОРА В КОНТЕКСТЕ КОРПОРАТИВНОГО ШАНТАЖА

В статье предпринимается попытка применить теорию рационального выбора к отношениям, возникающим в корпоративном праве в результате корпоративного шантажа. Отстаивается точка зрения о том, что основной целью рационального поведения субъектов в условиях корпоративного шантажа является максимизация материальных потребностей. Акцентируется внимание на роль трансакционных издержек для принятия рациональных корпоративных решений. Обосновывается тезис о том, что действия лица, осуществляющего корпоративный шантаж, не будут сопровождаться прекращением для общества деятельности в целом.

Ключевые слова: корпоративный шантаж, экономический анализ права, рациональное поведение, трансакционные издержки.

K. A. Efimov
Postgraduate student, Perm State University
Supervisor: D. N. Latypov

APPLICATION OF RATIONAL CHOICE THEORY IN THE CONTEXT OF GREENMAIL

In this article, the author attempts to apply rational choice theory to relationships arising in corporate law as a result of greenmail. The point of view is defended that the main goal of rational behaviour of subjects in the conditions of greenmail is maximisation of material needs. Focuses on the role of transaction costs for rational corporate decision making. The thesis is substantiated that the actions of a person carrying out greenmail will not be accompanied by termination for the society as a whole.

Keywords: greenmail, economic analysis of law, rational behaviour, transaction costs.

По мнению Т. С. Улена, теория рационального выбора, разработанная в рамках экономического анализа права, является подходящей моделью принятия многих правовых решений¹. В самом общем виде рациональный выбор предполагает такой выбор конкретной модели поведения, который позволяет наиболее эффективно достигать преследуемых субъектом целей. Оценка принимаемых правовых решений с точки зрения рационального выбора имеет предсказательную ценность применительно к ожидаемому поведению физических и юридических лиц. В основе такого ожидаемого рационального поведения, по мнению А. Г. Карапетова, лежит одна из трех возможных моделей: 1) поведение, нацеленное на максимизацию

материальных потребностей; 2) поведение, нацеленное на эгоистичное удовлетворение как материальных, так и нематериальных интересов и желаний; 3) альтруистическое поведение².

Для корпоративных отношений, как находящихся в тесной связи с предпринимательской деятельностью, в большей степени свойственно поведение, целью которого является максимизация материального блага. Ключевым признаком предпринимательской деятельности является ее целевая направленность на получение прибыли³. Соответствующая деятельность может осуществляться как одним лицом, так и группой лиц в форме коопераций, в частности, создаваемых в организационно-правовых формах обществ с ограниченной ответственностью и акционерных обществ. Как было отмечено Р. А. Познером, предпочтительность коопераций, как формы ведения бизнеса, обосновывается рациональным подходом учредителей сократить издержки при формировании капитала⁴. То есть предполагается объединение индивидуального капитала каждого из учредителей во избежание привлечения заемных средств на начальном этапе деятельности. В результате, каждый из учредителей приобретает право на участие в распределении прибыли соразмерно своему вкладу в общее дело. Чем больше прибыль компании, тем больше прибыль учредителя (участника).

Следовательно, основной целью корпоративного участия в компании для учредителя (участника) является получение прибыли. В результате в обществе сталкиваются интересы нескольких субъектов, каждый из которых стремится максимизировать свою прибыль от вложенных средств. При этом мнения учредителей (участников) касательно способов достижения соответствующей максимизации могут не совпадать. В результате, всегда существует риск возникновения корпоративного конфликта.

Корпоративный шантаж – одно из возможных проявлений корпоративного конфликта в хозяйственных обществах. Как пояснил Э. Энгл, появление корпоративного шантажа было следствием естественного развития корпоративных поглощений, которые до 1960-х годов осуществлялись посредством убеждения акционеров компаний голосовать за поглощение, а начиная с 1980-х годов к рейдерам пришло осознание того, что деньги компании можно получить без получения контроля над ней. Для этого рейдерами приобретались акции компании на открытом рынке, что приводило к повышению цен на акции, а затем компания ставилась перед выбором: 1) либо выкупить акции с премией, то есть с превышением и так уже завышенной цены, что приведет к понижению цены акций компании на открытом рынке; 2) либо быть поглощенной рейдерами⁵.

Современный корпоративный шантаж не ограничивается случаями корпоративных поглощений и применяется как способ разрешения разногласий по поводу управления или участия в обществе. Причины таких разногласий могут быть разными: конфликт мажоритария и миноритария, разные представления о ведении

бизнеса, разногласия по вопросам управления обществом. В любом случае, независимо от причин и обстоятельств корпоративного шантажа цель участников корпоративного противостояния заключается в получении наиболее выгодного для себя результата с наименьшими транзакционными издержками.

Как было справедливо отмечено А. Г. Карапетовым, транзакционные издержки либо подавляют экономическое взаимодействие субъектов в ситуациях, когда они выше необходимого результата, либо стимулируют взаимодействие субъектов, если результат превышает издержки². Поэтому в условиях корпоративного шантажа для достижения наиболее выгодного результата как для корпоративных шантажистов, так и самой компании необходимо соотнести транзакционные издержки с возможным желаемым результатом.

К транзакционным издержкам корпоративного шантажа Д. Р. Мейси и Ф. С. Макчесни, например, относят информационные издержки потенциальных шантажистов на поиск информации о компании в целях определения коммерческих перспектив при ее шантаже⁶. Также Р. Дуган и С. Киф указывают на издержки, связанные с конкуренцией за корпоративный контроль (расходы на доверенных лиц, на правовые консультации, банковские консультации и судебные разбирательства), которые несет каждая из сторон корпоративного шантажа⁷. По мнению Ф. С. Макчесни, для компании с большим количеством участников (акционеров) издержками также могут являться расходы, понесенные в целях координации единой стратегии между участниками компании в борьбе с корпоративными шантажистами⁸.

Следовательно, в условиях корпоративного конфликта рациональным способом его разрешения будет такой способ, который предполагает несение меньших издержек. То есть рациональным выбором для компании, столкнувшейся с корпоративным шантажом, может быть как противодействие шантажу, так и удовлетворение требований корпоративного шантажиста. Данный вывод справедлив и для корпоративного шантажиста. Учет данных обстоятельств необходим для принятия рациональных правовых решений в условиях корпоративного шантажа.

Вместе с тем теория рационального выбора позволяет нам также утверждать, что действия корпоративного шантажиста всегда будут ограничиваться только созданием препятствий для общества в осуществлении хозяйственной деятельности или в угрозе их создания. То есть его действия не приведут к прекращению деятельности компании в целом. Иное бы противоречило рациональности такого поведения, поскольку в интересах самого же шантажиста, чтобы общество было в состоянии исполнить его требование. В противном случае, понесенные им издержки не окупятся.

Таким образом, теория рационального поведения позволяет сформулировать два вывода, имеющих значения для правовой квалификации корпоративного шантажа:

1) Корпоративный шантаж всегда ограничен исключительно созданием препятствий для ведения обществом хозяйственной деятельности либо угрозами

создания соответствующих препятствий. Корпоративный шантаж не приведет к прекращению обществом деятельности в целом.

2) Издержки, которые хозяйственное общество понесет на противодействие корпоративному шантажу, могут превысить издержки, которые общество понесло бы в результате удовлетворения требований лица, осуществляющего корпоративный шантаж. Данное обстоятельство необходимо учитывать при определении тактики противодействия корпоративному шантажу.

Литература

1. Улен Т. С. Теория рационального выбора в экономическом анализе права // Вестник гражданского права. 2011. № 3. С. 285.
2. Карапетов А. Г. Экономический анализ права. М: Статут, 2016. 528 с.
3. Предпринимательское право: учебник / В. В. Акинфиева, Е. В. Аристов, А. Б. Афанасьев [и др.]; под ред. В. Г. Голубцова. 2-е изд. М.: Статут, 2023. С. 77.
4. Познер Р.А. Экономический анализ права: в 2-х т. Т. 2. СПб., 2004. С. 527–528.
5. Engle E. Green with Envy? Greenmail Is Good! Rational Economic Responses to Greenmail in a Competitive Market for Capital and Managers // DePaul Business & Commercial Law Journal. Vol.5. № 3. 2007. 428 p.
6. Macey J.R., McChesney F.S. A Theoretical Analysis of Corporate Greenmail // The Yale Law Journal. Vol. 95. Number 1. November 1985. Pp. 49.
7. Dugan R., Keef S. Company Purchase of Own Shares: The Case for New Zealand. Wellington [N.Z.]: Victoria University Press for the Institute of Policy Studies, 1989. P. 66.
8. McChesney F. S. Transaction Costs and Corporate Greenmail: Theory, Empirics and a Mickey Mouse Case Study // Managerial and decision economics. Vol. 14. 1993. P. 132.

СРАВНЕНИЕ МОДЕЛЕЙ ТОРГОВОГО ПРАВА В РОССИИ И ВО ФРАНЦИИ

В статье рассматриваются модели торгового права России и Франции, работа направлена на углубленное изучение правовых систем обеих стран и их влияния на развитие коммерческих правоотношений. В условиях глобализации и активного международного сотрудничества особое значение приобретает изучение различных моделей торгового права, существующих в разных странах. В этом контексте представляется особенно актуальным исследование торгового права России и Франции, двух стран с богатой правовой традицией и значительным влиянием на международные торговые отношения. Анализ данных моделей поможет понять, какие отличия есть между предложенными правовыми системами, чтобы выделить наиболее положительные аспекты в одном и другом законодательстве для того, чтобы попытаться интегрировать их в другую модель.

Ключевые слова: предпринимательское право; торговый договор; торговый кодекс; дуализм частного права; метод правового регулирования.

I. I. Kapyrin
Student, Saint-Petersburg State University
Supervisor: O. Yu. Skvortsov

COMPARISON OF COMMERCIAL LAW MODELS IN RUSSIA AND FRANCE

This article examines the models of commercial law of Russia and France, the work is aimed at an in-depth study of the legal systems of both countries and their impact on the development of commercial legal relations. In the context of globalization and active international cooperation, the study of different models of commercial law existing in different countries is of particular importance. In this context, it seems particularly relevant to study the commercial law of Russia and France, two countries with a rich legal tradition and significant influence on international commercial relations. Analyzing these models will help to understand what differences there are between the proposed legal systems in order to highlight the most positive aspects in one and the other legislation in order to try to integrate them into the other model.

Keywords: business law; commercial contract; commercial code; dualism of private law; method of legal regulation.

Торговое право играет ключевую роль в регулировании коммерческих отношений, охватывая широкий спектр вопросов, связанных с осуществлением предпринимательской деятельности, защитой прав сторон в коммерческих сделках и регулированием обязательств. В различных странах торговое право существует как самостоятельная отрасль или полностью интегрируется в гражданское право.

В первом случае наблюдается так называемый дуализм частного права, при котором параллельно функционируют две отрасли: одна регулирует отношения между предпринимателями, а другая — взаимодействия с участием обычных граждан. В тех странах, где торговое право выделяется как отдельная область, часто принимаются как гражданский, так и торговый кодексы. России присущ монизм частного права, то есть как такового понятия торгового права нет, поскольку оно регулируется гражданским кодексом.

Современное французское право представляет собой сложную систему, основанную на исторических кодексах времен правления Наполеона Бонапарта, но существенно дополненную и измененную многочисленными последующими законами, постановлениями и судебными прецедентами. Эти изменения настолько обширны, что сами кодексы выступают скорее как исторический фундамент, организующая основа, нежели как самодостаточный источник права. Торговый кодекс, изначально ориентированный на нужды буржуазной экономики начала XIX века, столкнулся с необходимостью адаптации к стремительно меняющимся экономическим реалиям.

Гражданский кодекс, в силу своей более фундаментальной природы, оказался относительно более устойчивым к радикальным переменам, тем не менее, и он претерпел значительные изменения. Попытки французского правительства провести новую кодификацию гражданского права подчеркивают осознание того факта, что существующая нормативная база слишком разрознена и труднодоступна. Основная сложность заключается в необходимости сочетания традиционных принципов французского права с новыми реалиями современного мира.

Для французской правовой системы важным является определение роли судебной практики в толковании и изменении положений, регулирующих торговые отношения. По этому поводу наиболее авторитетное мнение выразил французский цивилист – Рене Давид, который сказал, что судьи, выносящие решения по конкретному делу, не могут принимать предписания общего характера, они вносят многочисленные изменения в действующее право, имея большой простор для судебного усмотрения. К тому же наличие таких понятий как «публичный порядок», «добросовестность» и отсылки к ним, делают такое усмотрение неизбежным.

В основе отечественного торгового законодательства лежит Конституция Российской Федерации. Она определяет экономические основы государства, включая принципы единого экономического пространства, свободного перемещения товаров, услуг и капитала, свободы предпринимательской деятельности, поддержки конкуренции и ограничения монополистической деятельности, а также равной защиты частной, государственной, муниципальной и других форм собственности. В настоящее время основным законом, регулирующим торговую деятельность, является Гражданский кодекс Российской Федерации. Кроме того, существует ряд законов, регулирующих торговлю, таких как Закон РФ от 26.07.2006

«О защите конкуренции», Кодекс торгового мореплавания, а также федеральные законы о регулировании закупок товаров для государственных нужд, о государственном регулировании производства и оборота этилового спирта, алкогольной и спиртосодержащей продукции, лекарственных средств и другие.

В силу своей непосредственной связи с гражданским правом коммерческое право использует единый с ним общедозволительный метод регулирования. Этот метод заключается в предоставлении участникам торгового оборота возможности самостоятельно создавать для себя субъективные права и юридические обязанности, а также совершать другие юридические действия. Субъекты торгового оборота приобретают права и осуществляют их по своей воле и в своих интересах.

В то же время сложная структура Гражданского кодекса, который построен по пандектной системе, и регулирование предпринимательских и потребительских отношений, имеющих различную природу, не могли не повлиять на полноту и качество регулирования. В настоящее время признается, что Гражданский кодекс имеет некоторые недостатки¹, которые связаны с отсутствием детального и полного регулирования всех видов отношений.

Для того, чтобы иметь представление о системе торгового права РФ, необходимо понимать порядок взаимодействия гражданского и торгового права, их взаимное влияние друг на друга. Известный английский юрист В. Ансон, неоднократно указывал, в частности, в своем труде *Law of contract*, что «договорное право – это дитя торговли». Тем самым В. Ансон отмечал, что возникновение договора обусловлено воздействием и развитием торговых отношений и торгового оборота. Активное развитие коммерческого права под воздействием потребностей торговли и широкое применение обычаев делового оборота привели к тому, что оно стало более прогрессивным по сравнению с гражданским правом, которое отличается статичностью и формализмом.

Создание отдельного торгового кодекса, который отделил бы коммерческое право от гражданского на протяжении долгого времени, является предметом обсуждений. Предпосылки к возникновению отдельного кодифицированного торгового законодательства возникали еще в период античности, в Древней Греции. Так, например, Платон отмечал, что в торговых городах требуется вдвое больше гражданских законов, чем в городах, где торговля не развита. Примером для создания кодифицированного торгового законодательства может выступить Франция.

Ключевые различия между данными правовыми системами проявляются в источниках права, системе судопроизводства, подходе к регулированию отдельных институтов. Французская система, базирующаяся на романо-германской правовой традиции, характеризуется большей детализацией законодательства и развитой судебной практикой. Российская система, имеющая смешанный характер, отличается более лаконичным законодательством, оставляя больше места для судебного усмотрения.

Сходства проявляются в том, что обе системы придерживаются принципов свободы договора, добросовестности и справедливости, защиты прав слабой стороны в договорных отношениях. Хотя конкретное воплощение и степень реализации этих принципов может отличаться, общая ориентация на обеспечение равенства сторон и защиты их законных интересов очевидна.

На основании этого, обоснованным представляется вывод о том, что для совершенствования системы торгового права в РФ необходимо перейти к дуализму частного права и создать отдельный торговый кодекс, как продолжение гражданского, допуская их субсидиарное применение, то есть воплотить в реальность идею, которая рассматривалась законодателем еще в прошлом веке. Создание такого кодекса предоставило бы возможность обеспечить необходимый уровень регулирования торговых отношений, которые постоянно развиваются, «разгружив» гражданское законодательство, которое не успевает за темпами развития и не может перманентно дополняться новыми положениями, направленными на торговые правоотношения.

Литература

1. Маковский А. Л. Code civil Франции и кодификация гражданского права в России // Вестник ВАС РФ. 2005. № 2. С. 146.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: Федер. закон 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Предпринимательское право: учебник: в 2 т. // А. Ю. Бушев, О. А. Городов, Д. А. Жмулина и др.; под ред. В. Ф. Попондопуло. 6-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2023. Т. 1. 624 с.
4. Le code du commerce 2000 (en version de 01 mars 2025). URL: <https://www.legifrance.gouv.fr>.
5. Jacques Mestre, Droit commercial // Jacques Mestre, Marie-Ève Pancrazi-Tian. Paris, 2021, 31e éd. 684 p. URL: <https://www.lgdj.fr/droit-commercial>.
6. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2021. 444 с.

ДВОЙСТВЕННАЯ ПРИРОДА НЕУСТОЙКИ

В статье исследуется дискуссионный вопрос о двойственной правовой природе неустойки в российском гражданском праве. Рассматриваются различные теоретические подходы к пониманию неустойки как способа обеспечения исполнения обязательства и меры гражданско-правовой ответственности. Анализируются аргументы в пользу и против признания неустойки институтом смешанной правовой природы, с учетом ее компенсационной и штрафной составляющих. Особое внимание уделяется анализу влияния концепции двойственной природы на практику применения института неустойки в предпринимательских отношениях.

Ключевые слова: неустойка, гражданское право, обеспечение исполнения обязательств, гражданско-правовая ответственность, правовая природа, двойственная природа, компенсационная функция, штрафная функция, предпринимательские отношения.

E. Yu. Kataeva
Student, Perm State University
Supervisor: A. V. Syatchikhin

THE DUAL ROLE OF PENALTY

The article explores the controversial issue of the dual legal nature of penalties in Russian civil law. Various theoretical approaches to understanding penalties as a way to ensure the fulfillment of obligations and measures of civil liability are considered. The arguments for and against recognizing a penalty as an institution of a mixed legal nature, taking into account its compensatory and punitive components, are analyzed. Special attention is paid to the analysis of the influence of the concept of dual nature on the practice of applying the institution of penalties in business relations.

Keywords: penalty, civil law, enforcement of obligations, civil liability, legal nature, dual nature, compensation function, penalty function, business relations.

Институт неустойки традиционно занимает важное место в системе гражданско-правовых средств обеспечения исполнения обязательств. Применение неустойки способствует укреплению договорной дисциплины и защите прав кредиторов, особенно в сфере предпринимательской деятельности, где оперативное возмещение убытков имеет первостепенное значение. Он также был широко распространен как механизм воздействия на должника, придавал договорам требуемую твердость, а кредиторам – дополнительные гарантии и уверенность в исполнении¹. Неустойка изначально появилась в качестве договорного института.

Руководствуясь пунктом 1 статьи 330 Гражданского кодекса РФ можно определить, что неустойкой признается определенная законом или договором денежная сумма, которую должник обязан уплатить кредитору в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения обязательства, в частности в случае просрочки исполнения.

Однако, несмотря на кажущуюся простоту, вопрос о правовой природе неустойки до сих пор остается дискуссионным в цивилистической доктрине. В частности, активно обсуждается вопрос о так называемой «двойственной природе» неустойки, то есть о том, является ли неустойка одновременно способом обеспечения исполнения обязательства и мерой ответственности, или же она представляет собой институт, выполняющий разные функции на различных этапах развития обязательства.

По мнению К. В. Нама неустойка обладает двойственной природой, сочетая в себе компенсационные и штрафные элементы. Об этом нам говорит то, что любая неустойка одновременно содержит в себе две составляющие. Первая, компенсационная, проявляется при возмещении убытков - сумма неустойки засчитывается при определении их размера. При непредъявлении же иска неустойка фактически выполняет функцию возмещения. Вторая, штрафная, связана с тем, что заранее определенная сторонами неустойка подлежит взысканию вне зависимости от размера или наличия убытков².

Проблематика наличествует уже в самом содержании неустойки. На это указывает А. Г. Карапетов, поднимая вопрос отнесения неустойки к мерам обеспечения или же к мерам ответственности. Хотя неустойка расположена в главе 23 Гражданского кодекса РФ, по мнению А. Г. Карапетова, она является санкцией за нарушение договора, относящейся к общей категории мер ответственности, что усматривается в пункте 2 статьи 330 Гражданского кодекса РФ³.

В литературе существует и иной подход⁴, заключающийся в определении двойственной правовой природы неустойки на различных стадиях договорных отношений, когда ее функции меняются. Способом обеспечения неустойка является только до момента нарушения обязательства, стимулируя обязанную сторону к добросовестному исполнению, а уже после нарушения обязательства она обретает штрафные черты и становится мерой ответственности⁵.

В качестве аргументов против такой смешанной природы неустойки приводят следующее: 1) способы обеспечения и меры ответственности проистекают из различных юридических фактов, а именно, из правомерных и неправомерных (неисполнение или ненадлежащее исполнение) соответственно; 2) обеспечительным обязательствам присуще свойство акцессорности, а ответственность таковым не обладает; 3) первые возникают одновременно с основным обязательством или же после него, вторые же возникают всегда после основного обязательства из юридического факта-нарушения⁶.

Для определения правовой природы неустойки в гражданском праве существуют различные подходы, такие как:

– неустойка как способ обеспечения исполнения обязательства –рассматривается, прежде всего, как средство стимулирования должника к надлежащему исполнению обязательства. Сторонники этой точки зрения подчеркивают, что основной целью установления неустойки является не компенсация убытков кредитора, а предотвращение нарушения обязательства. Угроза взыскания неустойки должна побудить должника к своевременному и полному исполнению принятых на себя обязательств;

– неустойка как мера гражданско-правовой ответственности –рассматривается как форма имущественной ответственности должника за нарушение обязательства. Сторонники этого подхода акцентируют внимание на том, что неустойка подлежит взысканию только в случае нарушения обязательства, то есть при наличии вины должника. При этом, размер неустойки может превышать размер убытков, понесенных кредитором, что свидетельствует о ее штрафном характере;

неустойка как институт смешанной правовой природы – имеет двойственную природу, выполняя различные функции на разных стадиях развития обязательства. До момента нарушения обязательства неустойка выступает в качестве способа обеспечения его исполнения, стимулируя должника к надлежащему исполнению. После нарушения обязательства неустойка приобретает черты меры ответственности, позволяя кредитору компенсировать понесенные убытки.

В доктрине гражданского права приводятся различные аргументы «за» и «против» признания двойственной природы неустойки.

К положительным моментам можно отнести:

1) неустойка направлена как на стимулирование должника к надлежащему исполнению обязательства, так и на компенсацию убытков кредитора в случае нарушения обязательства.

2) неустойка может быть установлена в различных формах (штраф, пеня), что свидетельствует о ее гибкости и возможности адаптироваться к различным целям.

3) судебная практика признает возможность уменьшения неустойки, что также свидетельствует о ее связи с ответственностью за нарушение обязательства.

Среди отрицательных можно выделить:

1) способы обеспечения исполнения обязательств и меры ответственности имеют различную правовую природу и основания возникновения.

2) способы обеспечения исполнения обязательств носят акцессорный характер по отношению к основному обязательству, а меры ответственности возникают только в случае нарушения основного обязательства.

3) признание двойственной природы неустойки может привести к смешению понятий и затруднить правоприменение.

Судебная практика по вопросу о двойственной природе неустойки является неоднозначной и противоречивой. В одних случаях суды признают двойственную природу неустойки, в других - рассматривают ее только как меру ответственности.

Анализируя судебную практику о двойственной природе неустойки в качестве примера можно привести Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.02.2024 № Ф05-34836/2023 по делу № А40-68045/2023⁷. Хотя в данном постановлении прямо не используется термин «двойственная природа», суд рассматривает неустойку и как меру ответственности за нарушение обязательства, и как способ компенсации возможных убытков кредитора, что косвенно подтверждает признание обеих функций. Важно изучить мотивировочную часть решения.

Также в качестве примера для рассмотрения неустойки как меры ответственности в пример можно привести Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.07.2023 № Ф07-9884/2023 по делу № А56-118920/2022⁸. В данном деле, рассматривая спор о взыскании неустойки за просрочку выполнения работ по договору подряда, суд прямо указывает на то, что неустойка является «мерой гражданско-правовой ответственности» и подлежит взысканию в связи с нарушением подрядчиком своих обязательств.

Обращаясь к научным работам А. В. Сятчихина, можно отметить, что штрафной и стимулирующий элемент не всегда играет главную роль, а напротив, выступает как факультативное свойство данного института^{9, 10, 11}. С одной стороны, такая позиция отчасти подтверждается наличием ст. 333 Гражданского кодекса РФ, устанавливающей требование соразмерности неустойки последствиям нарушения обязательства - при ненадлежащем исполнении обязательства кредитор не сможет реализовать интерес в форме полноценного штрафа при заявлении должником в суде требования об уменьшении его размера.

Данное мнение можно отнести к выбранной теме статьи, поскольку он связывает теоретические рассуждения о двойственной природе неустойки с практическими проблемами, возникающими в арбитражном процессе. Статья 333 Гражданского кодекса РФ, позволяющая суду уменьшать неустойку, фактически ограничивает штрафную функцию неустойки и создает неопределенность для предпринимателей, рассчитывающих на получение компенсации в случае нарушения договора.

Подводя итог всему сказанному, можно сделать вывод, что институт неустойки, занимая важное место в системе гражданско-правовых средств обеспечения исполнения обязательств, характеризуется сложной и неоднозначной правовой природой. Существование различных теоретических подходов к определению неустойки подчеркивает дискуссионность вопроса о ее двойственной природе. Несмотря на то, что в доктрине гражданского права существуют аргументы как в пользу признания неустойки институтом смешанной правовой природы, так и против этого, анализ положений законодательства и сложившейся практики

свидетельствует о наличии как обеспечительной, так и компенсационно-штрафной составляющих в данном институте. Дальнейшее исследование вопросов, связанных с правовой природой неустойки, и выработка единого подхода к ее пониманию имеет важное значение для обеспечения стабильности и предсказуемости гражданского оборота, особенно в сфере предпринимательской деятельности.

Литература

1. Пергамент М. Я. Договорная неустойка и интерес. М.: Правоведение, типолитография И. И. Пашкова, 1905. С. 354.
2. Нам К. В. Основные направления развития института договорной ответственности в российском гражданском праве: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1998.
3. Карапетов А. Г. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации. М.: М-Логос, 2017.
4. Сатина Э. А. Взыскание неустойки как способ защиты гражданских прав // Тамбовские правовые чтения им. Ф.Н. Плевако. Материалы I Международной научной конференции. 2018.
5. Гурулева Э. А., Иванова Н. А. Отдельные проблемы возмещения убытков и взыскания неустойки как мера гражданско-правовой ответственности за нарушение обязательств // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки, 2019. №10.
6. Захаров Д. Е. К вопросу о соотношении способов обеспечения обязательств и мер гражданско-правовой ответственности // ВЭПС, 2018. №3.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.02.2024 № Ф05-34836/2023 по делу № А40-68045/2023 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.07.2023 № Ф07-9884/2023 по делу № А56-118920/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2018.
10. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки и неустойка: соотношение гражданско-правовых институтов // Пятый пермский международный конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2014.
11. Сятчихин А. В. Российское законодательство о поименованных и непоименованных способах обеспечения обязательств: исторический экскурс // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2014. № 1.

Д. О. Колегова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: Э. М. Фролович

К ВОПРОСУ О ПРОБЛЕМАХ РАСКРЫТИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В АРБИТРАЖНОМ ПРОЦЕССЕ

В статье анализируются актуальные проблемы, касающиеся раскрытия доказательств в арбитражном процессе, в контексте диспозитивного принципа, предусмотренного Арбитражным процессуальным кодексом Российской Федерации. Проанализирован зарубежный опыт раскрытия доказательств, который включает в себя практики и подходы, применяемые в различных странах. Основное внимание уделяется необходимости совершенствования механизмов раскрытия доказательств с целью обеспечения процессуальных прав сторон и повышения общей эффективности судебного разбирательства.

Ключевые слова: заблаговременное раскрытие доказательств, принцип диспозитивности, судебные санкции.

D. O. Kolegova
Student, Perm State University
Supervisor: E. M. Frolovich

ON THE ISSUE OF THE PROBLEMS OF DISCLOSURE OF EVIDENCE IN THE ARBITRATION PROCESS

The article analyzes current issues related to the disclosure of evidence in the arbitration process in the context of the dispositive principle provided for by the Arbitration Procedural Code of the Russian Federation. The foreign experience of evidence disclosure is analyzed, which includes practices and approaches used in various countries. The main focus is on the need to improve evidence disclosure mechanisms in order to ensure the procedural rights of the parties and improve the overall effectiveness of the trial.

Keywords: early disclosure of evidence, the principle of dispositivity, judicial sanctions.

В арбитражном процессе раскрытие доказательств осуществляется на стадии подготовки дела к судебному разбирательству. Доктор юридических наук В. Ф. Тараненко утверждает, что преждевременный обмен состязательными документами создает условия для быстрого и эффективного рассмотрения дела судом¹. Согласно содержанию пункта 1 части 1 статьи 135 АПК РФ арбитражный суд лишь предполагает сторонам представить свои доказательства и при этом не может принудить лиц, участвующих в деле, совершить действия по раскрытию доказательств, что определенно подчеркивает принцип диспозитивности в арбитражном процессе².

Но существует необходимость внесения корректировки в статью 135 АПК РФ о том, что суд должен обязать стороны представить доказательства на стадии подготовки дела к судебному разбирательству, а также должны быть предусмотрены штрафные санкции неисполнения данной обязанности³.

В соответствии со статьей 65 АПК РФ каждое лицо, участвующее в деле, обязано до начала судебного разбирательства раскрыть доказательства перед другими участникам. Ссылаясь только на те доказательства, с которыми другие участники были заранее ознакомлены. Это правило является логическим продолжением принципа состязательности: «лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга до начала судебного разбирательства». Но судебная арбитражная практика частично приняла указанные положения закона. Так, в информационном письме от 13.08.2004 № 82 «О некоторых вопросах применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» Президиум Высшего Арбитражного Суда РФ ответил на вопрос о правомочиях арбитражного суда первой инстанции в отношении принятия и анализа доказательств, которые не были раскрыты сторонами до начала судебного заседания и представлены позже в ходе исследования доказательств (вопрос № 35). Президиум отметил, что арбитражный суд первой инстанции обязан рассмотреть такие доказательства, вне зависимости от оснований, по которым нарушен порядок их раскрытия. Например, постановлением Десятого арбитражного апелляционного суда от 23.06.2020 было отменено решение Арбитражного суда Московской области от 20.12.2019 по делу № А41-86778/19, рассмотренному в упрощенном порядке. Это связано с тем, что суд первой инстанции не учел материалы по делам об административных правонарушениях и дополнительные документы, которые были представлены административным органом в суд в установленные сроки, согласно абзацу 2 части 3 статьи 228 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации⁴.

И все же в арбитражном процессе при рассмотрении дел в вышестоящих инстанциях сохраняется положение, согласно которому запрещается использование нераскрытых доказательств. Так Верховный суд Российской Федерации в одном из своих определений, вынесенных по итогу рассмотрения кассационной жалобы, указывает, что лица, участвующие в деле, вправе знать об аргументах друг друга и обязаны раскрыть доказательства, на которые они ссылаются заблаговременно, до начала судебного разбирательства или в пределах срока, установленного судом⁵.

Изучая опыт зарубежных стран, можно сделать вывод, что для них заблаговременное раскрытие доказательств является обязательным институтом. Например, раскрытия доказательств в Австралии закреплены в Законе о доказательствах 1995 года, где в статье 135 предусмотрено, что «суд может отказать в принятии

доказательств, если их доказательная ценность существенно перевешивается опасностью того, что доказательства могут:

- 1) нанести несправедливый ущерб какой-либо стороне;
- 2) или ввести в заблуждение или запутать;
- 3) вызывать или приводить к неоправданной трате времени.

В статье 282 Гражданского процессуального кодекса Германии «Ходатайства и средства отвода или защиты, в отношении которых можно предвидеть, что оппонент не сможет отреагировать на них без предварительного наведения справок, должны быть рассмотрены до начала слушания в виде подготовительного письменного заявления с таким расчетом, чтобы оппонент все еще мог провести необходимые расследования»⁶.

Судейское сообщество придерживается курса на принятие и анализ всех представленных доказательств, даже если установленные процессуальные нормы о порядке и сроках раскрытия доказательств были нарушены.

В ситуациях, когда в ходе судебного заседания предоставляются доказательства, ранее не известные сторонам процесса, Научно-консультативный совет при Арбитражном суде Уральского округа рекомендует суду принять следующие меры:

1. Отложить судебное заседание: данная мера направлена на обеспечение полноты реализации процессуальных прав лиц, участвующих в деле, и предоставление им возможности ознакомиться с новыми доказательствами, оценить их относимость и допустимость, а также подготовить свои возражения и контраргументы.

2. Учесть причины нарушения порядка раскрытия доказательств при распределении судебных расходов: суд, принимая во внимание обстоятельства, по которым доказательства не были раскрыты своевременно, может возложить бремя судебных расходов на сторону, допустившую нарушение, либо иным образом скорректировать распределение расходов в зависимости от степени вины и последствий, вызванных несвоевременным раскрытием доказательств⁷.

Раскрытие доказательств – важный этап в процессе доказывания, связанный с принципом состязательности в гражданских и арбитражных делах. В этой связи, в случае, если участники процесса не исполняют свои обязанности по предварительному ознакомлению с доказательствами, должны применяться некие санкции. К сожалению, на сегодняшний день законодатель не ввел конкретный перечень санкций, применяемых в случае несвоевременного раскрытия доказательств. В качестве мер наказания за неисполнение или несвоевременное выполнение обязательств по раскрытию доказательств можно предложить следующие меры:

Во-первых, наложить штраф на участников дела, которые нарушили порядок или сроки предъявления доказательств. В таком случае возникает необходимость уточнения суммы штрафа и ее соразмерности последствиям нарушения прав этих лиц. Вопрос заключается в том, будет ли это фиксированная сумма или же законодатель предоставит суду возможность самостоятельно определять размер

штрафа. Однако, важно отметить, что применение штрафа как меры ответственности может оказаться неэффективным. Иногда участникам процесса выгоднее скрыть доказательства до начала судебного разбирательства и уплатить штраф, чем заранее предоставить их другим сторонам.

Во-вторых, наложить на суд обязанность не принимать и не рассматривать доказательства, которые не были представлены сторонами до начала судебного заседания, а также были поданы на стадии исследования доказательств⁸.

Таким образом, предложенные меры наказания за неисполнение обязательств по раскрытию доказательств ставят важные вопросы о балансе между соблюдением процессуальных норм и обеспечением прав сторон. Штрафы, хотя и могут способствовать повышению ответственности участников, но порой оказываются недостаточными стимулами для соблюдения обязанностей. Данная мера нацелена на защиту принципа равноправия сторон и обеспечения добросовестности в судебном разбирательстве.

Внедрение данных мер в судебную практику может стать большим шагом к более эффективному и справедливому процессу, где соблюдение обязательств по раскрытию доказательств будет восприниматься как обязательная норма, а не как исключение.

Литература

1. Тараненко В. Ф. Принцип арбитражного процесса и влияние советской процессуальной теории на формирование: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1983. 208 с.
2. Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006.
3. Кайзер Ю. В. Институт раскрытия доказательств в процессуальном законодательстве Германии и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2009. № 4 (21). С. 170–174.
4. Решение Арбитражного суда Московской области от 20.12.2019 по делу № А41-86778/2019
5. Определение Верховного суда РФ от 07.05.2018 № 302-ЭС18-4183 по делу № А69-5307/2016 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. Гражданское процессуальное уложение Германии / пер. с нем. В. Бергман. М.: Волтерс Клувер, 2006. 415 с.
7. Рекомендации Научно-консультативного совета при Арбитражном суде Уральского округа. Часть II. Вопросы применения Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (по итогам заседания, состоявшегося 19–20 октября 2017 г. в г. Перми) // Экономическое правосудие в Уральском округе. 2018. № 1.
8. Кайзер Ю. В. Особенности правового регулирования этапов доказательственной деятельности в гражданском и арбитражном процессе. // Вестник Омского университета. Актуальные вопросы юриспруденции. 2009. № 4 (21). С. 170–174.

М. А. Колосов

Магистрант Северо-Западного филиала РГУП им. В. М. Лебедева

Научный руководитель: И. П. Юр

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЛИЦЕНЗИРОВАНИЯ КРЕДИТНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

В статье рассматривается процесс создания и лицензирования кредитных организаций, выделяются основные проблемы при его реализации, непосредственно влияющие на уровень конкуренции приведены возможные способы их устранения.

Ключевые слова: конкуренция, кредитная организация; лицензирование; Центральный Банк Российской Федерации, банковская деятельность, право.

M. A. Kolosov

Master's Student, North-West branch of the Lebedev Russian State University of Justice

Supervisor: I. P. Jur

LEGAL REGULATION OF LICENSING CREDIT ORGANIZATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

In this paper the procedure of obtaining license by credit organizations is considered. Key issues of the examination are considered. The ways of their solution are proposed.

Keywords: competition, credit organization, licensing, The Central Bank of the Russian Federation, banking activity, law.

Процесс создания кредитных организаций в Российской Федерации представляет собой сложный, многоэтапный процесс, строго регламентированный действующим законодательством и актами Центрального Банка Российской Федерации (далее – Банк России).

Указанная процедура направлена на обеспечение стабильности банковской системы Российской Федерации, в том числе защиту прав и законных интересов потребителей банковских услуг: кредиторов (как физических, так и юридических лиц) и различных клиентов кредитных организаций.

При обозначении ключевых проблем, которые встречаются в процессе лицензирования кредитных организаций, необходимо в первую очередь описать указанную процедуру такой, как она отражена в Федеральном законодательстве.

Согласно статье 15 Федерального закона «О банках и банковской деятельности», после получения необходимых документов Банк России направляет их в уполномоченный регистрирующий орган для внесения записи о новой кредитной организации в Единый государственный реестр юридических лиц (ЕГРЮЛ)¹.

Анализируя порядок создания кредитных организаций в России, можно сделать вывод, что действующая процедура направлена на тщательную проверку финансовой состоятельности и деловой репутации учредителей².

Одной из основных проблем лицензирования кредитных организаций является установление законодателем высоких требований к минимальному размеру уставного капитала для вновь создаваемых банков³.

В соответствии с действующим законодательством, «минимальный размер уставного капитала ходатайства о государственной регистрации и выдаче лицензии на осуществление банковских операций устанавливается в сумме 1 миллиард рублей – для вновь регистрируемого банка с универсальной лицензией, для кредитных организаций с базовой лицензией – 300 миллионов рублей; для небанковских же кредитных организаций – 90 миллионов рублей¹».

Такие высокие финансовые пороги, установленные законодателем, обусловлены необходимостью обеспечения достаточной финансовой устойчивости кредитных организаций, что позволяет им эффективно противостоять возможным рискам и выполнять свои обязательства перед клиентами.

Однако данное влияние законодателя не обязательно может способствовать развитию конкуренции, зачастую акты, действия (бездействие) органов государственной власти и местного самоуправления ее ограничивают, что является нарушением законодательства о защите конкуренции⁴.

Малые и средние предприниматели могут испытывать затруднения при попытке создать новые кредитные организации из-за необходимости мобилизации значительных финансовых ресурсов. Это приводит к снижению конкуренции на банковском рынке и, как следствие, ведет к возможной монополизации рынка крупными банковскими структурами⁵.

Следующей проблемой является неопределенность в предъявлении требований к самим учредителям кредитных организаций.

Действующее на данный момент законодательство внесение денежных средств для внесения в уставный капитал регистрируемой организации, равно как и отсутствие непогашенных кредитных перед государственным бюджетом за последние три года⁶.

Кроме этого, в случае если потенциальным учредителем выступает другая кредитная организация, то соответствие ее финансового положения действующему законодательству определяется фактом выполнения резервных требований Центрального Банка Российской Федерации и отсутствием задолженности перед ним.

Критерии оценки финансового положения учредителей кредитной организации – юридических лиц и учредителей-физических лиц согласно действующей Инструкции Банка России от 02.04.2010 № 135-И регламентированы Положением Банка России от 19.06.2009 № 337-П, зарегистрированным Министерством

юстиции Российской Федерации 16.07.2009 № 14356 и Положением Банка России от 19.06.2009 № 338-П соответственно.

Однако на данный момент оба этих положения утратили силу.

Таким образом, можно сделать действующие инструкции Банка России ссылаются на недействующее законодательство.

Без должной регуляции новые участники рынка кредитных услуг рискуют потерять много времени на изучение новейших и устаревших нормативно-правовых актов, что ставит их в невыгодное положение по сравнению с уже состоявшимися конкурентами.

На основе вышеперечисленного, можно сделать вывод, что проблемы, связанные с лицензированием кредитных организаций в России, многогранны и требуют комплексного подхода.

В частности, снижение финансовых барьеров обеспечит более доступный вход новых участников на рынок финансовых услуг, обеспечив рост конкуренции, а оптимизация банковского законодательства (как пример – создание Банковского Кодекса) позволит не только устранить противоречия в регулировании процесса лицензирования кредитных организаций, но и существенно сократит время его изучения, что в свою очередь тоже облегчит предпринимателям начать новую банковскую деятельность.

Повышение конкуренции на рынке финансовых услуг существенно повысит денежный оборот и доступность кредитования, что в свою очередь отвечает основным направлениям деятельности Центрального Банка Российской Федерации, а именно: укрепление Российской экономики и предпринимательства как института в целом.

Литература

1. О банках и банковской деятельности: Федер. закон от 02.12.1990 № 395-1 (последняя ред.) [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Банковское дело: Финансы и статистика: учебник, 5-е изд., перераб. и доп. / отв. ред. Г. Н. Белоглазова, Л. П. Кроливецкая. М.: Финансы и статистика, 2008. 592 с.
3. Рождественская Т. Э. Банковское право. Частноправовое регулирование: учебник для вузов / Т. Э. Рождественская, А. Г. Гузнов, А. В. Шамраев. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 214 с.
4. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2023. 482 с.
5. Герасимов Б. И. Введение в экономику. Микроэкономика: учеб. пособие. Тамбов, 2009. 227 с.
6. О порядке принятия Банком России решения о государственной регистрации кредитных организаций и выдаче лицензий на осуществление банковских операций: Инструкция Банка России от 02.04.2010 № 135-И (ред. от 19.08.2021) (зарегистрировано в Минюсте России 22.04.2010 № 16965) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2022). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99865/ (дата обращения 17.03.2025)

ОСОБЕННОСТИ СТАТУСА САМОЗАНЯТЫХ ГРАЖДАН

В статье поднимается проблема теневого предпринимательства в российской экономике, решение которой лежит в плоскости развития института самозанятости, в частности в совершенствовании норм о самозанятости. Авторами произведен анализ текущего состояния и перспектив гармонизации законодательства о гражданах, являющихся плательщиками налога на профессиональный доход, предложено понятие «самозанятый гражданин».

Ключевые слова: самозанятость; самозанятый гражданин; теневая экономика; правовой статус самозанятого гражданина; налог на профессиональный доход; плательщик НПД.

R. S. Krechetova
Student, Chita Institute (branch) of Baikal State University
Supervisor: M. S. Koshelev

FEATURES OF THE STATUS OF SELF-EMPLOYED CITIZENS

The article raises the problem of shadow entrepreneurship in the Russian economy, the solution to which lies in the development of the institution of self-employment, in particular in improving the rules on self-employment. The authors analyzed the current state and prospects for harmonizing legislation on citizens who are payers of professional income tax and proposed the concept of "self-employed citizen".

Keywords: self-employment; self-employed citizen; shadow economy; legal status of self-employed citizen; tax on professional income; taxpayer of professional income tax.

В Российской Федерации предпринимательская деятельность без регистрации или «теневая» занятость представляет собой серьезную проблему для экономики. Значительная часть населения, фактически являясь предпринимателями, не регистрируется ни в качестве индивидуальных предпринимателей, ни как юридические лица. Эта группа, известная как «самозанятые», привлекает пристальное внимание исследователей в связи с ее положительным влиянием на ключевые показатели современной экономики.

Федеральный закон от 26.06.2017 № 199-ФЗ скорректировал определение предпринимательской деятельности в Гражданском кодексе РФ (статьи 2 и 23). Теперь для некоторых видов предпринимательской деятельности отменено обязательное условие государственной регистрации в качестве индивидуального предпринимателя¹. Статья 23 ГК РФ позволяет гражданам заниматься таким бизнесом

без оформления статуса индивидуального предпринимателя, но только при условии строгого соблюдения установленных законом требований². Развитие сферы предпринимательства постоянно находится в фокусе внимание ученых юристов³.

Как сказано в учебнике «Предпринимательское право» под редакцией В. Г. Голубцова: «Государственная регистрация по общему правилу является одним из признаков субъекта предпринимательской деятельности. Исключение из правила о государственной регистрации составляют виды предпринимательской деятельности, которые могут осуществлять граждане, имеющие статус самозанятого, при соблюдении условий соответствующего налогового режима. Институт самозанятых граждан появился изначально в качестве эксперимента на территории нескольких регионов России»³.

В настоящее время отсутствует четкое определение терминов «самозанятость» и «самозанятый гражданин» в законодательстве. Исходя из анализа правовых норм, можно выделить некоторые признаки, учитывая которые составить понятие «самозанятости» не составит труда.

Л. И. Гончаренко⁴ отмечает, что одной из особенностей налога на профессиональный доход, как элемента социального налогового режима, является его правовое регулирование, а именно то, что ключевые особенности содержатся в специальном Федеральном законе от 27.11.2018 № 422-ФЗ:

1. НПД применяется в подавляющем большинстве регионов РФ⁵. С 01.09.2020 такой специальный режим применяется на территории Забайкальского края.

2. Физические лица, включая индивидуальных предпринимателей, могут стать плательщиками налога на профессиональный доход (далее НПД), если их деятельность осуществляется на территории любого из регионов России, участвующих в эксперименте. Плательщики НПД не могут иметь работников. В настоящее время высказывается позиция, что специальный налоговый режим в будущем вытеснит индивидуальных предпринимателей, который должны будут сделать выбор либо в пользу юридического лица, либо в пользу «самозанятости». Такая точка зрения видится нам весьма спорной.

3. НПД касается доходов, полученных от продажи товаров, работ, услуг (далее ТРУ) и имущественных прав.

Основываясь на этих признаках, мы дали определение понятия «самозанятый гражданин» – физическое лицо, зарегистрированное в налоговом органе как плательщик НПД, не выступающее в роли работодателя и получающее доход от продажи товаров, выполнения работ, оказания услуг или реализации имущественных прав, который суммарно не превышает 2,4 млн рублей.

Рассмотрим понятия «самозанятых граждан», которые приводят в научных исследованиях различные авторы. Так, Н. Ф. Попова и М. А. Лапина, ключевым признаком в определении считают признак «самостоятельности», а также

«договоры ГПХ», в рамках которых такие субъекты осуществляют свою деятельность, в том числе в форме индивидуального предпринимателя⁶.

В научной статье «Регулирование деятельности самозанятых граждан» (авт. А. Н. Покида и Н. В. Зыбуновская) содержится позиция Е. С. Крюковой и В. Д. Рузановой, которые предлагают узкую трактовку понятия «самозанятые граждане», разграничивая индивидуальных предпринимателей (зарегистрированных и незарегистрированных) и самозанятых⁷.

Появление такой категории как «самозанятый гражданин» накладывает на государство дополнительные меры ответственности и поддержки. Так, локдаун 2020 года обусловил необходимость их реализации. Федеральный закон № 169-ФЗ, внося изменения в закон № 209-ФЗ, приравнял самозанятых к субъектам малого и среднего предпринимательства, предоставив им доступ к дополнительной поддержке. Поэтому пока сложно сказать какой правовой статус у самозанятого. Понятно лишь одно – самозанятость это новая, не похожая на другие нормы, форма предпринимательской деятельности, которая только недавно начала законодательно развиваться.

Статус самозанятых граждан (индивидуальных предпринимателей) в России не является новым явлением, он существует давно и имел свою эволюцию на протяжении истории. Рассмотрим основные этапы возникновения и развития статуса самозанятости.

Первые формы самозанятости можно отследить еще в средние века. В то время предприниматели занимались своей деятельностью на свой риск и без официального признания со стороны государства. Это были небольшие ремесленные мастерские, лавки и торговые точки, где люди самостоятельно осуществляли свой бизнес. На этом этапе зарождается малый бизнес, который еще не легализовало государство.

По мнению Н. Н. Каштанова и И. А. Курьякова, начиная с 1987–1988 гг. наблюдается расширение сферы деятельности малого бизнеса, рост числа его участников и превращение предпринимательства в активное многочисленное движение⁸. Однако появляется прослойка людей, которая занимается темной предпринимательской деятельностью.

А. С. Мельнова в своей работе ссылается на мнение автора Н. В. Рейхерд, которое свидетельствует о плюсах легализации статуса «самозанятых», так как это увеличивает поступление налогов в бюджет страны⁹. Мы поддерживаем это мнение.

Принятие Федерального закона № 199-ФЗ в 2017 году стало важным шагом к легализации деятельности самозанятых. Этот закон фактически выделил таких граждан в отдельную категорию, предусмотрев возможность осуществления определенных видов предпринимательской деятельности без регистрации в качестве ИП. Этому мнению так же придерживаются А. Н. Покида и Н. В. Зыбуновская в своей статье.

В 2019 году вступил в силу федеральный закон о налоге на профессиональный доход (НПД), что способствовало развитию новой формы легальной предпринимательской деятельности.

Таким образом, проблема теневой экономики, обострившаяся с 1990-х годов, подтолкнула законодателя к введению этого режима для борьбы с нелегальным предпринимательством. Появление такого нового субъекта гражданского права не только положительно сказывается на развитии отдельных бизнес-проектов, но и стимулирует показатели занятости граждан, а также является новым источником бюджета. Однако новый институт требует новых законодательных решений, чтобы устранить пробелы в статусе таких граждан. Необходимо законодательно закрепить определения «самозанятый гражданин» и «самозанятость», а также вывести эту форму предпринимательской деятельности за рамки эксперимента. Также высказывается мнение, что в будущем останется только две формы организации бизнеса – это «самозанятость» и регистрация в качестве юридического лица.

Появление самозанятости отражает трансформацию трудовых отношений и адаптацию законодательства к новым реалиям. Этот статус дает гражданам больше гибкости, но и сопряжен с определенными ограничениями и рисками.

Хотя понятие «самозанятый гражданин» существует в научной среде, оно не закреплено законодательно. А законодательно закрепленный термин «плательщик НПД» не полностью отражает сущность «самозанятости», которая представляет собой предпринимательскую деятельность физических лиц без образования юридического лица. Поэтому необходимо дополнить понятие «плательщик НПД» существенными признаками «самозанятого гражданина».

Литература

1. О внесении изменений в статьи 2 и 23 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 26.06.2017 № 199-ФЗ: [с посл. изм. и доп.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2017. № 31 (часть I), Ст. 4748.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации: федер. закон от 30.10.1994 № 51-ФЗ: [с посл. изм. и доп.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
3. Предпринимательское право: учебник / Аристов Е.В. [и др.]; отв. ред. В.Г. Голубцов. М.: Статут, 2021. 444 с. (глава 10). С. 273–300.
4. Гончаренко Л. И. Налогообложение физических лиц: учебник для вузов. М.: Юрайт. 2024. 323 с.
5. О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход»: Федер. закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ: [с посл. изм. и доп.] // Собрание законодательства Российской Федерации. 2018. № 49. Ст. 7494.
6. Попова Н. Ф., Лапина М. А. Правовое регулирование экономической деятельности: учебник для вузов. М.: Юрайт. 2024. 308 с.
7. Покида А. Н., Зыбуновская Н. В. Регулирование деятельности самозанятых граждан // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. №1. С. 60–85.
8. Каштанов Н. Н., Курьяков И. А. История развития малого предпринимательства: проблемы и перспективы // СТЭЖ. 2008. № 5. с. 6.
9. Мельнова А. С. Самозанятость в России // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №10-4. С. 150.

Д. В. Лебедик
Магистрант СПбГУ
Научный руководитель: В. Ф. Попондопуло

К ВОПРОСУ О ВЫБОРЕ ОТВЕТЧИКА ПРИ НАЗНАЧЕНИИ ПРОЦЕДУРЫ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ОБНАРУЖЕННОГО ИМУЩЕСТВА ЛИКВИДИРОВАННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

В настоящее время процедура распределения обнаруженного имущества уже ликвидированного юридического лица позволяет заинтересованным лицам в законном порядке получить имущественное удовлетворение у юридического лица, которое, по смыслу норм гражданского законодательства, субъектом права даже не является. В связи с вышеназванным в судебно-арбитражной практике и цивилистической доктрине возникают проблемы с определением того, к кому в конечном счете заинтересованное лицо вправе обращаться с иском об удовлетворении своих требований. В настоящем исследовании автором анализируются подходы, выработанные по данному вопросу на практике, обосновывается их целесообразность.

Ключевые слова: выбор ответчика, кредитор, обнаруженное имущество, удовлетворение требований.

D. V. Lebedik
Master's student, St. Petersburg State University
Supervisor: V. F. Popondopulo

ON THE ISSUE OF CHOOSING A DEFENDANT IN THE APPOINTMENT OF A PROCEDURE FOR THE DISTRIBUTION OF THE DISCOVERED PROPERTY OF A LIQUIDATED ORGANIZATION

Currently, the procedure for distributing the discovered property of an already liquidated legal entity allows interested parties to legally obtain property satisfaction from a legal entity that, within the meaning of the norms of civil legislation, is not even a subject of law. In connection with the above, in judicial arbitration practice and civil doctrine, problems arise with determining to whom an interested person ultimately has the right to file a claim for satisfaction of his claims. In this study, the author analyzes the approaches developed in practice, justifies their expediency.

Keywords: defendant's choice, creditor, discovered property, satisfaction of claims.

В судебно-арбитражной практике возникает ряд процессуальных вопросов относительно того, кто будет являться ответчиком по категории дел о распределении обнаруженного после ликвидации организации имущества.

На текущий момент существует как минимум три позиции по поставленной проблеме: ответчик при обращении в порядке пункта 5.2 статьи 64 ГК РФ может

быть не указан вовсе (заявительный порядок); ответчиком по такой категории дел является налоговый орган (исковой порядок); в качестве ответчика может быть указано само ликвидированное юридическое лицо (косвенный порядок, предусматривающий аналогию с косвенным иском).

Первой позицией является так называемый заявительный порядок обращения в суд за защитой, содержащийся в абзаце 3 части 4 статьи 4 АПК РФ. Он предполагает, что обращение в арбитражный суд может быть осуществлено в форме заявления, однако, по определенным категориям дел.

В свою очередь, если обратиться к буквальному и телеологическому толкованию пункта 5.2 статьи 64 ГК РФ, можно заметить, что «заинтересованное лицо (...) вправе обратиться в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества»¹.

Таким образом, сам законодатель в указанном случае допускает заявительный (без указания ответчика по делу) порядок обращения. В частности, такой подход поддерживается и в судебной-арбитражной практике. Так, в одном из дел, заинтересованное лицо обратилось в суд с заявлением о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества уже ликвидированного юридического лица ООО «Техновендинг» без указания ответчика по делу². При этом Межрайонная ИФНС № 46 по г. Москве была привлечена к участию в деле только в качестве заинтересованного лица.

В качестве второй позиции (исковой порядок), при которой в рамках дел о распределении обнаруженного имущества ликвидированного юридического лица появляется ответчик, является указание в качестве ответчика территориального органа ФНС. В качестве примера, подкрепляющего позицию, следует привести дело №А32-23709/2017³, рассмотренное Арбитражным судом Красноярского края в 2017 году.

Представляется, что такой подход к определению ответчика в рамках процедуры, предусмотренной пунктом 5.2 статьи 64 ГК РФ, имеет право на существование, однако, по нашему мнению, лишь в том случае, когда с таким иском обращается непосредственно регистрирующий орган и исключительно по своей инициативе и именно им вносится запись о прекращении деятельности организации в связи с исключением из ЕГРЮЛ на основании пункта 2 статьи 21.1 Федерального закона от 08.08.2001 № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (далее – Закон о госрегистрации). В частности, так было в упомянутом выше деле (№ А32-23709/2017), где решение об исключении из ЕГРЮЛ ООО «Агроторг» как раз и было принято непосредственно МИФНС № 16 самостоятельно.

Объясняется данное обстоятельство тем, что в случае принятия решения об исключении организации ввиду экономической неактивности, именно налоговый орган, как субъект инициативы прекращения правоспособности юридического

лица, является, образно говоря, «ответственным» за необнаруженное и нераспределенное имущество этого юридического лица, а, следовательно, этот уполномоченный орган вполне обоснованно может выступать ответчиком.

Третья позиция по данному вопросу (косвенный порядок) сводится к тому, что в качестве ответчика по делу о распределении обнаруженного имущества может выступать само ликвидированное лицо. Представляется, что данная позиция является одной из самых спорных из представленных в работе, так как связана не только с процессуальным аспектом – отсутствием ясности к кому предъявлять иск, но и с материально-правовым вопросом, упирающимся в давний спор о том, подпадает ли пункт 5.2 статьи 64 ГК РФ под действие доктрины *agonia perpetua* (продленной агонии юридического лица)⁵, в рамках которой применительно к процедуре распределения обнаруженного имущества, правоспособность юридического лица восстанавливается в части, несмотря на то, что оно признано ликвидированным, тем более, что схожий механизм восстановления правоспособности не только гипотетически существует, но и применяется в судебно-арбитражной практике применительно к восстановлению полномочий единоличного исполнительного органа юридического лица⁶.

Не ставя перед собой цели исследования вопроса обоснованности позиции о возможности частичной реинкарнации правоспособности уже ликвидированного юридического лица, лишь отметим, что в судебно-арбитражной практике указание в качестве ответчика уже ликвидированного лица допускается, как это было, к примеру, в деле № А40-212360/2020⁷, где по иску заинтересованного лица (в данном случае, кредитора ликвидированного общества) о назначении процедуры распределения обнаруженного имущества ликвидированного лица в качестве ответчика выступило ООО «Бином».

Стоит обратить внимание, что в представленном выше деле судебная коллегия уклончиво подошла к ответу на вопрос о том, подлежит ли восстановлению в процедуре, предусмотренной пунктом 5.2 статьи 64 ГК РФ, правоспособность организации или нет, а лишь только указала на то, что содержание пункта 5.2 статьи 64 ГК РФ и пункта 41 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 11.06.2020 № 6 «О некоторых вопросах применения положения Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» позволяет сделать вывод о том, что «возможность защиты нарушенного права, в частности, кредитора не утрачивается вследствие прекращения деятельности юридического лица и может быть осуществлена в сроки, установленные абзацем вторым пункта 5.2. статьи 64 ГК РФ, в процедуре распределения обнаруженного имущества должника». Между тем, ранее упоминаемый в рамках данного исследования Арбитражный суд Краснодарского края высказался более открыто, констатируя, что «в рассматриваемом случае судом частично восстанавливается гражданская правоспособность ликвидированного юридического лица, а арбитражный

управляющий действует от имени общества с полномочиями ликвидатора», подтвердив тем самым возможность существования доктрины *agonia perpetua* в российской правовой системе, распространяя ее действие на положения пункта 5.2 статьи 64 ГК РФ.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что все три позиции, рассмотренные в данной работе, находят свое отражение в правовой действительности. Между тем, полагаем необходимым отметить, что наиболее правильным будет являться первая позиция (заявительный порядок), как наиболее отвечающая требованиям исследуемого в настоящей работе института.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.01.2024 № Ф05-18891/2022 по делу № А40-308002/2019 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Решение Арбитражного суда Краснодарского края от 07.11.2017 г. по делу № А32-23709/2017. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/0178e36c-4173-4b01-9aa8-0ed76b7df6e7>.
4. Богданов Е. В., Богданова Е. Е., Богданов Д. Е. Проблема правосубъектности прекращенного юридического лица // Гражданское право. № 4. 2016. С. 31.
5. Богданов А. В. Прекращение и восстановление полномочий единоличного исполнительного органа акционерного общества // Юридическая наука. 2012. № 2. С. 56.
6. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 04.05.2022 № 305-ЭС12-20375. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/e739203a-22dd-4423-ad64-e06d37c39f58/e7bd9f68-bbcf-4d36-8fff-cba3afc88313/A40-212360-2020_20221129_Reshenija_i_postanovlenija.pdf?isAddStamp=True.

А. А. Лунёв
Магистрант СГЮА
Научный руководитель: Ю. А. Зайцева

ЗАЩИТА «СЛАБОЙ» СТОРОНЫ В ГРАЖДАНСКИХ ПРАВООТНОШЕНИЯХ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

В работе рассматриваются проблемные аспекты, касающиеся института защиты «слабой» стороны в частноправовых отношениях в условиях становления и развития цифровизации. Автор данной работы подчеркивает, что отсутствие законодательных механизмов, гарантирующих судебную защиту для «слабой» стороны, создает правовую неопределенность и пробельность в правоприменительной практике и законодательстве. Обосновывается необходимость совершенствования гражданского законодательства: стремление к формированию новых договорных принципов, ориентирующих правоприменителей к защите «слабой» стороны, а также адаптации правовых институтов к динамике цифровой трансформации для обеспечения баланса интересов в частноправовых отношениях.

Ключевые слова: цифровизация, защита «слабой» стороны, договорная практика, принцип защиты «слабой» стороны.

A. A. Lunev
Master's student, Saratov State Law Academy
Supervisor: Yu. A. Zaitseva

PROTECTING THE "WEAK" SIDE IN CIVIL LAW RELATIONS IN MODERN CONDITIONS OF DIGITALIZATION

This paper examines problematic aspects concerning the institution of protecting the "weak" side in private law relations in the context of the formation and development of digitalization. The author of this paper emphasizes that the lack of legislative mechanisms guaranteeing judicial protection for the "weak" side creates legal uncertainty and gaps in law enforcement practice and legislation. The necessity of improving civil legislation is substantiated: the desire to form new contractual principles that guide law enforcement agencies to protect the "weak" side, as well as to adapt legal institutions to the dynamics of digital transformation to ensure a balance of interests in private law relations.

Keywords: digitalization, protection of the "weak" side, contractual practice, the principle of protection of the "weak" side.

Одной из главных особенностей правовой действительности и государственной политики в Российской Федерации является направление в становлении и развитии информационной среды, вовлечении широкого перечня общественных отношений в русло цифровизации. Данная особенность отражает основные цели и

задачи реализации Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 09.05.2017 № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы». В соответствующей Стратегии предусматривается планомерный переход с традиционных механизмов управления и взаимодействия между хозяйствующими субъектами по поводу различных благ на возможность организации своей договорной деятельности посредством использования телекоммуникационных средств связи, например, в Интернете.

Между тем, учитывая положительное отношение к подобным реформаторским и технологическим нововведениям в сфере трансформации информационной среды со стороны общества и государства, достаточно часто возникают вопросы о том, насколько подобные нововведения будут соответствовать правовым принципам, аксиомам и нормам, установленными гражданским законодательством.

Особое внимание к несовершенству правового регулирования в условиях цифровой трансформации привлекает к себе отсутствие на данный момент дополнительных механизмов защиты «слабой» стороны в частноправовых отношениях. Так, например, на сегодняшний день до сих пор законодателем не разрешена проблема, касающаяся регламентации возможности предоставления защиты в судебном порядке прав, возникающих на основе смарт-контракта. Так, стороны смарт-контракта конклюдентными действиями зачастую отказываются от права на судебную защиту и могут претендовать лишь на рассмотрение потенциального спора на специальной онлайн-площадке. Акцент в данном случае делается на то, что никакие правила о «слабой» стороне не могут быть применены к подобным отношениям. В связи с этим обстоятельством необходимо рассматривать возможности совершенствования гражданского законодательства в части проработки правовой регламентации защиты «слабой» стороны смарт-контракта и возможности установления в действующем законодательстве принципа защиты «слабой» стороны.

Особенно важно в условиях цифровой трансформации договорных правоотношений определить характеризующие признаки «слабой» стороны. Так, некоторыми учеными и правоприменительной практикой признак «слабости» субъекта выделяется исходя из отсутствия реальных возможностей влияния своей волей на осуществление и защиту субъективных прав и юридических обязанностей в рамках договорных обязательств, психофизиологические признаки (возраст, состояние здоровья)¹, слабости переговорных возможностей, экономической зависимости от контрагента², неравные переговорные возможности³.

Между тем усложняющаяся договорная практика и участия «слабой» стороны в ней в связи с ростом цифровизационных технологий является предметом широкой дискуссии в кругах юридического сообщества. Так, по мнению О. Н. Гуляевой,

общественные отношения находятся в постоянном и все более ускоряющемся развитии, а потому право, как идеальное отражение действительности, также непрерывно модифицируется и усложняется. Данное положение подкрепляется тем обстоятельством, что на текущем этапе развития общества требуется совершенствование законодательных механизмов в части защиты «слабой» стороны в рамках договорных обязательств. Кроме этого, как отмечает А. А. Волос, вопрос актуальности проблематики защиты «слабой» стороны приобретает особую значимость⁴.

На данный момент в российской судебной практике достаточно много и подробно уделено решениям, касающимся защиты «слабой» стороны в гражданских правоотношениях. Так, например, Верховный суд Российской Федерации в одном из Определений № 41-КГ18-165⁵ исходит из того, что суды обязаны оценивать условия договора на справедливость, учитывая между тем экономическое неравенство сторон. Данный подход отражает приверженность высших судебных инстанций к защите «слабой» стороны договорного обязательства. Конституционный суд Российской Федерации также отмечал о необходимости защиты «слабой» стороны – потребителя в гражданско-правовых отношениях по делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 03.02.1996 «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко⁶ и по делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Истеблишмент»⁷. Так, например, как отмечает А. Я Рыженков, принцип защиты «слабой» стороны правоотношения относится к принципам, воссозданным самим Конституционным судом Российской Федерации⁸.

Основная идея в защите «слабой» стороны отводится в формировании соответствующего правового принципа, который будет иметь значение в условиях развития современного договорного права. Как отмечает О. Н. Гуляева, защита «слабой» стороны частноправовых отношений представляет собой общую направленность частного права¹.

Таким образом, резюмируя вышесказанное следует сказать, что в условиях цифровизации общественных отношений с особым вниманием со стороны законодателя необходимо отнестись к правовой регламентации отношений, возникающих в связи с реализацией норм договорного права: в частности, предусмотреть возможность предоставления защиты тем субъектам договорного правоотношения, которые имеют черты «слабости», а также проработки на федеральном уровне вопросов, касающихся применения цифровых процедур в рамках договорной работы, которые на примере «смарт-контрактов» показывают правовую неопределенность и пробельность в правовом поле.

Литература

1. Гуляева О. Н. Правовая природа защиты слабого субъекта частноправовых отношений // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XXIV Междунар. научно-практ. конф. молодых ученых (Пермь, 01–02 апреля 2022 г.). Пермь, 2022. С. 165–170.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 03.04.2023 № 14-П «По делу о проверке конституционности пунктов 2 и 3 статьи 428 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина К.В. Матюшова» [Электронный ресурс] Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Волос А. А. Категория «слабая сторона гражданского правоотношения» в условиях цифровизации // Право. Журнал Высшей школы экономики. № 3. 2024. С. 84–104.
4. Волос А. А. Некоторые вопросы защиты слабой стороны в гражданском правоотношении по проекту изменений Гражданского кодекса Российской Федерации: материалы II Междунар. науч. конф. «Актуальные проблемы права», Москва, 20–23 октября 2013 года // Буки-Веди. М.: Молодой ученый, 2013. С. 27–32.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.11.2018 № 41-КГ18-46 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
6. По делу о проверке конституционности положения части второй статьи 29 Федерального закона от 03.02.1996 «О банках и банковской деятельности» в связи с жалобами граждан О. Ю. Веселяшкиной, А. Ю. Веселяшкина и Н. П. Лазаренко: Постановление Конституционного Суда РФ от 23.02.1999 № 4-П // Собрание законодательства РФ. 1999. № 10. Ст. 1254;
7. По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 74 и 77 Федерального закона «Об акционерных обществах», регулирующих порядок консолидации размещенных акций акционерного общества и выкупа дробных акций, в связи с жалобами граждан, компании «Кадет Интеблишмент».
8. Рыженков А. Я. Принцип защиты экономически слабой стороны в предпринимательских правоотношениях // Гражданское право. № 2. 2016. С. 13–16.

Е. Ю. Мартянова

Канд. юрид. наук, научный сотрудник,
доцент ПГНИУ

ПРАВОВОЙ РЕЖИМ СОВМЕСТНОГО ГОЛОГРАФИЧЕСКОГО ИСПОЛНЕНИЯ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-78-01002,
<https://rscf.ru/project/23-78-01002/>

В статье исследуются условия правомерного создания совместных голографических исполнений, выявляется место голограммы артиста в системе объектов гражданских прав, обосновано, что режим совместного голографического исполнения зависит от вида голограммы.

Ключевые слова: совместное исполнение, голографическое исполнение, артист-исполнитель.

E. Yu. Martyanova

Candidate of Law, Associate Professor
Perm State University

THE LEGAL REGIME OF JOINT HOLOGRAPHIC PERFORMANCE

The study was supported by the Russian Science Foundation grant № 23-78-01002,
<https://rscf.ru/project/23-78-01002/>

The article examines the conditions for the legitimate creation of joint holographic performances, identifies the place of the artists hologram in the system of objects of civil rights, and proves that the mode of joint holographic performance depends on the type of hologram.

Keywords: joint performance, holographic performance, artist-performer.

Появление умерших знаменитостей в виде голограмм перед публикой стало одной из тенденций развития исполнительского искусства и концертной деятельности: Тупак Шакур, Элвис Пресли¹, Умм Кульсум², Снуп Догг, Децл³, Уитни Хьюстон, Майкл Джексон⁴ и многие другие исполнители в разных странах уже предстали перед зрителями в голографическом облики. С помощью искусственного интеллекта в целях создания рекламного ролика была воссоздана игра актера Леонида Куравлева⁵. Востребованным данный формат является и для коллективов исполнителей, для действующих артистов. Так, с 2016 года в Японии ежегодно проводятся представления кабуки с участием артистов-голограмм⁶, а в 2021 году группа ABBA объявила о своем голографическом туре, на котором будут выступать цифровые аватары, созданные Industrial Light and Magic и названные «АББАтарами» (“ABBAatars”)⁷.

Востребованность голографического формата концертов обусловлена рядом факторов: стремление исполнителей (их наследников) к мемориализации их наследия, обретению «цифрового» бессмертия, увеличению доходов, желание зрителя испытать эффект погружения, «соприкоснуться» с ушедшим кумиром. При этом создание голографических образов исполнителей получило неоднозначную оценку с позиций этики и культурологии, а также породило череду правовых головоломок. Так, коммерциализация образа умершего исполнителя через голографическую визуализацию стало именоваться «призрачным рабством» (*ghost slavery*)⁸, нарушающим естественный ход вещей. Неоднократно отмечалось, что созерцание образа, чрезмерно схожего с живым человеком, способно вызывать страх и иные негативные эмоции у зрителя, что обусловлено эффектом «зловещей долины» (*uncanny valley*), сформулированным Mashario Mori⁹.

В юридических исследованиях красной нитью следует мысль о необходимости осмысления голограмм артистов с позиций права интеллектуальной собственности, права на публичность (*the right of publicity*)¹⁰. Неумозрительным становится и вопрос об обеспечении защиты права на личную (телесную) неприкосновенность, уважения человеческого достоинства, которое не утрачивается в связи со смертью¹¹: в попытках усовершенствовать технологию передачи образа, созданную Денисом Габором в 1947 году и отмеченную Нобелевской премией¹², разрабатываются способы «материализации» голограммы для того, чтобы зритель мог воспринимать ее не только визуально, но и тактильно⁴. Внимания заслуживает и стремление наделить голограмму способностью к интерактивности посредством дистанционного управления, создание «цифровых» марионеток. На данном этапе развития технологий управление возможно только применительно к фантазийному исполнителю (вокалоиду): если голограмма отражает нечто, что изначально создавалось и существовало в электронной/цифровой форме, то возможно дистанционное руководство действиями/реакциями. В качестве примера можно привести Мику Хацуне – японскую виртуальную исполнительницу, являющуюся не человеком, а вокалоидом, именуемым также и симулякром¹³. Однако за пределами внимания научного сообщества, как правило, остается проблема осуществления смежных прав и определение правового режима голографического совместного исполнения.

Определение влияния использования голограмм артистов на правовое положение членов коллектива исполнителей требует обращения и к выявлению правовой природы самой голограммы, детерминированной ее технологическими свойствами. Так, под термином голограмма понимается «воссоздание изображения объекта в трех измерениях в открытом пространстве, а не на плоском объекте, без использования очков или какого-либо специального оборудования для их просмотра и использования лазеров»². В связи с этим отмечается, что появление Тупака Шакура на концерте в 2012 году не являлось голограммой в техническом

смысле: зрителям была представлена двумерная лазерная проекция на наклонном экране (на основе оптического трюка «призрак Пеппера», при котором от оргстекла отражался актер, находившейся вне поля зрителей⁸), а не трехмерный объект¹⁰.

В зарубежной и отечественной правовой доктрине изложены следующие подходы к определению места голограммы артиста в системе объектов гражданских прав^{2; 4; 8; 11; 14}:

1. голограммы артистов как произведения, полученные способами, аналогичными фотографии;
2. голограммы артистов как аудиовизуальные произведения;
3. голограммы артистов как виртуальные образы исполнителей;
4. голограммы артистов как программы для ЭВМ и аудиовизуальные отображения, порождаемые ею (применительно к вокалоидам);
5. иные произведения;
6. голограммы артистов как производные произведения;
7. голограммы артистов как мультимедийный продукт.

Представленная мультивариативность свидетельствует о необходимости конкретизации режима голографических произведений на законодательном уровне с целью достижения как нормативной, так и доктринальной определенности.

Применительно к голограммам исполнителей видится возможным выделить следующие виды:

- 1) голограмма, при которой лишь проецируется исполнение, записанное при жизни артиста (то есть воспроизведение записи исполнения, поскольку запись в память ЭВМ также считается воспроизведением (подп. 5 п. 2 ст. 1317 ГК РФ), и/или публичное исполнение записи (подп. 8 п. 2 ст. 1317 ГК РФ), и/или воспроизводится фонограмма/публично исполняется фонограмма (ст. 1324 ГК РФ), то есть не создается новый объект¹⁴;
- 2) голограмма нового исполнения, сгенерированного на основе ранее записанных прижизненных исполнений (новый объект);
- 3) голограмма вокалоида.

Создание первого вида голограмм может затронуть права таких лиц как:

– дети, переживший супруг, а при их отсутствии родителей умершего, поскольку в силу ст. 152.1 ГК РФ изображение гражданина охраняется и после его смерти;

– обладатели смежных прав на исполнение, в том числе, наследники, так как исключительные права на исполнение, которое используется для создания голограммы, могут перейти в порядке универсального правопреемства наследникам исполнителя. Следует отметить, что круг наследников и перечень лиц из пункта 1 статьи 152.1 ГК РФ может не совпадать, а в силу пункта 2 статьи 1314 ГК РФ смежные права на совместное исполнение, по общему правилу, осуществляются руководителем коллектива исполнителей, который может принять решение об использовании

исполнения, в том числе, способами, указанными подпунктами 5 и 8 пункта 2 статьи 1317 ГК РФ;

- правообладатели фонограммы.

Для второго вида голограмм характерна необходимость получения согласий как вышеназванных лиц, так и правообладателей фотографических и иных объектов, если они используются при создании голограммы. Для создания третьего вида голограмм необходимо соблюдение прав на персонаж, на программу для ЭВМ и на иные использованные объекты.

С позиций института совместного исполнения требуется разрешение следующих вопросов:

- кому будут принадлежать исключительные права на исполнение¹, в котором живые исполнители выступают «совместно» с голограммой умершего члена коллектива исполнителей? Представляется, что сама по себе голограмма умершего артиста, созданная после его смерти, не может быть признана членом коллектива, поскольку отсутствует волевой критерий: каждый соисполнитель должен выразить волю на создание совместного результата интеллектуальной деятельности. В данном случае исключительные права изначально будут совместно принадлежать исполнителям, действия которых соответствуют обозначенному субъективному критерию. Вопрос о включении голограммы в концертное представление и получении вознаграждения правообладателем голограммы (проецируемого исполнения) может быть решен по правилам статьи 1240 ГК РФ. При этом следует отметить, что некоторые исполнители могут выразить волю на создание совместного исполнения и при жизни создать голографические объекты, которые предполагается встроить в канву исполнения с другими артистами (искусству известны симультанные формы, при которых действие происходит в разных пространствах и в разном времени). Однако постмортальное возникновение личных неимущественных прав ни отечественным, ни зарубежным законодательством не предусмотрено. Поэтому представляется, что в обозначенной ситуации речь вновь будет идти об использовании записи индивидуального исполнения в виде голограммы в сложном объекте;

- какие правовые последствия влечет установление самим артистом запрета на создание голограмм после его смерти? Например, Робин Уильямс заявил, что запрещает любое использование своего изображения в течение 25 лет после его смерти². Обоснованным мыслится предоставление монополии физическому лицу в отношении собственного образа. По аналогии с положениями о праве на обнародование произведения, видится необходимым дополнить статью 152.1 ГК РФ пунктом 4 и установить, что создание голографических и иных объектов на основе или с использованием изображения гражданина после его смерти допускается при наличии согласия лиц, указанных в пункте 1 статьи 152.1 ГК РФ, если создание такого объекта не противоречит воле гражданина, определенно выраженной им в письменной форме (в завещании, письмах, дневниках и тому подобном);

– может ли переживший член коллектива исполнителей запретить использование совместного исполнения в целях создания голограмм по правилам абзаца 1 пункта 2 статьи 1314 ГК РФ? Затрагивает ли личные неимущественные права переживших членов коллектива «оживление» их ранее записанных совместных исполнений (в частности, право на неприкосновенность исполнения)? Для разрешения обозначенного вопроса следует закрепить, что в пункте 3 статьи 1316 ГК РФ положения, согласно которым после смерти исполнителя создание голографических и иных объектов на основе или с использованием записи исполнения допускается по правилам, указанным в пункте 4 статьи 152.1 ГК РФ, при соблюдении прав обладателей исключительных прав на такую запись. В случае использования записи совместного исполнения для создания голографических образов исполнителя требуется также получение согласия переживших членов коллектива исполнителей.

Литература

1. Drecolias M. S. Tupac and Beyond: 3e Implications of the Tupac Hologram on Copyright and the Right of Publicity and What it May Mean for the Future of Music // Law School Student Scholarship. 2014. URL: https://scholarship.shu.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1427&context=student_scholarship (дата обращения: 17.08.2024).
2. Alnimer R. M. F. Hologram Technology and Copyright Between Evoking the Past and the Present Crisis in lights of Copyrights Legislations and International Agreements // Journal of Humanities and Social Sciences. 2021. № 4(2). Pp. 196–201.
3. Гаврилова А.В., Литвинова М.В., Ряднова Е.О. Влияние технических инноваций на развитие сценического искусства // Вестник Технологического университета. 2020. № 1. С. 103–106.
4. Гринь Е.С. Виртуальный образ как объект правовой охраны // Актуальные проблемы российского права. 2020. Т. 15. № 6 (115). С. 143–148.
5. Калятин В.О. Дипфейк как правовая проблема: новые угрозы или новые возможности? // Закон. 2022. № 7. С. 87–103.
6. Арендт М.Л., Новак Н. Виртуальный артист. Vocaloid и эксперимент по его восприятию // Наука телевидения. 2021. № 17.1. С. 173–213.
7. Matthews J., Nairn A. Holographic ABBA: Examining Fan Responses to ABBA's Virtual "Live" Concert // Popular Music and Society. 2023. Vol. 46. № 3. Pp. 282–303.
8. Skopicki H. Pixelated poltergeists: synchronization rights and the audiovisual nature of "dead celebrity" holograms // American university law review. 2020. Vol. 70. P. 5.
9. Greer C.J. International personality rights and holographic portrayals // Indiana International & Comparative Law Review. 2017. Vol. 27. № 2. URL: <https://journals.indianapolis.iu.edu/index.php/iiclr/article/view/21729> (дата обращения: 19.08.2024).
10. Anson S. Hologram Images and the Entertainment Industry: New Legal Territory? // Washington Journal of Law, Technology & Arts. 2014. Vol. 10. № 2. URL: <https://digitalcommons.law.uw.edu/wjlta/vol10/iss2/3> (дата обращения: 19.08.2024).
11. Jogleux P., Synodinou T., Holograms and intellectual property law: a multidimensional issue // European Intellectual Property Review. 2016. Vol. 38. № 8. URL: https://www.researchgate.net/publication/23167162_Holograms_and_intellectual_property_law_A_multidimensional_issue (дата обращения: 19.08.2024).
12. Парфенов С.Е. Современные цифровые технологии в эстраде // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. 2022. Т. 225. С. 167–177.
13. Michaud A. Locating liveness in holographic performances: technological anxiety and participatory fandom at Vocaloid concerts // Cambridge University Press. 2022. Vol. 41. № 1. Pp. 1–19.
14. Бузова Н. В. Исполнительские права в цифровой среде // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2020. № 3. С. 99–103.

Л. Ю. Мкртчян

Студент ТГУ

Научный руководитель: А. Г. Богомолова

ЭФФЕКТИВНОСТЬ ТРЕТЕЙСКОГО РАЗБИРАТЕЛЬСТВА: АНАЛИЗ ПРИЧИН ЗАТЯГИВАНИЯ ПРОЦЕССОВ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ ИХ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ

Арбитражный процесс в России призван предоставлять альтернативу судебной системе, обеспечивая быстрые и эффективные решения споров. Однако на практике многие арбитражные разбирательства сталкиваются с проблемами затягивания, что снижает доверие к арбитражу. В данной статье анализируются основные причины затягивания процессов и предлагаются способы их предотвращения, основанные на актуальных примерах из практики и действующих нормативно-правовых актов.

Ключевые слова: арбитры, затягивание процессов, альтернативное разрешение споров, обучение арбитров, система арбитража.

L. Yu. Mkrtchyan

Student, Tula State University

Supervisor: A. G. Bogomolova

THE EFFECTIVENESS OF ARBITRATION PROCEEDINGS: AN ANALYSIS OF THE REASONS FOR DELAYING THE PROCESSES AND POSSIBLE WAYS TO PREVENT THEM

The arbitration process in Russia is designed to provide an alternative to the judicial system, providing quick and effective dispute resolution. However, in practice, many arbitration proceedings face problems of delay, which reduces the credibility of arbitration. This article analyzes the main reasons for delaying the processes and suggests ways to prevent them based on current examples from practice and current regulatory legal acts.

Keywords: arbitrators, procrastination of processes, alternative dispute resolution, training of arbitrators, arbitration system.

Арбитраж в России регулируется Федеральным законом от 29.12.2015 № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации»¹, который направлен на обеспечение правовой определенности и прозрачности в арбитражных разбирательствах. Тем не менее, арбитражные процедуры порой становятся затянутыми и неэффективными. Эти вопросы актуальны как для участников, так и для всей системы разрешения споров.

Одной из основных причин затягивания арбитражных процессов в России являются проблемы с процессуальной эффективностью. Примером может послужить

дело «Новороссийский морской торговый порт против ФАС России»². Усложненная структура спора понадобилась для судебного разбирательства за пределами России, что привело к затягиванию процессов, связанному с поиском и подготовкой дополнительных документов.

К тому же недостаточная квалификация арбитров может значительно влиять на продолжительность разбирательства. В деле ЗАО «Сибирский антрацит» против ОАО «РЖД»³ длительный срок принятия решения можно было объяснить неопытностью арбитра в вопросах международной торговли. Это еще раз подчеркивает, насколько важно привлечение квалифицированных специалистов для обеспечения эффективного разбирательства.

Также важно внедрить обязательный отбор арбитров на основании их профессиональной подготовки и опыта. Это поможет убедиться, что арбитры обладают необходимыми знаниями, чтобы эффективно разрешать споры в своей области, что в свою очередь сократит время, необходимое для разработки решений. Арбитры, прошедшие специальную аккредитацию, будут более уверенно принимать справедливые и обоснованные решения, что минимизирует число апелляций и возвратов дел.

Кроме того, отсутствие четкой постановки процесса со стороны арбитров, особенно на начальных этапах, может привести к затягиванию. На примере дела «Роснефть против Транснефти»⁴ наблюдалось, что пропущенные сроки и нечеткая регламентация процессов увеличили время на ожидание материалов и свидетельских показаний.

Предотвращение затягивания в арбитражном процессе требует целого комплекса мер. Прежде всего, необходимо установить четкие сроки на все этапы разбирательства. Согласно статье 45 ФЗ «Об арбитраже», арбитры могут установить временные рамки, что позволит всем участникам процесса ожидать понимания и структурированности. Этот подход был успешно осуществлен в практике Международного коммерческого арбитражного суда при Торгово-промышленной палате России, где сроки особого арбитражного процесса порядка соблюдаются как верховной нормой.

Следующей стратегией является разработка специализированных регламентов для определенных категорий споров. К примеру, можно создать отдельные процедуры для коммерческих споров, дел, связанных с интеллектуальной собственностью или строительными контрактами. Эти регламенты могут учитывать специфику разных типов дел и устанавливать четкие процессуальные сроки, что в свою очередь сократит время на изучение законов и процедур, необходимых для их разрешения. Так, например, при арбитраже споров в области ИТ, где требуется точное понимание специфики договора, наличие четкой регламентации может способствовать более быстрому разрешению конфликтов.

Эффективным путем является применение предварительных слушаний. На начальных стадиях разбирательства можно проводить предварительные заседания, на которых стороны представляют основные аргументы и доказательства, а арбитры определяют ключевые аспекты спора. Это позволит выявить слабые места в позициях сторон и очертить рамки последующего разбирательства, а также позволит оперативно устранить несущественные вопросы до перехода к основному рассмотрению дела.

Также следует активнее применять механизмы, предотвращающие злоупотребление процессуальными правами. Введение финансовых санкций и ограничений на число ходатайств способствует более разумному использованию процессуальных возможностей.

Обучение арбитров и проведение специализированных программ переподготовки также являются важными шагами для повышения качества арбитражного разбирательства. Например, на базе Российской академии правосудия реализуются курсы по повышению квалификации арбитров, что способствует улучшению управления процессом и сокращению времени разбирательств⁵.

Эффективность арбитражного разбирательства в Российской Федерации сталкивается с различными вызовами, включая сложности в процессуальном управлении, манипуляции участниками, недостаточную квалификацию арбитров и нехватку четких регламентов. Необходимы комплексные меры для решения этих проблем, включая установление жестких процессуальных сроков, применение санкций за злоупотребления и повышение квалификации арбитров. Внедрение технологий также сыграет важную роль в оптимизации процессов. Эти действия помогут сделать арбитражный процесс более быстрым и эффективным, что укрепит доверие к арбитражной системе в России и сделает ее более привлекательной для сторон, желающих разрешить свои споры.

Литература

1. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.2015 № 382-ФЗ (последняя редакция) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102386393>
2. Решение Арбитражного суда г. Москвы от 28.07.2017 по делу № А40-75556/2017-84-682 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление 9ААС от 31.08.2017 по делу № А40-54337/2017 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/zDyL6V4hCYNB/?ysclid=m8k6yekt75171714038>
4. Постановление 9 ААС от 29.05.2024 по делу № А40-196353/2023 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: https://sudact.ru/arbitral/doc/0iH8eEggN1UB/?arbitral-txt=&arbitral-case_doc=A40-196353%2F2023&arbitral-lawchunkinfo=&arbitral-date_from=&arbitral-date_to=&arbitral-region=&arbitral-court=AC+города+Москвы&arbitral-judge=
5. Баходир Мирзараимов. Механизмы повышения эффективности арбитражного разбирательства // Scientific Progress. 2021. №6. С. 41.

И. А. Мошкин

Студент ПГНИУ

Научный руководитель: Е. Ю. Мартянова

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВЛАДЕЛЬЦА АГРЕГАТОРА ИНФОРМАЦИИ О ТОВАРАХ (МАРКЕТПЛЕЙСА) КАК ОБЪЕКТ ПРОКУРОРСКОГО НАДЗОРА

Тенденция увеличения числа маркетплейсов и развития рынка онлайн торговли вынуждает государство обратить более пристальное внимание на деятельность владельца агрегатора информации о товарах. Автор исследует нормативные основы организации прокурорского надзора в обозначенной сфере. Сделано предложение по совершенствованию законодательства.

Ключевые слова: прокурорский надзор, маркетплейс, владелец агрегатора информации, потребители, полномочия.

I. A. Moshkin

Student, Perm State University

Supervisor: E. Yu. Martyanova

THE ACTIVITY OF THE OWNER OF THE AGGREGATOR OF INFORMATION ABOUT GOODS (MARKETPLACE) AS AN OBJECT OF PROSECUTORIAL SUPERVISION

The trend of increasing the number of marketplaces and the development of the online trading market forces the government to pay closer attention to the activities of the owner of the aggregator of information about goods. The author examines the regulatory framework for the organization of prosecutorial supervision in the designated area. A proposal has been made to improve the legislation.

Keywords: prosecutorial supervision, marketplace, information aggregator owner, consumers, authorities.

Современное состояние общества именуют эпохой цифрового развития. В условиях цифровизации становится неизбежным и процесс перехода к онлайн-торговле¹, основой которой стали маркетплейсы, поименованные законодателем как агрегаторы информации о товарах (услугах). Легальное определение понятия «владелец агрегатора» закреплено в Законе РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей).

О высокой востребованности электронных площадок торговли свидетельствуют статистические показатели: согласно проведенным исследованиям, в 2023 году рынок онлайн-торговли составил 7,7 трлн рублей, что на 49 % больше показателей 2022 года, в то время как за 2024 год рынок электронной коммерции вы-

рос до 10,6 трлн рублей². Безусловно, электронная торговля имеет множество преимуществ в сравнении с офлайн-продажами, и в какой-то степени даже замещает ее, однако, при выборе такого способа приобретения товаров возникает вопрос эффективности и полноты защиты прав потребителей.

Гражданский Кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) и Закон о защите прав потребителей предусматривают широкий комплекс способов защиты прав потребителей, но правоприменительная практика свидетельствует о том, что этих мер не всегда достаточно, и граждане вынуждены обращаться за помощью в уполномоченные государственные органы. Согласно сведениям Государственного доклада «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2023 году», в России замечен прирост обращений граждан в сфере розничной торговли на 18,2 % в сравнении с тем же отчетным периодом 2022 года. В общей сумме в управления Федеральной службой по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (далее – Роспотребнадзор) по субъектам Российской Федерации за 2023 год поступило 209 488 заявлений о защите прав потребителей в области розничной торговли, среди которых 69 255 обращений касались именно дистанционной купли-продажи товаров через маркетплейсы, что на 43% больше, чем за 2022 год³. Представленные данные свидетельствуют о необходимости организации надзора за деятельностью маркетплейсов с целью защиты прав потребителей.

Наряду с деятельностью Роспотребнадзора важно отметить роль органов прокуратуры Российской Федерации по защите прав потребителей в сфере дистанционной торговли через агрегаторы информации о товарах. А. С. Котовой считает, что затруднительность граждан самостоятельно защитить свои права придает деятельности прокуратуры высокую значимость в сфере защиты прав потребителей⁴.

В рамках реализации возложенных на сотрудников прокуратуры функций, они вправе осуществлять прокурорский надзор за деятельностью владельцев агрегаторов информации о товарах. Из анализа положений Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» от 17.01.1992 № 2202-1 (далее – ФЗ «О прокуратуре РФ»)⁵ следует, что защита прав потребителей не является отдельным направлением деятельности прокуратуры и, как верно обращает внимание А. С. Котовой, она осуществляется в рамках таких направлений как надзор за исполнением законов, надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина, участие прокурора в рассмотрении дел судами⁴.

В рамках надзора за деятельностью владельцев агрегаторов информации о товарах органы прокуратуры обязаны руководствоваться указанным выше законом, а также Приказом Генпрокуратуры России от 07.12.2007 № 195 «Об организации прокурорского надзора за исполнением законов, соблюдением прав и свобод человека и гражданина» (далее – Приказ № 195).

Согласно пункту 2 статьи 26 ФЗ «О прокуратуре РФ», основной принцип деятельности прокуратуры в РФ – принцип не подмены иных государственных органов по защите прав и свобод человека и гражданина, а также принцип невмешательства в оперативно-хозяйственную деятельность поднадзорных организаций. Пункт 2 статьи 21 ФЗ «О прокуратуре РФ» установлено, что осуществление надзора за исполнением законов органами управления коммерческих организаций может проводиться только по факту поступления сведений о нарушении закона, что, на наш взгляд, полностью коррелирует с вышеназванным принципом.

В соответствии со статьями 22, 27 ФЗ «О прокуратуре РФ», прокуроры при проведении проверок имеют право требовать выделения специалистов, вызывать должностных лиц и граждан для дачи объяснений, проводить ревизии подконтрольных организаций, рассматривать жалобы и иные сообщения о нарушении прав граждан.

Приказом № 195 предписано, что прокуроры обязаны максимально использовать имеющиеся права и полномочия в целях защиты интересов государства и общества, не допускать необоснованного вмешательства в экономическую деятельность организаций, а также запрещается чинение препятствий правомерной предпринимательской деятельности. Кроме того, предписано контролировать фактическое устранение нарушений законов, принципиально реагировать на неисполнение требований прокурора.

В рамках тех направлений деятельности, в которых осуществляется прокурорский надзор за деятельностью маркетплейсов, прокуроры наделены полным комплексом мер реагирования: они вправе принести протест на противоречащий закону правовой акт; внести представление об устранении нарушений закона; вынести постановление о возбуждении производства об административном правонарушении, а также направить предостережение о недопустимости нарушения закона. В тех случаях, когда гражданин-потребитель не может самостоятельно обратиться в суд за защитой своих прав в силу возраста, состояния здоровья и иным причинам, то прокуроры вправе предъявить в его интересах иск в суд. Все вышеназванные принципы, полномочия и меры реагирования могут быть применены при надзоре за деятельностью маркетплейсов.

Кроме того, правоприменительная практика свидетельствует, что деятельность владельцев агрегаторов информации уже стала объектом надзора. В 2023 году Генеральная прокуратура РФ провела проверку ООО «Вайлдберриз» по факту нарушения прав потребителей, по результатам которой маркетплейс изменил порядка 20 пунктов положения о взаимодействии с продавцами и покупателями⁶.

Вышеуказанное свидетельствует, что надзор за деятельностью онлайн-платформ становится актуальным направлением деятельности прокуратуры, что является поводом для научных дискуссий и принятия законодательных новелл. Так,

С. М. Сергеев, И. П. Напханенко, О. Р. Родионова предлагают внести соответствующие изменения, касающиеся деятельности владельцев агрегаторов информации, в Приказ № 195⁷.

Представляется, что деятельность маркетплейсов требует особого внимания, в связи с чем необходимо издание отдельного Приказа Генпрокуратуры России «Об обеспечении эффективности прокурорского надзора за деятельностью владельца агрегатора информации о товарах (услугах) – маркетплейсов». Предметом такого надзора будет выступать соблюдение прав и свобод потребителей, продавцов, а также третьих лиц владельцами агрегаторов информации о товарах (услугах).

Литература

1. Акинфиева В. В. Цифровые финансовые активы как новый вид цифровых прав // *Ex jure*. 2021. № 1. С. 46–55.
2. Статистика маркетплейсов в России. URL: <https://inclient.ru/marketplaces-stats/> (дата обращения: 26.03.2025).
3. Государственный доклад «Защита прав потребителей в Российской Федерации в 2023 году». URL: https://rospotrebnadzor.ru/upload/iblock/e15/28naqfplin7x5vgh5f5jkw6tlib4eqcg/Gosudarstvennyy-doklad-_Zashchita-prav-potrebiteley-v-Rossiyskoy-Federatsii-v-2023-godu_.pdf (дата обращения: 24.03.2025).
4. Котовой А. С. Защита прав потребителей государственными органами в эпоху цифровизации гражданского оборота // *Вопросы российской юстиции*. 2024. Вып. 30. С. 107–113.
5. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 [Электронный ресурс]: Доступ из справ.-прав. системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 25.03.2025).
6. Генпрокуратурой России завершена проверка компании Wildberries. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news/archive?item=91488185> (дата обращения: 27.03.2024).
7. Сергеев С. М., Напханенко И. П., Родионова О. Р. К вопросу об организации прокурорского надзора за деятельностью маркетплейсов // *Вестник Восточно-Сибирского института МВД России*. 2024. Вып. 1(108). С. 260–267.

К. Р. Мухамадеева
Студент Казанского филиала РГУП имени В. М. Лебедева
Научный руководитель: С. А. Барышев

ЮРИДИЧЕСКИЕ РИСКИ И ЗАЩИТА ПРАВ ПОТРЕБИТЕЛЕЙ ПРИ ПОКУПКЕ ТУРОВ ЧЕРЕЗ ОНЛАЙН-СЕРВИСЫ

В статье проводится анализ договорных обязательств, возникающих в сфере туристической деятельности, особенности возврата туров, приобретенных через онлайн-сервисы. Также раскрываются случаи мошенничества в сфере туризма, способы их предотвращения.

Ключевые слова: предпринимательское право, предпринимательская деятельность, потребители, туризм.

K. R. Mukhamadeeva
Student, Kazan branch of Lebedev Russian State University of Justice
Supervisor: S. A. Baryshev

LEGAL RISKS AND CONSUMER PROTECTION OF BUYING TOURS BY ONLINE SERVICES

The article analyses the contractual obligations arising in the sphere of tourist activity, peculiarities of return of tours purchased through online services. Also cases of fraud in the sphere of tourism, ways of their prevention are disclosed.

Keywords: business law, business activity, consumers, tourism.

Туристическая деятельность вне зависимости от времени года, экономического положения, геополитической ситуации пользуется спросом у населения. Для того чтобы упростить задачу в покупке туров, были созданы онлайн-платформы, позволяющие организовать путешествие, начиная от выбора страны назначения, заканчивая желаемым видом из номера. Однако такой простой способ не всегда защищает от рисков, которые могут возникнуть при покупке туров¹.

Для начала стоит определить статус такой платформы в договоре о реализации туристского продукта. Приобрести тур дистанционным способом можно с помощью:

- Интернет-сайта самого туроператора, где он представляет только свои турпродукты;
- Интернет-сайта турагента, где представлены различные туроператоры;
- Онлайн-сервиса, где представлены как разные туроператоры, так и разные турагенты.

Стоит разобрать каждый способ отдельно.

В соответствии со статьей 1 Федерального закона от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» туроператорская деятельность – деятельность по формированию, продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом (туроператор)². То есть туроператоры сами составляют туры, создают готовые пакеты для дальнейшей продажи туристам. Покупка тура с помощью интернет-сайта самого туроператора предполагает выбор тура только у данного туроператора, его специальные предложения, условия оплаты и дополнительные детали, которые освещены на данном сайте. В основном именно туроператор несет основную ответственность в случае, если у туриста возникнут проблемы и обоснованные претензии.

Турагентская деятельность – деятельность по продвижению и реализации туристского продукта, осуществляемая юридическим лицом или индивидуальным предпринимателем, сведения о которых внесены в единый федеральный реестр турагентов, субагентов в порядке, предусмотренном настоящим Федеральным законом (турагент). Турагент является посредником между туроператором и покупателем. По своей сути турагент предлагает варианты, составленные туроператором, будущим покупателем, рассказывает плюсы и минусы, сравнивает стоимость, оформляет документы и получает оплату от клиентов. Таким образом, покупка через сайт турагента это представление различных вариантов туров, предложенных туроператорами.

Следующий способ – онлайн-сервис по бронированию туров. Плюсы такого способа можно выразить следующим образом:

1. Объективность. Вы видите все предложения туроператоров, а не те, которые вам предлагают в офисах турагентов.

2. Удобство в оформлении. Подтверждение об оплате и бронировании приходят мгновенно на электронную почту, а список предложений находится на экране смартфона или ноутбука, причем они доступны круглосуточно, в то время как офисы турагентов имеют график работы.

3. Надежность. Такие сервисы пользуются популярностью, с помощью них ежедневно покупаются сотни, а то и тысячи туров. Если покупать через надежные источники, то вы точно не услышите о банкротстве турагента или туроператора. Также такие сервисы будут либо заблокированы, либо отмечены знаком «небезопасно», если у браузера будут сомнения насчет данного сайта³.

Таким образом, у каждого способа есть свои плюсы и минусы, однако выбор всегда будет стоять за покупателем.

Зачастую, путешественники бронируют свой отдых заранее, поэтому приобретают путевки задолго до заезда в место проживания. Раннее бронирование также имеет свои риски: невозможность изменить какие-либо условия поездки (количество человек, отель, даты), а также штрафы, порой достигающие 90% от стоимости тура.

По имеющимся данным по состоянию на 03.02.2025 путем раннего бронирования на лето 2025 были куплены туры со средней глубиной бронирования (дней до заезда) в количестве 156 дней, в том числе: Россия – 184, Турция – 167, Таиланд – 130, Шри-Ланка – 97, ОАЭ – 137, Египет – 111⁴.

Однако онлайн-сервисы могут вызывать опасения у путешественников при оплате тура, поскольку есть случаи мошеннических действий⁵. Основная схема мошенничества состоит в том, что злоумышленники размещают информацию о продаже горящих путевок с использованием поддельных сайтов. Такие сайты будут отличаться от оригинальных путем добавления букв или заменой букв цифрами, чтобы название было максимально приближено к оригиналу.

Нередки случаи, когда известные люди, в том числе блогеры, начинают продажу туристических путевок, используя свои социальные сети. Зачастую, такие продажи осуществляются без лицензии туроператорской деятельности. Стоит разобрать один из ярких примеров такой деятельности. Казанские блогеры Илюса и Рушана Миннегалиевы начали продавать туры в Дубай, привлекая клиентов очень низкой стоимостью. Однако практически сразу же появились жалобы, связанные с несостоявшимся туром, отсутствием возмещения затрат и возврата денег. При этом договор на оказание туристских услуг отсутствовал, а денежные средства за путешествие переводились напрямую блогерам на банковскую карту. Но и этот факт не останавливал будущих путешественников при выборе туроператора. Дальнейшие переговоры по деталям путешествия проводились в мессенджерах, а на требования по возврату денег не реагировали, либо переносили сроки по возмещению затрат. Таким образом, на данный момент Илюса Миннегалиева находится в федеральном розыске, а количество пострадавших с каждым днем растет.

Для того чтобы избежать непредвиденных рисков в виде потери денежных средств и запланированного отдыха, нужно проверить регистрацию компании в Реестре объектов туристической индустрии (на сайте Министерства экономического развития Российской Федерации) и есть ли у нее лицензия. Также играет важную роль стоимость тура. Слишком низкие цены и заманчивые предложения должны стать первым пунктом для того чтобы усомниться в действительности такого сайта. Следующий шаг – проверка условий бронирования и отмены, способ оплаты тура. Стоит доверять проверенным платежным системам, которые предлагают защиту переводов, обращать внимание на контактную информацию, размещенную на данном сайте, ее доступность и достоверность. Обычно поддельные сайты не защищены браузерами, о чем свидетельствует значок, находящейся в верхней части сайта.

Анализируя вышесказанное, стоит сделать вывод о том, чтобы сделать онлайн-сервис более безопасным для пользования граждан, нужно особенно регулировать момент регистрации таких сайтов, принимать меры по их блокировке, а также вводить санкции для лиц, осуществляющих такие действия для дальнейшего предотвращения появления мошеннических онлайн-сервисов по продаже туристических путевок.

Литература

1. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В. Г. Голубцов. 2 изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 482 с.
2. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (с изменениями на 30.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 49, ст. 5491.
3. Плюсы и минусы онлайн покупки тура // Интернет-ресурс: <https://w-sail.com/plyusyi-i-minusyi-onlayn-rokupki-tura/> (дата обращения: 04.04.2025).
4. Ассоциация Туроператоров // Интернет-ресурс: [https://www.atorus.ru/article/rossiyane-uskorilis-s-rokupkoj-turov-spros-na-premialnye-oteli-rastet-60651#:~:text=\(дата%20обращения%3A%2004.04.2025\).](https://www.atorus.ru/article/rossiyane-uskorilis-s-rokupkoj-turov-spros-na-premialnye-oteli-rastet-60651#:~:text=(дата%20обращения%3A%2004.04.2025).)
5. Предпринимательское право : учебник для среднего профессионального образования / под ред. С. Ю. Морозова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2025. 592 с.

РЕЕСТР ЭКСПЕДИТОРОВ: ПРАКСИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭФФЕКТИВНОСТИ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

В статье анализируется законопроект, предусматривающий создание реестра транспортных экспедиторов. С помощью метода прaksiологии исследуются стимулы, создаваемые для субъектов правоотношений данным нормативным актом, а также выявляются его возможные риски и противоречия. Анализируется влияние предлагаемого регулирования на экономическую и социальную устойчивость, делается вывод о неэффективности данного подхода в борьбе с незаконным оборотом запрещенных предметов.

Ключевые слова: транспортная экспедиция; реестр экспедиторов; прaksiология.

M. Yu. Nazarov

Candidate of Law, Senior Lecturer, Perm State University

THE REGISTER OF FORWARDERS: A PRAXEOLOGICAL ANALYSIS OF REGULATORY EFFECTIVENESS

This article analyzes a draft bill, which envisages the creation of a register of freight forwarders. Employing the method of praxeology, the study examines the incentives created for legal actors by this normative act, as well as identifies potential risks and contradictions. The influence of the proposed regulation on economic and social stability is analyzed, leading to the conclusion that this approach is ineffective in combating the illegal circulation of restricted items.

Keywords: freight forwarding; register of forwarders; praxeology.

Необходимость государственного регулирования предпринимательской деятельности общепризнана¹, хотя и не бесспорна. Как правило, необходимость вмешательства государства в экономику обосновывается через обеспечение «экономической и социальной устойчивости»². Рассмотрим один из способов государственного вмешательства в экономику. Законопроект³ о внесении изменений в Федеральный закон «О транспортно-экспедиционной деятельности»⁴ предлагает, помимо прочего, создать реестр экспедиторов. Лицо, которое желает заниматься соответствующим видом деятельности обязано подать заявление о включении в данный реестр, осуществление транспортно-экспедиционной деятельности лицами, не состоящими в таком реестре, не допускается.

Представляется разумным оценить возможный регуляторный эффект от внесения данных изменений и последствия для экономики – поможет ли это достичь «экономической и социальной устойчивости»? Для достижения указанного результата воспользуемся методом прaksiологии^{5, 6}. Для его реализации потребуется

ввести несколько априорных аксиом, среди которых: понимание того, что субъект действует рационально в рамках правовой системы; любая правовая норма создает стимулы для определенных действий; правовые нормы могут порождать непредусмотренные законодателем последствия; прямая зависимость величины трансакционных издержек от сложности правового регулирования.

Приступая к дедуктивному анализу нормы права для начала необходимо установить цель анализируемого правового регулирования, преследуемую законодателем. Благодаря пояснительной записке к законопроекту становится ясно, что цель состоит в предотвращении перемещения по территории страны оружия, наркотических веществ и иных ограниченных или запрещенных к свободному обороту объектов, а также предупреждение связанных с ними преступлений. Исходя из содержания законопроекта ясно, что достижение заявленной цели законодатель видит через установление запрета на экспедирование данных видов грузов (часть предлагаемых к принятию правовых норм), однако остановим свой анализ именно на создании специального реестра транспортных экспедиторов.

Необходимо проанализировать какие стимулы для субъектов правоотношений создаются рассматриваемой нормой права. Интересующие нас субъекты – это, во-первых, лицо, желающее осуществлять транспортно-экспедиционную деятельность в полном соответствии с требованиями действующего законодательства, во-вторых, лицо, деятельность которого планируется ограничить, то есть, желающее осуществлять транспортную экспедицию оружия, наркотических средств и других запрещенных или ограниченных в обороте объектов.

Начнем с первого субъекта. Законопослушный предприниматель будет вынужден включиться в созданный реестр, это повлечет дополнительные издержки как минимум в виде необходимости оплаты государственной пошлины за оказание соответствующей государственной услуги. Часть транспортных экспедиторов не изъявят желания подавать требуемые заявления и прекратят занятие соответствующим видом деятельности. Для рынка это будет означать сокращение предложения услуг, что безусловно приведет к повышению уровня цен на транспортно-экспедиционные услуги. Расходы на логистику включаются в большую часть товаров и услуг, что в конечном счете увеличит общие расходы и иных участников гражданского оборота, непосредственно с экспедиторами не взаимодействующими.

Второй субъект, на борьбу с противоправной деятельностью которого направлен рассматриваемый законопроект. Лицо, уже совершающее преступления, связанные с оборотом запрещенных объектов, будет ли оно подавать заявление о включении в реестр транспортных экспедиторов? Вопрос риторический. Предпринимателю должен быть предложен существенный стимул, который побудит его прекратить противоправную деятельность и полностью вернуться в пределы правового поля. Стимул в данном случае должен быть связан с ясным представлением лица, что санкция за продолжение такой противоправной деятельности превысит извлекаемую выгоду.

Подняв вопрос о санкции, нельзя не упомянуть и о некоторых побочных эффектах предлагаемого правового регулирования. Возможен еще один тип субъектов – в настоящее время законопослушных, но после принятия рассматриваемых норм, решивших выйти из правового поля. Человек, при прочих равных, действию, как правило, предпочитает бездействие⁵. У транспортных экспедиторов есть выбор включаться в реестр или нет. Запретительная норма о невозможности осуществления транспортно-экспедиционной деятельности лицами, не состоящими в реестре, в идеале должна указать на единственно верный вариант поведения для предпринимателя, но для этого неисполнение нормы должно караться соответствующей санкцией.

Как становится ясно после изучения «Перечня нормативных правовых актов...», прилагаемого к законопроекту, соответствующие изменения в КоАП РФ или УК РФ не предполагаются. Делаем вывод, что запретительная норма в силу дефекта юридической техники становится рекомендательной, следовательно, участники гражданского оборота будут соблюдать данную норму, например, по мотивам, связанным с представлениями о морали и нравственности (высокая правовая культура, не допускающая нарушение любых правовых норм, в том числе рекомендательных). Однако для предпринимателя, преследующего извлечение прибыли и способного осуществлять экономический расчет становится ясно, что включение в данный реестр повлечет дополнительные издержки, тогда как нарушение нормы не приведет к неблагоприятным последствиям.

Выявим внутренние противоречия нормы. Во-первых, предлагаемый законопроект не содержит описание реестра экспедиторов, пояснительная записка не содержит примерного видения данного явления, указано лишь, то что положение о данном реестре должно разработать Правительство России, тем самым мы видим внутреннюю противоречивость предлагаемой нормы, выражающуюся в ее неопределенности и в данном виде невозможности ее практического соблюдения. Во-вторых, вопреки заверениям финансово-экономического обоснования к законопроекту о том, что дополнительные затраты бюджета не потребуются, создаваемый реестр экспедиторов с очевидностью потребует как технической, так и организационной базы, требуются государственные служащие, которые будут вести работу с данным реестром – все это с неизбежностью повлечет дополнительные бюджетные расходы.

В заключении вспомним, какой цели стремится достичь законодатель, разрабатывая данный законопроект – борьба с незаконным оборотом запрещенных или ограниченных в обороте объектов. Как становится ясно по итогам проведенного анализа, создание реестра транспортных экспедиторов не будет способствовать пресечению указанной противоправной деятельности, но повлечет рост издержек законопослушных участников гражданского оборота, риск ухода части транспортных экспедиторов в теневой сектор экономики и увеличение расходов государственного бюджета России.

Литература

1. Предпринимательское право: учебник / ред. В. Г. Голубцов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. 482 с.
2. Предпринимательское право: учебник / ред. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2021. 444 с.
3. Законопроект № 682527-8 «О внесении изменений в Федеральный закон “О транспортно-экспедиционной деятельности”» [Электронный ресурс]: Система обеспечения законодательной деятельности Государственной автоматизированной системы «Законотворчество». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/download/ea3eea1c-d59c-45c9-b539-0e8e2dcd3f60> (дата обращения: 12.02.2025).
4. О транспортно-экспедиционной деятельности: Федер. закон от 30.06.2003 № 87-ФЗ (ред. от 18.03.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2003. № 27 (ч. 1), ст. 2701.
5. Мизес Л. фон. Человеческая деятельность: Трактат по экономической теории / пер. с англ. А. В. Куряева. Челябинск: Социум, 2005. 877 с.
6. Сото Х. У. де. Австрийская экономическая школа: рынок и предпринимательское творчество / ред. А. В. Куряев; пер. Б. С. Пинскер. Челябинск: Социум, 2009. 202 с.

Е. А. Нефедова

Студент Военного университета им. князя Александра Невского

Научный руководитель: А. С. Вражнов

ПРОБЛЕМЫ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПОДВЕДОМСТВЕННОСТИ ПРИ РАССМОТРЕНИИ СЕМЕЙНО-КОРПОРАТИВНЫХ КОНФЛИКТОВ

В статье рассматривается актуальная проблема разграничения подведомственности споров, сочетающих элементы семейных и корпоративных правоотношений. Особое внимание уделено правовым коллизиям, возникающим при разделе долей в уставном капитале как совместно нажитого имущества супругов, когда суды общей юрисдикции, применяя нормы семейного законодательства, фактически разрешают корпоративные споры.

Ключевые слова: семейно-корпоративные споры, подведомственность, раздел совместно нажитого имущества, доли в уставном капитале, корпоративные права, суды общей юрисдикции.

E. A. Nefedova

Student, Prince Alexander Nevsky Military University

Supervisor: A. S. Vrazhnov

PROBLEMS OF DELIMITATION OF JURISDICTION WHEN CONSIDERING FAMILY-CORPORATE CONFLICTS

The article deals with the actual problem of delineating the jurisdiction of disputes combining elements of family and corporate legal relations. Special attention is paid to legal conflicts that arise during the division of shares in the authorized capital as jointly acquired property of spouses, when courts of general jurisdiction, applying the norms of family law, actually resolve corporate disputes.

Keywords: family and corporate disputes, jurisdiction, division of jointly acquired property, shares in the authorized capital, corporate rights, courts of general jurisdiction.

Современная судебная практика сталкивается со сложной задачей разграничения компетенции при рассмотрении споров, сочетающих элементы семейных и корпоративных правоотношений. Ключевым критерием определения подведомственности таких дел служит характер спорных правоотношений, что следует из положений пункта 2 части 1 статьи 225.1 и части 6 статьи 27 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации (далее – АПК РФ)¹, а также разъяснений Пленума ВС РФ (Постановление от 29.05.2012 № 9)² и Обзора судебной практики ВС РФ № 1 за 2015 год³.

Споры о разделе акций и долей как совместно нажитого имущества супругов или наследственной массы традиционно относятся к компетенции судов общей

юрисдикции. Яркой иллюстрацией этого подхода служит решение Михайловского районного суда № 2-802/2021⁴, где был произведен раздел супружеского имущества, в результате которого, в личную собственность Парамоновой И. С. была выделена доля в уставном капитале в размере 50%.

Однако вопросы, связанные с реализацией корпоративных прав (приобретение статуса участника ООО, оспаривание стоимости доли и т.п.), однозначно отнесены законодателем к ведению арбитражных судов.

Одним из примеров правовых противоречий, возникающих при применении статьи 225.1 АПК РФ, являются иски, связанные с признанием недействительными договоров, заключенных одним из супругов в отношении акций или долей в уставном капитале хозяйственных обществ (например, договоры купли-продажи, дарения и т.д.), а также действий, совершенных супругами в качестве участников (акционеров) таких обществ. К числу оспариваемых действий могут относиться: выход из состава участников общества с ограниченной ответственностью, внесение имущества в качестве вклада в уставный капитал или при его увеличении и иные корпоративные действия.

Поскольку законодательство прямо не регулирует ситуации, когда один из супругов принимает решение о выходе из состава участников, включении третьего лица в состав участников, реорганизации или ликвидации компании⁶ в правоприменительной практике возникают разногласия относительно необходимости получения согласия супруга на такие действия. Основой для таких исков, как правило, служат положения статьи 35 Семейного кодекса Российской Федерации (далее – СК РФ)⁵, согласно которым сделка, совершенная одним из супругов по распоряжению общим имуществом, может быть признана недействительной по требованию другого супруга.

Так, в деле об оспаривании входа нового участника (второго супруга)⁶, в состав общества входили следующие участники: Дайлиденко Н. З. (24% доли в уставном капитале), Карсакова Н. Н. (24% доли в уставном капитале), Семененко А. С. (52 % доли в уставном капитале).

18 октября 2019 г. Семененко А. С. заключил с Дайлиденко Н. З. и Карсаковой Н. Н. договор купли-продажи 52% доли в уставном капитале.

Семененко О. Г. обратилась с иском о разделе совместно нажитого имущества, а также с иском к Семененко А. С., Карсаковой Т. Н. и Дайлиденко Н. З. о признании недействительным договора купли-продажи доли и применении последствий недействительности сделки. Вступившим в законную силу решением суда признан недействительным договор купли-продажи от 18.10.2019; применены последствия недействительности сделки (Семененко А. С. восстановлен в качестве участника ООО путем возврата ему доли в уставном капитале); произведен раздел имущества, нажитого в браке (в личную собственность Семененко О. Г. была выделена доля в уставном капитале в размере 26%). Фактически, в суде

общей юрисдикции был рассмотрен корпоративный спор: сделка, заключенная между двумя участниками общества, касалась права на долю, участники обладали корпоративным правом на совершение этой сделки. Ранее Семененко О. Г. не являлась участником общества, в ее собственности до раздела имущества супругов долей в уставном капитале общества не имелось, а это значит, что супруга имела лишь имущественные права из доли, то есть право на получение денежного эквивалента соразмерного этой доли, но решением суда были оспорены корпоративные права. После решения суда она внесла себя в ЕГРЮЛ в качестве участника.

На стадии апелляции Семененко О. Г. продала свою долю другому участнику общества, а именно Карсаковой Н. Н. В результате действий супруги, спор перерос из семейно-корпоративного в прямой корпоративный.

Таким образом, семейно-корпоративные споры представляют собой особую категорию дел, сочетающую элементы семейных и корпоративных правоотношений. Их ключевая особенность заключается в двойственной природе, когда имущественные конфликты между членами семьи (раздел совместной собственности, наследственные споры) затрагивают корпоративную структуру бизнеса.

Современная судебная практика демонстрирует принципиальную проблему: при разрешении споров о разделе долей в уставном капитале суды общей юрисдикции зачастую ограничиваются формальным подходом, механически деля корпоративные активы между супругами без должного учета специфики корпоративных правоотношений. Такой подход приводит к парадоксальной ситуации, когда супруг, изначально не обладавший корпоративными правами, приобретает не только долю в бизнесе, но и весь комплекс связанных с ней правомочий, что существенно нарушает баланс интересов других участников хозяйственного общества.

Законодательство предусматривает разграничение компетенции между судами общей юрисдикции (спору о разделе имущества) и арбитражными судами (вопросы реализации корпоративных прав). Однако на практике это разграничение оказывается чрезмерно условным, что порождает правовые коллизии.

Литература

1. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации от 24.07.2002 № 95-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. 29 июля. № 30. Ст. 3012.
2. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 № 9 (ред. от 24.12.2020) // Российская газета. 2012. 06 июня. №127.
3. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 04.03.2015) (Извлечение) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 5.
4. Определение Верховного Суда РФ от 12.09.2024 № 308-ЭС24-14703 по делу № А32-20741/2023 // Юридическая информационная система «Легалакт – законы, кодексы и нормативно-правовые акты Российской Федерации»
5. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. №1. Ст. 16.
6. Соловых С. Ж., Цыбуленко З. И. Корпоративно-семейные споры: понятие, основания возникновения и компетенция судов // Гражданское право. 2024. № 6.

СООТНОШЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» С ПОНЯТИЯМИ «ПРИНОСЯЩАЯ ДОХОД ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», «ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ», «ХОЗЯЙСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ»

В статье анализируются соотношения понятия «предпринимательская деятельность» со смежными понятиями. Установлено, что понятия «экономическая деятельность» и «хозяйственная деятельность» тождественны по своему содержанию, в связи с этим, в целях исключения возможных противоречий, предложено вместо каждого из указанных терминов использовать словосочетание «экономическая (хозяйственная) деятельность», ввиду единого смысла этих понятий. Проведенный анализ соотношения понятий позволяет выстроить иерархию терминов.

Ключевые слова: предпринимательская деятельность, приносящая доход деятельность, экономическая деятельность, хозяйственная деятельность.

V. K. Nechaeva
Master's Student, Perm State University
Supervisor: A. A. Klyachin

RELATIONSHIP OF THE CONCEPT OF "ENTREPRENEURIAL ACTIVITY" WITH THE CONCEPTS OF "INCOME-GENERATING ACTIVITY", "ECONOMIC ACTIVITY", "BUSINESS ACTIVITY"

The article analyzes the relationship of the concept of "entrepreneurial activity" with related concepts. It has been established that the concepts of "economic activity" and "business activity" are identical in their content, in connection with this, in order to eliminate possible contradictions, it is proposed to use the phrase "economic (business) activity" instead of each of these terms, due to the uniform meaning of these concepts. The conducted analysis of the relationship of concepts allows us to build a hierarchy of terms.

Keywords: entrepreneurial activity, income-generating activity, economic activity, business activity.

Для формирования целостного представления о сущности предпринимательской деятельности важно разграничивать ее со смежными понятиями, используемыми в законодательстве.

В первую очередь, это понятие «экономическая деятельность». В частности, Конституция РФ указывает на возможность свободно заниматься «предпринимательской и иной экономической деятельностью» (ст. 34)¹, из чего следует, что эко-

номическая деятельность является родовым понятием по отношению к предпринимательской. На это же указывается и в научной литературе². Отмечается, что термины «экономическая деятельность» и «предпринимательская деятельность» соотносятся между собой как целое и часть³.

Согласно позиции Е. П. Губина и П. Г. Лахно, экономическая деятельность характеризуется следующими признаками:

1) вытекает из существования товарного производства, рыночной организации экономики;

2) связана с процессом воспроизводства материальных благ, т.е. носит товарный характер;

3) воплощается в создании (производстве) продукции (товара), в выполнении работ, оказании услуг (распределении, обмене, потреблении материальных благ)⁴.

Итак, экономическая деятельность представляет собой процесс воспроизводства материальных благ, включающий их производство, распределение, обмен и потребление.

Следующее, смежное с понятием «предпринимательская деятельность», понятие «хозяйственная деятельность». Анализ положений Федерального закона «О защите конкуренции»⁵ и иных федеральных законов свидетельствует об отсутствии разграничения между понятиями хозяйственной и экономической деятельности. Большинство авторов не усматривают различий между ними, рассматривая понятия в качестве синонимов⁶.

Учитывая изложенное, в целях исключения возможных противоречий, видится необходимым вместо каждого из указанных терминов использовать словосочетание «экономическая (хозяйственная) деятельность», ввиду единого смысла этих понятий.

Понятием, разграничение с которым предпринимательской деятельности представляет наибольшую сложность, является понятие «приносящая доход деятельность», используемое применительно к некоммерческим организациям.

Обоснованной видится позиция, высказанная Ю. П. Свит, М. А. Щербаковой. В своих трудах авторы полагают, что в приносящей доход деятельности речь идет о наличии особого правового режима, не позволяющего НКО осуществлять предпринимательскую деятельность, которая не будет соответствовать уставным целям и задачам юридического лица. Стоит отметить, что в НКО существует запрет на распределение прибыли среди участников⁷. Аналогичного мнения по данному вопросу придерживается М. А. Берестнев⁸.

Итак, подводя итоги сравнения понятия «предпринимательская деятельность» со смежными понятиями, следует определить их очередность. На первом месте будет «экономическая (хозяйственная) деятельность», на втором месте, соответственно, «предпринимательская деятельность», а на третьем месте понятие «иная приносящая доход деятельность».

Предпринимательская и иная приносящая доход деятельность по своему существу относятся к экономической (хозяйственной) деятельности. Законодательно данные термины отличаются по признаку извлечения прибыли. В предпринимательской деятельности извлечение прибыли – это основная цель, более того, предприниматели принимают на себя все риски, связанные с организацией и ведением бизнеса, чтобы получить прибыль, существенно превосходящую размер дохода, который может быть получен от трудовой деятельности – сверхприбыль.

Для иной приносящей доход деятельности НКО извлечение прибыли – не основная цель деятельности, такие действия носят лишь второстепенный характер, ведь доход направляется на достижение тех целей, ради которых создано юридическое лицо. Приносящая доход деятельность НКО должна соответствовать уставным целям и служить их достижению.

Кроме того, ввиду тождества понятий «экономическая деятельность» и «хозяйственная деятельность», где понятия характеризуют процесс воспроизводства материальных благ, в целях исключения возможных противоречий, предложено вместо каждого из указанных терминов использовать в действующем законодательстве словосочетание «экономическая (хозяйственная) деятельность», ввиду единого смысла этих понятий.

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2020. № 31. Ст. 4398.
2. Предпринимательское право Российской Федерации: учебник / Е. Г. Афанасьева, А. В. Белицкая, В. А. Вайпан [и др.]; отв. ред. Е. П. Губин, П. Г. Лахно. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2017. С. 432.
3. Доо А. М. Конституционное право на свободу предпринимательской деятельности: проблемы терминологии // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2022. № 2 (40). С. 152-155;
4. Губин Е. П., Лахно П. Г. Правовое обеспечение свободы экономической деятельности // Предпринимательское право. 2015. № 4. С. 29.
5. О защите конкуренции: Федер. закон от 26.07.2006 № 135-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3434.
6. Баттахов П. П. Соотношение понятий предпринимательской, торговой и коммерческой деятельности и признаки // Colloquium-journal. 2020. № 3 (55). С. 148–151;
7. Свит Ю. П., Щербакова М. А. Правовой режим хозяйственной деятельности некоммерческих организаций // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. 2022. № 12 (100). С. 53–60.
8. Берестнев М. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности некоммерческих организаций, приносящей доход // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2016. № 1-2. С. 119–124.

П. В. Осипов

Студент НИУ ВШЭ-Пермь

Научный руководитель: К. С. Кондратьева

К ВОПРОСУ О ПРАВОВОЙ ПРИРОДЕ РЕШЕНИЙ СОБРАНИЙ ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВОГО СООБЩЕСТВА

Рассматриваются различные подходы к выявлению правовой природы решений собраний гражданско-правового сообщества. Выводы: во-первых, решения собраний гражданско-правового сообщества имеет уникальный правовую природу sui generis, во-вторых, в зависимости от того, какое гражданско-правовое сообщество приняло решение собрания будет зависеть правовая природа, для коллегиальных органов управления юридического лица – решение собрания является формой права, а для всех остальных – многосторонней сделкой.

Ключевые слова: юридический факт, решение собрания, правовая природа, гражданско-правовое сообщество, сделка.

P. V. Osipov

Student, HSE-Perm

Supervisor: K. S. Kondrateva

ON THE QUESTION OF THE LEGAL NATURE OF DECISIONS TAKEN BY MEETINGS OF THE CIVIL COMMUNITY

The author, considering different approaches to the identification of the legal nature of the decisions of the assemblies of the civil-law community, comes to the conclusion, firstly, that the decisions of the assemblies of the civil-law community have a unique sui generis legal nature, secondly, depending on which civil-legal community has taken the decision of the assembly will depend on the legal nature, for collegial administration bodies of legal person - the decision of the assembly is a form of law, and for all others – a multilateral transaction.

Keywords: legal fact, decision of the assembly, legal nature, civil law community, transaction.

Решения собраний гражданско-правового сообщества (далее по тексту – решения собраний) – это сравнительно новый правовой институт для российского гражданского права^{1, 2}.

В последние годы в научной литературе отмечается значительное число исследований ученых-цивилистов^{3, 4}, посвященных изучению института решений собраний. Особенный научный интерес представляют проблемы юридической природы данного правового явления.

В настоящей статье рассматриваются решение собрания как юридический факт, а не как процедуру или деятельность.

Теперь перейдем к рассмотрению основных подходов к вопросу о правовой природе решения собрания как юридического факта, которые существуют в современной российской цивилистике.

Нормативная теория. Как справедливо указывает Д. В. Новак, эта научная концепция относится «<...> к решению собрания не столько как к юридическому факту, сколько как к источнику объективного права»⁵. Другими словами, решение собрания понимается как локальный нормативный акт гражданско-правового сообщества. Необходимо отметить, что нормативная теория пользуется спросом не только в доктрине (к ученым-цивилистам, разделяющим нормативную теорию, можно отнести И. С. Шиткину, Р. С. Кравченко, В. В. Лаптева, Т. В. Кашанину, Е. А. Сударькову, С. И. Носова)⁶, но и даже есть случай ее применения в судебной практике. СКГД ВС РФ в Определении от 14.11.2017 №78-КГ1780 указала, что «<...> нормативный правовой акт не соответствует акту большей юридической силы, суд применяет нормы акта, имеющего наибольшую юридическую силу»⁷. Указанное правило распространяет свое действие и на локальные нормативные акты, включая решения, принятые общим собранием собственников помещений в многоквартирном доме. Подобные акты, будучи продуктом коллективного волеобразования участников гражданско-правового сообщества, приобретают качество локального нормативного регулятора, ограниченного рамками конкретного правоотношения.

Теория особого юридического факта. Указанная научная доктрина обосновывает выделение решений собраний в самостоятельный правовой институт, обладающий специфической природой, которая исключает их отождествление с классическими сделочными конструкциями. Правовая природа решений собраний обусловлена императивным характером последствий, обязательных для всех участников гражданско-правового сообщества, включая несогласное меньшинство. Напротив, в сделках воля имеет исключительный характер⁸, то есть правовой эффект сделки обусловлен волей действующего лица и обязателен для последнего в силу соответствия первого воле участника сделки. Многие ученые-цивилисты, которые являются сторонниками этого подхода⁹, считают, что решение собрания является ненормативным правовым актом. Таким образом, этот подход можно рассматривать как имеющий место быть в силу наличия водораздела, установленного законодателем, между сделками и решениями собраний, который представлен в ГК РФ: «Нормативное разграничение между сделками (гл. 9 ГК РФ) и решениями собраний (гл. 9.1 ГК РФ) подчеркивает их самостоятельную природу

как юридических институтов. Решения собраний, будучи закреплены в подпункте 1.1 пункта 1 статьи 8 ГК РФ, признаются отдельным видом юридических фактов, не поглощаемых категорией сделок. Данное структурное разделение в ГК РФ исключает их отождествление: если сделки опосредуют согласование воли сторон, то решения собраний формируются через процедуру голосования, что создает особый режим возникновения прав и обязанностей. Таким образом, законодатель дифференцирует основания правообразования, выделяя решения собраний в автономный правовой инструмент.

Сделочная теория. В рамках данной научной доктрины обосновывается позиция, согласно которой решения, принимаемые собраниями участников гражданско-правовых сообществ, подлежат квалификации в качестве сделок. Ученые-цивилисты, поддерживающие эту концепцию, приводят в качестве основного аргумента то, что «<...> решение собрания, как и сделка, достигает определенного правового результата и содержит направленную на этот результат волю частных лиц»¹⁰. Важность признания решения собрания как сделку заключается в том, что появляется возможность по аналогии закона применять положения главы 9 ГК РФ «Сделки» к решениям собраний. Далее, рассмотрим основную позицию по этому вопросу и правоприменительную практику. А. А. Клячин полагает, что решение собрания представляет собой «<...> особую гражданско-правовую сделку, при этом данная сделка не является гражданско-правовым договором»¹¹, поскольку договор требует взаимонаправленный характер волеизъявлений сторон, то есть согласие одной стороны договора принять волеизъявление другой стороны и наоборот. Напротив, в решении собрания присутствует сонаправленный характер, то есть волеизъявление участников голосования может быть невзаимным (наличие выбора подачи права голоса – «за» или «против») и это не повлияет на его действительность, так как действует принцип воли большинства. СКЭС ВС РФ в Определении от 16.11.2023 № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022 отметила, что «<...> решение собрания является особым видом сделки, при этом голосование участников (акционеров) также может быть признано недействительным по основаниям, указанным в гл. 9 ГК РФ»¹². Таким образом, данный подход является ведущим в доктрине и правоприменительной практике.

Сильным контраргументом в сторону всех, выше рассмотренных подходов, является позиция О. М. Родионовой, которая отмечает: «Решение собрания является не действием, а объективированным в форме акта-документа результатом деятельности по организации осуществления субъективного права голоса участниками собрания», потому что «<...> органы юридического лица не являются субъектами права, следовательно не могут совершать какие-либо юридически значимые действия, в том числе сделки, ненормативные правовые акты»¹³.

Представляется, что концепция О. М. Родионовой, несмотря на свою теоретическую значимость, обнаруживает ограниченность в части применимости к гражданско-правовым сообществам. Ее выводы, на наш взгляд, корректны лишь в отношении коллегиальных органов управления юридических лиц (собраний участников, советов директоров и т.п.), лишенных самостоятельной правосубъектности. Однако в иных случаях, охватываемых пунктом 103 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации»¹⁴, участниками сообществ выступают физические или юридические лица, обладающие полноценной правосубъектностью.

Проведенное исследование позволяет заключить, что решения собраний, формируемых в рамках гражданско-правовых сообществ, обладают в российской правовой системе особым юридическим характером, не сводимым к традиционным конструкциям сделок или корпоративных актов. Их правовая природа, будучи *sui generis*, обусловлена синтезом индивидуальных волеизъявлений участников, объединенных общей целью, и их трансформацией в коллективно-обязательный акт. На наш взгляд, правовая природа решений собраний варьируется в зависимости от субъектного состава и институционального контекста их принятия.

В первом случае, когда решение исходит от коллегиального органа управления юридического лица (собрания участников, совета директоров и т.д.), оно приобретает характер волеобразующей формы права, а не простого волеизъявления. Поскольку коллегиальный орган лишен правосубъектности, его решение представляет собой совокупность индивидуальных актов голосования участников — частных волеизъявлений, реализующих их субъективное право на участие в управлении. Таким образом, решение здесь формализуется как синтез автономных волей, направленных на формирование единой управленческой позиции, но не порождает самостоятельного правового акта от имени органа как такового.

Во втором случае, если решение принято собранием кредиторов, комитетом кредиторов в деле о банкротстве или объединением долевых собственников (например, владельцев помещений в многоквартирном доме), оно представляет собой многостороннюю сделку. Это обусловлено тем, что участники таких сообществ, будучи самостоятельными субъектами права, через акты голосования выражают индивидуальные воли, совокупность которых конституирует единое обязательственное последствие. Таким образом, решение собрания, как юридический факт, возникает не из властного акта, а из согласованного волеизъявления правосубъектных лиц.

Литература

1. О внесении изменений в главы 1, 2, 3 и 4 части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 30.12.2012 № 302-ФЗ. Доступ из системы ГАРАНТ.
2. О внесении изменений в подразделы 4 и 5 раздела I части первой и статью 1153 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 07.05.2013. № 100-ФЗ. Доступ из системы ГАРАНТ.
3. Сделки, представительство, исковая давность: сб. работ выпускников Российской школы частного права при Исследовательском центре частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации / сост. и отв. ред. А. В. Егоров. М.: ИЦЧП им. С. С. Алексеева при Президенте РФ, 2017. (автор главы – К. И. Труханов). С. 36-98;
4. Телешинин А. А. Соотношение решения собрания и гражданско-правовой сделки: доктринальные и практические аспекты // Хозяйство и право. 2020. № 4 (519). С. 107–116.
5. Общие положения о сделке: комментарий к статьям 153–165.1, 181.1–181.5 и 190–194 ГК РФ / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2025. 844 с.
6. Козлова Н. В. Правосубъектность юридического лица. М.: Статут, 2005. С. 379.
7. Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 14 ноября 2017 г. № 78-КГ17-80. Доступ из системы ГАРАНТ.
8. Тузов Д. О., Зезекало А. Ю. Сделки. Решения собраний: учеб. пособие. СПб.: Самиздат, 2019. 99 с.
9. Ломакин Д. В. Очерки теории акционерного права и практика применения акционерного законодательства. М.: Статут, 2005. 218 с.
10. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: Статут, 2018. С. 875.
11. Клячин А. А. Решение собрания как юридический факт в корпоративном праве // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № 4 (30). С. 60–67.
12. Определение СК по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 16 ноября 2023 г. № 305-ЭС23-13487 по делу № А40-219032/2022. Доступ из системы ГАРАНТ.
13. Родионова О. М. О правовой природе решений собраний и их недействительности в германском и российском гражданском праве // Вестник гражданского права. 2012. № 5. С. 66–93.
14. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015. № 25 // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. 2015. № 8.

М. М. Полякова
Студент МГЮА им. О. Е. Кутафина
Научный руководитель: С. В. Федосеев

ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОСПАРИВАНИЯ СДЕЛОК, СОВЕРШЕННЫХ ВО ВРЕД ПРЕДСТАВЛЯЕМОМУ

Статья посвящена анализу условий, оснований и последствий оспаривания сделки, совершенной представителем во вред представляемому при нарушении условий осуществления полномочий; отсутствием или превышением полномочий, а также проблемам, связанным с определением «ущерба», причиненного представляемому. Поднимается вопрос о соотношении объема требуемой осмотрительности и заботливости от контрагента по сделке с представителем и от добросовестного приобретателя. Рассматриваются теоретические и практические аспекты невозможности ограничения полномочий «внутренними» отношениями представителя и представляемого в силу принципа абстракции в представительстве. Делается вывод по итогам сравнительно-правового анализа о предпочтительности российского правового регулирования таких сделок, продиктованный большим соответствием принципу правовой определенности и разумным ожиданиям третьих лиц. Акцентируется внимание на проблемах, возникающих при применении германского подхода.

Ключевые слова: недействительность сделки, заключенной во вред представляемому, нарушение условий осуществления полномочий, превышение полномочий представителем, внутренняя и внешняя стороны в правоотношении представительства, состояние правовой подвешенности, принцип правовой определенности.

M. M. Polyakova
Student, Kutafin Moscow State Law University
Supervisor: S. V. Fedoseev

THE LEGAL MECHANISM FOR CHALLENGING TRANSACTIONS MADE TO THE DETRIMENT OF THE REPRESENTED

The article is devoted to the analysis of the conditions, grounds and consequences of challenging a transaction made by a representative to the detriment of the representative in violation of the terms of the exercise of authority; absence or excess of authority, as well as problems related to the definition of "damage" caused to the representative. The question is raised about the ratio of the required prudence and care from the counterparty in the transaction with the representative and from the bona fide buyer. The theoretical and practical aspects of the impossibility of limiting the powers of the "internal" relations of the representative and the representative due to the principle of abstraction in the representation are considered. The article also draws a conclusion based on the results of the comparative legal analysis about the preference of the Russian legal regulation of such transactions, dictated by the high compliance with the principle of legal certainty and reasonable expectations of third parties. The author focuses on the problems that arise when applying the German approach.

Keywords: invalidity of a transaction completed to the detriment of the represented, violation of the terms of authority, abuse of authority by a representative, internal and external parties in the relationship of representation, state of legal limbo, the principle of legal certainty.

Институт представительства можно считать относительно молодым. В Древнем Риме идея о том, что стороной сделки станет не лицо, непосредственно участвующее в ее совершении, а третье лицо казалась абсолютно абсурдной и неправильной. В Средние века рождается мысль о возможности косвенного представительства, при котором лицо действует от своего имени, но впоследствии передает права и обязанности по сделке представляемому. И только во второй половине 19 века в Германии получает признание и научное обоснование институт прямого представительства, при котором представитель выступает от имени другого лица и не становится стороной в сделке, изначально создавая права и обязанности для представляемого. Проработкой доктрины прямого представительства занимались выдающиеся немецкие ученые – цивилисты: Савиньи, Виндшейд, Лабанд, Циммерман.

В случае опосредованного участия представляемого в обороте могут возникать различные трудности: сложность определения полномочий представителя, злоупотребление представителем своими полномочиями, потенциальная возможность признания сделок, совершенных представителем, недействительными при определенных условиях. Российское законодательство в целях защиты представляемого, добросовестного контрагента по сделке, третьих лиц и гражданского оборота устанавливает эффективные правила регулирования правоотношения представительства. Одно из таких правил это механизм оспаривания сделки по пункту 2 статьи 174 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Согласно названной норме сделка, заключенная представителем в ущерб представляемого может быть признана недействительной, если имел место сговор представителя с другой стороной (коллюзия) или другая сторона «знала или должна была знать» о том, что сделка была совершена представителем в ущерб интересам представляемого¹. Таким образом, в обоих случаях представитель действует недобросовестно, вопреки правилам, установленным законом: на лице, выступающем от имени юридического лица (представителе) лежит «обязанность действовать разумно и добросовестно» – статьи 53.1, 72, 76 ГК РФ указывают на необходимость «разумного ведения дел» участниками полного товарищества и т.п. Такими нормами законодатель конкретизирует общий принцип добросовестности, то есть они являются частными проявлениями требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ), которые в доктрине именуются правовыми аксиомами².

Более того, оценивать с точки зрения добросовестности нужно не только действия представителя, но и поведение контрагента по сделке. Для признания добросовестным при отчуждении чужой вещи неуполномоченным лицом (добросовестным приобретателем) право требует гораздо большей внимательности и заботливости со стороны контрагента по сделке, поскольку собственник в такой ситуации бесконтрольно лишается своего имущества. В случае совершения

действий представителем в ущерб представляемому присутствует знание и элемент вины самого представляемого, создавшего такую рискованную для себя ситуацию участия в обороте не лично, а через выбранного самостоятельно представителя. По этой причине контрагент представителя только при очевидном (по терминологии ГК РФ – явном) нарушении прав представляемого не будет признаваться добросовестным³. Здесь можно увидеть проявление доктрины *Hand muss Hand wahren* («рука должна поддерживать руку», а не противоречить ей)⁴. Очевидно, что такое правило направлено на защиту интересов участников оборота. Контрагенту не может вменяться в обязанность проведение *due diligence* представляемого и изучения вопроса, насколько отвечает его хозяйственным интересам будущая сделка.

Ущерб представляемому, необходимый для оспаривания контракта по пункту 2 статьи 174 ГК РФ предполагается, если сделка совершена на заведомо и значительно невыгодных условиях – например, если предоставление, полученное по сделке, в несколько раз ниже стоимости предоставления, совершенного в пользу контрагента (п. 93 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25). Отсутствие встречного предоставления от контрагента по сделке, например, при выдаче поручительства или обременением залогом имущества также обычно свидетельствует о причинении ущерба. Однако эта презумпция является опровержимой: возможно предоставить доказательства, что находившиеся или общие экономические интересы в момент заключения сделки, или сделка была совершена для предотвращения еще больших убытков, или совершение убыточной сделки было частью взаимосвязанных сделок, объединенных общей хозяйственной целью, в результате которых была получена выгода, или невыгодность условий сделки был результатом взаимных равноценных уступок в отношениях с контрагентом по другим сделкам. Включение в договор условий, отличных от положений диспозитивных норм и ухудшающих положение представляемого, также чаще всего свидетельствует о возможном ущербе для представляемого. Так в Постановлении АС Уральского округа по делу № А60-14063/2014 от 03.02.2015 судом был признан недействительным на основании пункта 2 статьи 174 ГК РФ договор купли-продажи ценных бумаг с отсрочкой оплаты, в котором вопреки диспозитивной норме п. 5 ст. 488 ГК РФ о залоге проданного с рассрочкой оплаты товара, было согласовано, что акции не считаются находящимися в залоге у продавца⁵.

Полномочия представителя являются внешним проявлением его деятельности, поэтому в названии статьи 174 Гражданского кодекса РФ акцент сделан на нарушении условий осуществления полномочий, что более точно отражает суть, чем формулировка об ограничении полномочий, приведенная в самой диспозиции. «Внутренние» ограничения не являются ограничениями полномочий, они лишь связывают представителя и представляемого обязательственными, корпоративными или

трудовыми, но в любом случае, относительными узами. Часто такие относительные правоотношения возникают в результате частного (внутриорганизационного, внутрихозяйственного) нормотворчества: в учредительных документах, во внутренних регламентах, положениях о представительстве или филиале, уставе корпорации, корпоративном договоре, внутренних установлениях, решениях собраний и др.⁶ В российском гражданском законодательстве последовательно проведена идея абстрактности полномочий представителя и их независимости от внутренних договоренностей представителя и представляемого. Элементы презумпции незнания одной из сторон сделки о наличии ограничений полномочий другой стороны (ст. 174 ГК РФ) можно проследить уже в праве Древнего Рима⁷.

Если же ограничения были отражены во внешней стороне представительства – в самой доверенности или в законе, то в силу статьи 183 ГК РФ сделка не связывает представляемого. Третье лицо имело возможность и должно было проявить разумность и внимательность, проверив полномочия представителя.

В Германии к сделкам, совершенным представителем с превышением полномочий, применяется § 178 Гражданского кодекса Германии, который аналогичен статье 183 ГК РФ. Сравнивая российский и немецкий вариант нормативного регулирования, можно отдать предпочтение первому. Во-первых, с точки зрения соблюдения принципа правовой определенности оспоримость сделки является более удачным решением: сделка, подпадающая под действие статьи 174 ГК РФ, может быть оспорена в течение года с момента, когда уполномоченное лицо узнало или должно было узнать о нарушении. В то время как согласно статье 183 ГК РФ сделка представителя не имеет правовых последствий для представляемого и связывает его лишь при условии одобрения. При этом представляемый имеет безусловное право в любое время отказаться от сделки, совершенной от его имени, что создает состояние подвешенности контракта, подрывает разумные ожидания третьих лиц и дестабилизирует функционирование рыночной экономики в целом⁸. До одобрения сделки она не существует для представляемого. Этот феномен в германском, итальянском и некоторых других правовых порядках называют «относительной недействительностью» (*relative Unwirksamkeit*)⁹.

Примечательно, что в немецкой доктрине относятся скептически к практике регулирования отношений, складывающихся при нарушении условий осуществления полномочий представителем, положений § 178 ГГУ, аналогичных статье 183 ГК РФ. Предлагается устанавливать сокращенный срок исковой давности, какой в ГК РФ уже установлен статьей 174³.

С учетом изложенного, представляется, что объем требуемой осмотрительности и заботливости для признания контрагента добросовестным по сделке, совершенной представителем в ущерб представляемому, минимальный: только в случае очевидного для любого среднего разумного участника оборота ущерба от будущей сделки для представляемого контрагент не будет признаваться добросовестным. Презумпция причинения ущерба при заключении сделки, по которой

встречное предоставление в несколько раз меньше или вовсе отсутствует – опровержимая: представитель может доказать отсутствие ущерба, приведя экономическое обоснование сделки. De lege ferenda в диспозиции 174 ГК РФ нужно заменить некорректное выражение «ограничение полномочий» на «нарушение условий осуществления полномочий», поскольку, как было показано, «ограничить» полномочия внутренними, относительными правовыми связями представителя и представляемого невозможно; также благодаря такому изменению будет устранено противоречие между названием статьи и ее содержанием, что соответствует принципу системной согласованности права. Что касается механизма оспаривания, предусмотренного статьей 174 ГК РФ, то его следует признать более справедливым по отношению к добросовестному контрагенту, в большей мере соответствующем принципу правовой определенности и, как следствие, способствующем более стабильному развитию гражданского оборота, чем механизм, предусмотренный статьей 183 ГК РФ. Недобросовестный контрагент же не будет защищаться ни по статье 174 ГК РФ, ни по статье 183 ГК РФ.

Литература

1. Кузнецов А. А. Оспаривание крупных сделок и сделок с заинтересованностью: общие замечания // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2014. № 2. С. 322. С. 224–248.
2. Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // Ex jure. 2023. № 3. С. 84–98.
3. Егоров А. В., Папченкова Е. А., Ширвиндт А. М. Представительство: исследование судебной практики. М.: Статут, 2016. 383 с.
4. Суханов Е. А. Вещное право: Научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
5. Постановление АС Уральского округа по делу № А60-14063/2014 от 03.02.2015.
6. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. Г. Голубцов; Перм. гос. нац. исслед. ун-т, юрид. фак. М.: Статут, 2021. 444 с. С 61–62.
7. Кузнецова, О. А. Презумпции в российском гражданском праве / Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь, 2002. 164 с. EDN ICNAII. С. 119–138.
8. Сделки, представительство, исковая давность: постатейный комментарий к статьям 153–208 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание. Ред. 1.0] / отв. ред. А. Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2018. 1264 с.
9. Тузов Д. О. Теория недействительности сделок: опыт российского права в контексте европейской правовой традиции. М., 2007. С. 313

Ю. А. Полякова
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Н. В. Сыропятова

ДОГОВОР СЧЕТА ЭСКРОУ В СИСТЕМЕ ДОГОВОРОВ БАНКОВСКОГО СЧЕТА

Договор счета эскроу является самостоятельным видом гражданско-правового договора, обладающим уникальными характеристиками и функциями. Его обеспечительная функция, специфика обязанностей банка и особенности правового регулирования выделяют его среди других договоров банковского счета. Однако недостаточная детализация законодательства и отсутствие четкого разграничения понятий создают почву для научных дискуссий и практических сложностей. Для устранения этих проблем требуется дальнейшее совершенствование нормативной базы и уточнение правовой природы договора счета эскроу.

Ключевые слова: договор счета эскроу, обеспечительная функция, обеспечение обязательств

Yu. A. Polyakova
Master's student, Perm State University
Supervisor: N. V. Syropyatova

THE ESCROW ACCOUNT AGREEMENT IN THE SYSTEM OF BANK ACCOUNT AGREEMENTS

An escrow account agreement is an independent type of civil law agreement with unique characteristics and functions. Its security function, the specifics of the bank's responsibilities and the specifics of legal regulation distinguish it from other bank account agreements. However, the lack of detailed legislation and the lack of a clear distinction between concepts create the ground for scientific discussions and practical difficulties. To eliminate these problems, further improvement of the regulatory framework and clarification of the legal nature of the escrow account agreement are required.

Keywords: escrow account agreement, security function, securing obligations.

Договор счета эскроу является самостоятельным видом гражданско-правового договора.

Легальное определение договора счета эскроу содержится в статье 860.7 ГК РФ. Однако стоит заметить, что закрепленное законодателем определение договора счета эскроу не раскрывает в полном объеме его содержания, не является достаточным для квалификации данного договора, выявления его места среди гражданско-правовых договоров. Это в свою очередь обуславливает наличие в

правовой литературе множества мнений относительно правовой природы договора счета эскроу, создает почву для научных дискуссий о месте договора счета эскроу, его основных характеристиках.

Договор счета эскроу входит в систему договоров банковского счета. Н. В. Сыропятова предлагает классифицировать договоры банковского счета поделив их на три группы: 1) договоры, для которых характерны общие функции; 2) договоры, обладающие видовыми функциями; 3) договоры, имеющие специальные (специфические) функции (договоры специальных банковских счетов)¹.

Одной из значимых проблем является отсутствие законодательно закрепленного разграничения понятий «вид договора банковского счета» и «вид банковского счета», что указывает на непоследовательное изложение законодателем правовых норм в ГК РФ.

Для открытия и обслуживания универсальных счетов (текущий, расчетный и т. п.) банк использует стандартный договор банковского счета. Однако, существует целая система специальных счетов, для каждого из которых законодатель предусматривает особый порядок открытия, закрытия, наложения арестов и обеспечительных мер на счет, особые требования к банку и т.п. Поэтому банки вынуждены отходить от стандартного договора и применять новые положения закона на практике.

В обозначенной классификации договор счета эскроу будет находиться в 3-й группе, поскольку он обладает специфической функцией – обеспечительной.

Договор счета эскроу обладает отличительными чертами, позволяющими говорить о том, что это самостоятельный вид гражданско-правового договора. В понятии договора банковского счета указаны основные обязанности банка: принимать и зачислять денежные средства, выполнять распоряжения клиента. В рамках договора счета эскроу у банка совершенно иные основные обязанности: учитывать и блокировать денежные средства, а также передать бенефициару при наступлении условий, оговоренных в договоре. Как мы видим, на специфику этого вида договора указывает понятие, которое позволяет именовать его самостоятельным.

Кроме того, отличием является количество сторон договора. В договоре банковского счета 2 стороны: банк и клиент. В договоре счета эскроу 3 стороны. Возможна ситуация, когда бенефициар и эскроу-агент совпадают в одном лице. Так, например, заключается договор купли-продажи квартиры, обремененной залогом. Залогодержателем является банк. Если банк одобряет такую сделку, но при условии заключения договора счета эскроу и перечисления денежных средств на открытый счет эскроу покупателем квартиры. Продавец в такой ситуации не получает денежные средства, а банк получает исполнение от 3-го лица (депонента)². Можно ли говорить о двустороннем характере такого договора счета эскроу. Едва ли, поскольку обязательство продавца перед банком по возврату кредитных денежных

средств (фактического бенефициара) прекращается по причине исполнения со стороны 3-го лица (депонента).

Интересным также представляется вопрос о том, что будет с договором счета эскроу в случае проведения зачета требований между банком и застройщиком в том случае, если участник долевого строительства заключил договор долевого участия, договор счета эскроу и внес денежные средства, которые предоставлялись в качестве объекта договора кредита³.

Закон № 214-ФЗ допускает, что деньги со счета эскроу, предназначенные застройщику, могут быть сразу направлены банку в счет погашения обязательств застройщика по кредитному договору (ч. 6 ст. 15.5 Закона № 214-ФЗ). При этом, допустим этот механизм только в том случае, если застройщик исполнил свои обязательства из договора долевого участия перед дольщиком. Если застройщик не исполнил свои обязанности, то зачет встречных эскроу-агента (банка) и застройщика, приведет к обогащению последнего, а именно: сократится объем обязательств перед банком, а банк утратит фактически свои деньги, переданные дольщику – гражданину в качестве кредита для заключения договора долевого участия, и рискует не получить исполнение от гражданина-дольщика. Полагаем, что такая ситуация недопустима.

В. А. Белов разграничивает договоры счета эскроу и номинального счета не только по функционалу, но и по цели заключения. Так, договор счета эскроу имеет своей целью накопление, депонирование, аккумуляцию банком денежных средств на счете эскроу, которые вносятся депонентом в определенном тем или иным договором между сторонами⁴.

Е. С. Мартянова также указывает на то, что договор номинального счета имеет отличные существенные условия от договора счета эскроу. Так, существенными условиями договора номинального счета выступают: «условие о предмете; условие, содержащее сведения о бенефициаре либо сведения о порядке получения информации от владельца счета о бенефициаре либо бенефициарах; условие, содержащее сведения об основании участия бенефициара либо бенефициаров в отношениях по договору номинального счета»⁵. Как мы уже установили, единственным существенным условием договора счета эскроу будет являться предмет, который включает в себя не только денежные средства, но и условия, при которых бенефициару подлежат передаче денежные средства со счета эскроу.

Договоры банковского счета, договор номинального счета, публичного депозитного счета и других счетов носят консенсуальный характер, в то время как договор счета эскроу имеет двойственную природу, которая обуславливается тем, что к нему субсидиарно применяются положения о договоре условного депонирования.

На основании изложенного мы приходим к выводу, что договор счета эскроу занимает особое место в системе договоров банковского счета, имея специфические черты по его заключению, расторжению, по его содержанию, количеству сторон, целям, сфере применения.

Литература

1. Сыропятова Н. В. функции договоров банковского счета в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2019. 211 с.
2. Плешанова О. В. Продажа заложенных квартир: поможет ли счет эскроу? // Юридическая работа в кредитной организации. 2020. № 1. С. 58–64.
3. Егорычев А. Л. Некоторые особенности договора счета эскроу по Российскому праву // Научный электронный журнал «Матрица научного познания». № 2-1/2021. С. 153–155.
4. Белов В. А. Что изменилось в Гражданском кодексе: практ. пособие. М.: Юрайт, 2019. 359 с.
5. Мартыанова Е. С. Счет эскроу и номинальный счет как элементы конструкции условного депонирования (эскроу) // Финансовое право. 2019. № 5. С. 27–32.

О. В. Попова, Я. П. Черных

Курсанты

Московская академия Следственного комитета им. А. Я. Сухарева

Научный руководитель: О. В. Сапего

ЗАЩИТА ПРАВ МАТЕРИ И РЕБЕНКА В АЛИМЕНТНЫХ СПОРАХ ПРИ ФАКТИЧЕСКОМ МНОГОЖЕНСТВЕ: ДОСТУП К ПРАВОСУДИЮ И ЭФФЕКТИВНЫЕ СПОСОБЫ ЗАЩИТЫ

В статье рассматриваются особенности защиты прав матери и ребенка в алиментных спорах в условиях фактического многоженства. Подчеркивается, что дети, рожденные вне брака, имеют право на получение алиментов наравне с детьми, рожденными в зарегистрированном браке. Приводятся примеры способов защиты матери и ребенка в подобных ситуациях.

Ключевые слова: алименты, многоженство, сожительство, официальный брак, права ребенка, обязанности родителей.

PROTECTION OF THE RIGHTS OF MOTHER AND CHILD IN ALIMONY DISPUTES IN DE FACTO POLYGAMY: ACCESS TO JUSTICE AND EFFECTIVE WAYS OF PROTECTION

O. V. Popova, Ya. P. Chernykh

Cadets, Sukharev Moscow Academy of the Investigative Committee

Supervisor: O. V. Sapego

The article examines the specifics of protecting the rights of mother and child in alimony disputes in the context of de facto polygamy. It is emphasized that children born out of wedlock have the right to receive alimony on an equal basis with children born in a registered marriage. Examples of ways to protect a mother and child in such situations are given.

Keywords: alimony, polygamy, cohabitation, official marriage, rights of the child, duties of parents.

Конституция Российской Федерации и Семейный кодекс Российской Федерации определяют брак как добровольный союз между мужчиной и женщиной. Статья 14 Семейного кодекса устанавливает запрет на регистрацию брака между лицами, из которых хотя бы одно лицо уже состоит в другом зарегистрированном браке, на основании чего можно сделать вывод, что полигамные браки в России запрещены¹.

Однако фактическое многоженство или сожительство не является преступлением или правонарушением, предусмотренным Уголовным кодексом или кодексом Российской Федерации об административных правонарушениях. В связи с

этим в некоторых регионах нашего государства (преимущественно в регионах проживания мусульман) можно встретить «полигамные семьи» (официально не зарегистрированные в органах ЗАГС).

Семейный кодекс России не признает сожительство браком, поэтому сожители не имеют тех же прав и обязанностей, что и супруги, включая обязательства по взаимному содержанию или алиментам (за исключением алиментов на общего ребенка, если отцовство установлено).

Статья 89 Семейного кодекса предусматривает обязанность супругов материально поддерживать друг друга. Если один из супругов отказывается добровольно оказывать финансовую поддержку другому, а соглашение об алиментах не заключено, то лица, определенные частью 2 указанной статьи, имеют право обратиться в суд за взысканием алиментов с супруга, обладающего достаточными для этого средствами.

Статья 90 Семейного кодекса России устанавливает право требовать предоставления алиментов в судебном порядке от бывшего супруга для следующих категорий лиц: бывшая жена, в период беременности, наступившей в период брака; бывший супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком до достижения им 3-летнего возраста; нуждающийся бывший супруг, фактически осуществляющий уход за общим ребенком до достижения им 3-летнего возраста, нуждающийся супруг, осуществляющий уход за общим ребенком-инвалидом до достижения им совершеннолетия или за общим ребенком-инвалидом с детства I группы; а также иные категории граждан, установленные частью 1 указанной статьи.

В соответствии с Постановлением Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов» при разрешении таких исковых заявлений суд учитывает, что права и обязанности супругов, включая и обязанность материально поддерживать друг друга, возникают со дня государственной регистрации заключения брака. То есть сожители лишены права подать такое исковое заявление даже в случае, если они прожили вместе длительное время².

Несмотря на то, что действующее российское законодательство не признает сожительство официальным союзом мужчины и женщины, дети, рожденные в таких отношениях, полностью защищены в части алиментных обязательств. Статья 80 Семейного кодекса обязывает родителей содержать своих детей до достижения ими совершеннолетнего возраста. Родители самостоятельно определяют, как именно и в какой форме они будут это делать: они могут договориться об условиях содержания своих детей, оформив это письменным соглашением об уплате алиментов. В случае недостижения взаимного согласия алименты взыскиваются в судебном порядке. Для получения алиментов с отца ребенка необходимо установить его отцовство добровольно через органы ЗАГС либо в судебном порядке. Во втором

случае мать ребенка должна обратиться в суд с исковым заявлением об установлении отцовства, приложив к иску документы, подтверждающие совместное проживание и отношения между родителями³.

Согласно Постановлению Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 № 56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов», если требование о взыскании алиментов предъявлено одновременно с иском об установлении отцовства, в случае удовлетворения иска об установлении отцовства алименты присуждаются со дня предъявления иска.

То есть суд назначает генетическую экспертизу для подтверждения отцовства, и, если результаты подтверждают отцовство, суд выносит решение о взыскании алиментов на содержание ребенка. После установления отцовства в суде ребенок получает те же права, что и другие дети этого отца. Иными словами, отец приобретает равные с матерью права и обязанности по воспитанию и образованию ребенка⁴.

Однако недобросовестный отец может злоупотреблять своими правами. Если семейные отношения фактически отсутствуют, а отец не исполняет своих обязанностей, целесообразно рассмотреть вопрос о лишении его родительских прав. По мнению В. С. Левши, если заранее понятно, что отец не будет участвовать в жизни ребенка, целесообразно не наделять его этими правами⁵.

Размер алиментов на ребенка, рожденного вне брака, определяется так же, как и в случае, если ребенок родился в зарегистрированном браке. В соответствии со статьей 81 Семейного кодекса, размер алиментов зависит от количества детей, в отношении которых официально установлено отцовство: на одного ребенка взыскивается одна четверть дохода родителя, на двух детей – одна треть дохода, на трех и более детей – половина заработка (и) или иного дохода родителя. Если у родителя нерегулярный доход, суд назначает алименты в твердой денежной сумме. При этом суд имеет право изменить размер алиментов, учитывая финансовое положение родителей, потребности ребенка и иные обстоятельства⁶.

Таким образом, при фактическом сожительстве женщина никак не защищена законом, и в случае потери трудоспособности или наступления условий, указанных в статьях 89 и 90 Семейного кодекса, она не может обратиться в суд за защитой своих прав и законных интересов. Ребенок же, рожденный вне брака, имеет право на содержание со стороны родителей (право на получение алиментов наравне с детьми, рожденными в браке).

В 2015 году адвокат Александр Добровинский предложил приравнять сожительство к союзу, зарегистрированному в органах ЗАГС. Адвокат уточнил, что для признания союза узаконенным необходимо не менее двух лет сожительства, тогда в случае разрыва отношений имущество должно делиться в пропорции 50 на 50, а мужчина обязан выплачивать алименты на содержание не только детей, но и

бывшей супруги. Добровинский объяснил это тем, что женщины, занимавшиеся в период сожительства воспитанием детей, после расставания зачастую оказываются в затруднительном положении⁷.

На наш взгляд, такие изменения в законодательстве оправданы и вызваны необходимостью защиты женщин, которые после длительного сожительства, оказываются без средств к существованию и лишены возможности получить материальную поддержку от бывшего партнера. Учитывая растущую популярность отношений, не зарегистрированных в органах ЗАГС и увеличение количества одиноких матерей, возможно, стоит признать фактическое сожительство формой союза, порождающей алиментные обязательства. Кроме того, можно предоставить возможность женщинам, прожившим в сожительстве более 5 лет и посвятившим себя воспитанию детей, получать алименты на свое содержание от бывшего партнера в течение определенного периода времени (например, до достижения младшим ребенком возраста 3 лет).

Литература

1. Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29.12.1995 №223-ФЗ.
2. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 26.12.2017 №56 «О применении судами законодательства при рассмотрении дел, связанных со взысканием алиментов».
3. Ксенофонтова Д. С. Правовые гарантии в сфере алиментирования: монография. М.: Статут, 2018. 207 с.
4. Ахмедова З. А., Тарикова Б. Р. Проблемные аспекты установления отцовства // Вестник Дагестанского государственного университета. Серия 3: общественные науки. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemnye-aspekty-ustanovleniya-ottsovstva>.
5. Левша В. С. Особенности установления происхождения детей лицами, не состоящими в официально зарегистрированном браке // Вестник СИБИТа. 2013. №4 (8). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-ustanovleniya-proishozhdeniya-detey-litsami-ne-sostoyaschimi-v-ofitsialno-zaregistrirovannom-brake>.
6. Корчемова О. Ю. Изменение размера алиментов и отмена алиментов на несовершеннолетних детей // Вестник научных конференций. 2016. № 12-2(16). С. 51–53.
7. Российское новостное издание Lenta.ru: В России предложили приравнять сожительство к браку. URL: <https://lenta.ru/news/2015/04/29/cohabitation/>

КОРПОРАТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК СРЕДСТВО РЕГЛАМЕНТАЦИИ КОРПОРАТИВНЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ: ПРОБЛЕМАТИКА И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

В статье рассматривается правовая природа корпоративного договора как инструмента регламентации корпоративных отношений в российской правовой системе. Анализируется его значение для повышения гибкости внутреннего управления в хозяйственных обществах, выявляются проблемные аспекты реализации его положений на практике, а также перспективы развития корпоративного договора. Исследование опирается на сравнительно-правовой анализ и современную судебную практику.

Ключевые слова: корпоративный договор, акционер, участник общества, корпоративные отношения, регулирование, Гражданский кодекс, устав.

Yu. O. Prilutskaya
Master's student, Lebedev Russian State University of Justice

CORPORATE CONTRACT AS A MEANS OF REGULATING CORPORATE RELATIONS IN RUSSIA: PROBLEMS AND DEVELOPMENT PROSPECTS

The article examines the legal nature of a corporate contract as a tool for regulating corporate relations in the Russian legal system. Its importance for increasing the flexibility of internal management in business entities is analyzed, and problematic aspects of the implementation of its provisions in practice are identified. The research is based on comparative legal analysis and modern judicial practice.

Keywords: corporate agreement, shareholder, member of the company, corporate relations, regulation, Civil Code, charter.

Современное корпоративное право стремится к балансу интересов различных участников корпоративных отношений. Одним из важнейших инструментов достижения такого баланса является корпоративный договор. С 2014 года, после внесения изменений в статью 67.2 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), данный институт получил правовое закрепление, что открыло новые возможности для регулирования внутренних механизмов управления в хозяйственных обществах.

Корпоративный договор представляет собой соглашение между участниками общества (ООО, АО), в котором они обязуются осуществлять свои корпоративные права определенным образом или воздерживаться от их осуществления. Договор

может содержать обязательства голосовать определенным образом, согласовывать действия, приобретать или отчуждать доли/акции и иные положения.

С юридической точки зрения корпоративный договор относится к категории обязательственных сделок, подчиняющихся общим правилам договорного права, при этом он не заменяет устав, а действует параллельно с ним, уточняя и конкретизируя внутренние правила взаимодействия.

Несмотря на признание корпоративного договора в качестве легитимного инструмента регулирования корпоративных отношений, его практическое применение в России сопровождается рядом существенных проблем. Основной проблемой является фрагментарность и недостаточная регламентация института в действующем законодательстве. Статья 67.2 ГК РФ лишь в общих чертах определяет допустимое содержание корпоративного договора, оставляя множество вопросов без ответа. Не определены правовые последствия нарушения условий договора, не урегулированы отношения между договором и уставом общества при возникновении коллизий, не разработаны процессуальные механизмы принудительного исполнения отдельных обязательств, в частности — обязательств по голосованию определенным образом.

Серьезной проблемой является отсутствие механизма эффективного исполнения обязательств участников общества, вытекающих из корпоративного договора, особенно в части обязательства голосовать на общем собрании в соответствии с договорными условиями. Хотя такие обязательства формально являются допустимыми, на практике они трудно реализуемы. Действующее законодательство не содержит положений, позволяющих признать решение общего собрания недействительным лишь на основании того, что при его принятии один из участников нарушил условия корпоративного договора.

Дополнительные сложности возникают в связи с конфиденциальным характером корпоративного договора. Законодательство не требует обязательного раскрытия или государственной регистрации такого договора, что затрудняет защиту прав заинтересованных лиц, в частности — потенциальных инвесторов, кредиторов или миноритариев. Отсутствие публичного доступа к условиям корпоративного договора создает риски его злоупотребления и усложняет судебную защиту при его нарушении.

Неурегулированным остается и вопрос приоритета между уставом общества и корпоративным договором. Согласно пункту 2 статьи 67.2 ГК РФ, корпоративный договор не должен противоречить уставу. Однако на практике возможно наличие положений, формально не вступающих в прямое противоречие с уставом, но существенно его дополняющих или изменяющих смысл отдельных положений. В таких случаях суды вынуждены по сути решать вопрос о допустимых пределах договорного регулирования корпоративных отношений, что в условиях отсутствия однозначных критериев приводит к неоднородности судебной практики.

Кроме того, корпоративный договор ограниченно применим в публичных акционерных обществах (далее – ПАО). Специфика правового режима ПАО, включающая обязательные требования к раскрытию информации, равенству прав акционеров и публичному обращению акций, существенно сужает сферу допустимого регулирования в рамках корпоративного договора. Это особенно актуально в случае большого количества участников, между которыми невозможно обеспечить стабильные договорные обязательства без нарушения принципа свободного распоряжения акциями.

Перспективы развития института корпоративного договора в российском праве представляют собой важное направление как в научной, так и в практико-правовой плоскости. Несмотря на то что сам институт был формализован в российском законодательстве сравнительно недавно, в 2009 году – сначала для акционерных обществ, а затем и для обществ с ограниченной ответственностью, – его потенциал еще далеко не реализован. Современная правовая действительность указывает на необходимость комплексного развития этого правового инструмента с учетом существующих проблем и растущих потребностей корпоративной практики.

Одним из ключевых направлений является совершенствование законодательного регулирования. В настоящее время правовое положение корпоративного договора определяется в первую очередь статьей 67.2 Гражданского кодекса РФ. Однако данная норма носит рамочный характер и не регулирует многих важных аспектов.

В связи с этим перспективным видится развитие законодательства в сторону конкретизации содержания корпоративного договора, расширения перечня допустимых условий, а также закрепления прямых механизмов правовой защиты участников в случае нарушения договора.

Значительную роль в развитии института корпоративного договора может сыграть и судебная практика. На данный момент она формируется постепенно и зачастую противоречиво, особенно в части допустимости влияния условий корпоративного договора на действительность решений органов управления. Однако тенденция к признанию юридической силы таких договоров уже обозначена: в ряде решений арбитражных судов указывается на необходимость соблюдения договорных условий при принятии корпоративных решений, особенно если корпоративный договор заключен всеми участниками общества. Перспективным направлением является формирование стабильных и единообразных подходов высших судебных инстанций, в первую очередь Верховного Суда РФ, что будет способствовать правовой определенности и устойчивости корпоративных отношений.

Следующей перспективой выступает расширение сферы применения корпоративных договоров. В настоящее время они преимущественно используются в непубличных обществах, в то время как в публичных акционерных обществах

применение такого договора затруднено в силу жестких требований корпоративного законодательства и принципов раскрытия информации. Однако при условии законодательного уточнения возможна более широкая интеграция корпоративных договоров и в публичную сферу, особенно с учетом потребностей крупных инвесторов, венчурных фондов и институциональных акционеров. Это потребует баланса между публичными требованиями корпоративного права и частной автономией в договорных отношениях между акционерами.

Еще одним вектором развития института корпоративного договора может стать его цифровизация. Внедрение электронного документооборота, регистрация корпоративных договоров в электронных реестрах, возможность заключения и исполнения корпоративных соглашений с использованием цифровой подписи и блокчейн-технологий способны повысить эффективность, прозрачность и надежность договорных механизмов. Особенно перспективно применение смарт-контрактов, автоматически исполняющих определенные положения корпоративного договора при наступлении заранее заданных условий.

Кроме того, важным направлением является разработка типовых корпоративных договоров и правовых моделей, которые могут быть рекомендованы законодателем или деловыми объединениями. Такие модели позволят снизить транзакционные издержки, упростить применение института для малого и среднего бизнеса, а также минимизировать правовые риски, связанные с составлением и толкованием индивидуальных соглашений.

Корпоративный договор в России находится на стадии активного становления. В ближайшие годы можно ожидать его нормативного закрепления на более высоком уровне, развития судебной практики, расширения области применения и интеграции с цифровыми платформами. При сохранении интереса со стороны бизнеса и поддержки со стороны законодателя, корпоративный договор способен стать эффективным инструментом обеспечения баланса интересов участников, повышения прозрачности и устойчивости корпоративного управления.

Литература

1. Бородкин В. Г. Гражданско-правовое регулирование корпоративного договора в российском праве: монография. М.: Юстицинформ, 2017.
2. Клячин А. А. Корпоративный договор как юридический факт // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Экономика и право». 2015. С. 156–161).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024)
4. Калмыкова Е. В. Корпоративный договор: российская и зарубежная практика // Журнал российского права. 2022. № 7.

Д. Е. Рагоза

Курсант МосУ МВД России имени В. Я. Кикотя

Научный руководитель: В. Э. Деревянко

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ГРАЖДАНСКОГО И УГОЛОВНОГО СУДОПРОИЗВОДСТВА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Гражданское и уголовное судопроизводство представляют собой формы отправления правосудия, каждая из которых имеет свои особенности, на основании которых осуществляется защита прав и законных интересов граждан. Современное законодательство предусматривает большой перечень механизмов сохранения и восстановления нарушенных прав, что позволяет в полной мере реализовывать свои гражданские возможности.

Ключевые слова: гражданское судопроизводство, уголовное судопроизводство.

D. E. Ragoza

Cadet, Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia

Supervisor: V. E. Derevyanko

COMPARATIVE ANALYSIS OF CIVIL AND CRIMINAL PROCEEDINGS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Civil and criminal proceedings are forms of administration of justice, each of which has its own characteristics, on the basis of which the protection of the rights and legitimate interests of citizens is carried out. Modern legislation provides for a large list of mechanisms for preserving and restoring violated rights, which allows you to fully realize your civil opportunities.

Keywords: civil proceedings, criminal proceedings,

Говоря об объединяющих чертах гражданского и уголовного судопроизводства, стоит начать с того, что в любой из названных форм отправления правосудия, стоит вопрос о защите нарушенных прав, потребности какого-либо лица/организации в их восстановлении. Перед началом рассмотрения указанной темы, важно отметить, что «абсолютным лидером по числу темпоральных исследований в современном процессуальном праве является наука уголовно-процессуального права, оставляя далеко позади гражданско-процессуальную науку»¹. Причина такого положения вещей кроется в самой природе уголовного процесса, где время играет критически важную роль в обеспечении справедливости и соблюдении прав участников. Оперативность расследования, соблюдение сроков содержания под стражей, разумность сроков судебного разбирательства – все это напрямую

влияет на законность и обоснованность принимаемых решений, а также на защиту прав и свобод личности.

В отличие от гражданского процесса, где временные рамки часто носят более гибкий характер, в уголовном процессе нарушение сроков может повлечь за собой серьезные последствия, такие как признание доказательств недопустимыми, освобождение обвиняемого из-под стражи или даже прекращение уголовного дела. Именно поэтому уголовно-процессуальная наука уделяет столь пристальное внимание вопросам темпоральности, стремясь выработать четкие и однозначные правила, обеспечивающие соблюдение сроков и разумную продолжительность процессуальных действий.

Применительно к законодательно определенным общностям данных видов судопроизводства отметим тот факт, что уголовно-процессуальный кодекс, наряду с гражданско-процессуальным, предусматривает сходство в принципах. Объединяющими принципиальными положениями для двух исследуемых видов судопроизводства, во-первых, является законность, предполагающая отправление правосудия в строгом соответствии с законодательными положениями, во-вторых – осуществление правосудия только судом, в-третьих – независимость судей. Отдельно отметим принцип разумного срока, поскольку фундаментальным элементом справедливого судебного процесса, установленного положениями статьи 46 Конституции Российской Федерации, обязывающий государство обеспечивать рассмотрение дел в течение периода времени, который считается необходимым для достижения правосудия без неоправданных задержек. Также, фактором, объединяющим уголовное и гражданское судопроизводство безусловно является право на защиту, которое, в свою очередь гарантируется Конституцией РФ и означает то, что каждый гражданин может рассчитывать на гарантии касающиеся обеспечения сохранности его прав и свобод. Кроме того, для любого судебного процесса принимаемое по его итогу решение является обязательным для исполнения.

Несмотря на перечисленные ранее сходства, стоит понимать, что гражданское судопроизводство имеет ряд отличительных признаков, присущих только ему. Безусловно, отличия наблюдаются во всей структуре судебного процесса. Начать стоит с предмета регулирования, представляющего собой сложную систему общественных отношений, происхождение которых обусловлено возникновением устойчивых связей, урегулированных нормами права, а также взаимодействием общественных и государственных институтов, на защиту и обеспечение благосостояния которых нацелено судопроизводство. Итак, предметом уголовного судопроизводства являются общественные отношения, складывающиеся в ходе рассмотрения и разрешения вопросов о возбуждении и расследовании уголовного дела, решения о привлечении виновного к уголовной ответственности. Тогда как предметом гражданского судопроизводства являются общественные отношения в сфере гражданского права, а именно защита имущественных, личных

неимущественных, интеллектуальных и иных прав граждан. Целью гражданского судопроизводства является достижение правовой определенности и справедливости в частноправовых отношениях, а уголовное судопроизводство ставит перед собой иные цели, в частности установление виновности/невиновности лица в совершении преступления, назначение справедливого наказания виновному и защита прав и законных интересов лиц, пострадавших от преступления, а также обеспечение безопасности общества от преступных посягательств, законности и правопорядка.

Рассматривая вопросы разграничения уголовного и гражданского судопроизводства, стоит сказать об участниках. В случае проведения судебного заседания в рамках гражданского процесса в качестве участников выступают стороны (являющиеся соответственно истцом и ответчиком), третьи лица, прокурор и лица, вступающие в процесс в целях дачи заключения по основаниям, предусмотренным статьями 4, 46 и 47 ГПК РФ, заявители и другие заинтересованные лица по делам особого производства². В уголовном же судопроизводстве имеет место быть разграничение участников на сторону обвинения и сторону защиты, суд в данном случае выступает независимым участником, не относящимся ни к одной из сторон.

В рамках исследуемой темы стоит затронуть такой важный элемент судопроизводства как бремя доказывания, т.е. обязанность предоставления доказательств. В рамках гражданского процесса, бремя доказывания обстоятельств, служащих основанием для заявленных требований и выдвинутых возражений, возлагается на соответствующие стороны (ст. 56 ГПК РФ). Содействие суда в получении доказательств является мерой исключительной, применяемой лишь при наличии объективной невозможности самостоятельного представления доказательств стороной³. В уголовном судопроизводстве же бремя доказывания лежит на стороне обвинения. Согласно статье 14 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, обвиняемый не обязан доказывать свою невиновность. Опровержение доводов обвинения и представление доказательств, свидетельствующих в пользу обвиняемого, является правом, но не обязанностью. Бремя доказывания вины возлагается на государственного обвинителя, представляющего интересы государства. Любые сомнения в виновности лица, которые не могут быть устранены в установленном законом порядке, толкуются в пользу обвиняемого. «Некоторые общеправовые принципы вообще не применяются в гражданско-правовых отношениях — например, презумпция невиновности. В гражданском праве действует презумпция вины»⁴. Таким образом, распределение бремени доказывания в гражданском и уголовном процессах существенно различается, отражая различные цели и принципы данных отраслей права. В гражданском процессе стороны несут равную ответственность за предоставление доказательств, в то время как в уголовном процессе ответственность за доказывание несет сторона обвинения.

Отличительной чертой каждого из видов судопроизводств является форма принимаемого судом решения. Обращаясь к гражданскому процессу можно увидеть, что судебное разбирательство происходит по заявлению лица (гражданскому иску), решение по которому представляет собой удовлетворение или отказ в удовлетворении иска, определение суда, судебный приказ. В уголовном же процессе существуют следующие виды итоговых решений: приговор, определение или постановление суда.

Исходя из рассмотренного, приходим к выводу о том, что гражданское и уголовное судопроизводство представляют собой две различные формы осуществления правосудия, каждая из которых имеет свои отличительные признаки и индивидуальный предмет. Гражданский процесс направлен на защиту частных прав и интересов граждан, а уголовное судопроизводство обеспечивает должную защиту безопасности общества от преступных посягательств. Эти различия обусловлены разным характером разрешаемых в процессе отправления правосудия споров и применяемыми мерами воздействия.

Литература

1. Голубцов В. Г. Применение гражданского процессуального закона во времени // Вестник гражданского процесса. 2021. Т. 11. № 3. С. 132–152. DOI: 10.24031/2226-0781-2021-11-3-132-152.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025).
3. О подготовке гражданских дел к судебному разбирательству: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.06.2008 № 11.
4. Кузнецова О. А. Конституция РФ и принципы гражданского права // 20 лет Конституции РФ: актуальные проблемы юридической науки и правоприменения в условиях совершенствования российского законодательства: Четвертый пермский конгресс ученых-юристов (г. Пермь, 18–19 октября 2013г.): избранные материалы / отв. ред. В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2014. С. 184–187.

Н. А. Селезнева
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: В. В. Акинфиева

САМОЗАНЯТЫЕ ЛИЦА: МЕЖОТРАСЛЕВЫЕ ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ В ОБЛАСТИ ТРУДОВОГО ПРАВА И ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

В статье рассматривается режим самозанятого гражданина, особенности его правового регулирования, проблемы идентификации статуса самозанятого, а также использование данного гражданско-правового способа взаимодействия для обхода законодательных ограничений.

Ключевые слова: самозанятый, хозяйственная деятельность, налог на профессиональный доход.

N. A. Selezneva
Master's student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

SELF-EMPLOYED PERSONS: INTERSECTORAL PROBLEMS OF REGULATION IN THE FIELD OF LABOR LAW AND ENTREPRENEURSHIP

The article examines the self-employed citizen regime, the specifics of its legal regulation, the problems of identifying the status of a self-employed person, as well as the use of this civil-law method of interaction to circumvent legislative restrictions.

Keyword: self-employed, economic activity, professional income tax.

Динамика геополитических явлений, прогресс в области цифровизации производственных и технологических процессов прямым образом трансформируют инструменты правового регулирования экономических отношений.

В рамках данной статьи предлагается рассмотреть категорию: «самозанятый гражданин / лицо», определить границы понятия, отличия и особенности правового регулирования данного явления.

Прежде всего, стоит отметить, что на текущий момент законодатель не дает четкой дефиниции данному явлению, что все же настоятельно требует конкретных определений и инструментов правового регулирования. «Самозанятость» как явление было закреплено в законодательстве путем принятия Федерального закона от 27.11.2018 № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» (далее – Закон № 422-ФЗ). Федеральным законом от 26.07.2017 № 199-ФЗ, которым внесены

изменения в статьях 2 и 23 Гражданского кодекса Российской Федерации, понятие деятельности самозанятого отграничено от обычной предпринимательской деятельности и установлены отличия статуса самозанятого от индивидуального предпринимателя, что позволило самозанятым гражданам избегать незаконной предпринимательской деятельности. Пункт 1 статьи 4 Закона № 422-ФЗ определяет самозанятого как плательщика налога на профессиональный доход (далее – НПД). Для перехода на данный режим физическое лицо должно соответствовать определенным параметрам, приведенным в вышеуказанном федеральном законе.

Пункт 7 статьи 83 и пункт 70 статьи 217 Налогового кодекса РФ определено, что самозанятые не уплачивают НДФЛ с той деятельности, которую ведут в рамках своей самозанятости, так как их доход облагается НПД.

Здесь же, в пункте 7 статьи 2 Закона № 422-ФЗ дается определение понятию «профессиональный доход» как прибыли физических лиц от деятельности, при ведении которой они не имеют работодателя и не привлекают наемных работников по трудовым договорам, а также доход от использования имущества.

Далее в Законе № 422-ФЗ в пункте 8 статьи 2 установлено, что физические лица, применяющие специальный налоговый режим, освобождаются от налога на доходы физических лиц, но это касается только тех услуг, которые оказаны в качестве самозанятого.

В то же время в пункте 3.18 ГОСТа 12.0.004-2015 указано, что самозанятый – это гражданин, самостоятельно занятый трудом по оказанию услуг в рамках договоров гражданско-правового характера, в том числе в форме индивидуального предпринимательства.

Наличие общих черт у индивидуального предпринимательства и режима самозанятого создает определенные сложности для их идентификации. Споры с участием индивидуальных предпринимателей и самозанятых граждан рассматриваются судами общей юрисдикции; между организациями и индивидуальными предпринимателями – в арбитражных судах. Вместе с тем, для режима самозанятого есть ряд ограничений, связанных с пределами размеров получаемых ими доходов, невозможностью привлечения третьих лиц для выполнения услуг и невозможностью заключения с ними трудовых договоров. Что, к слову говоря, не распространяется на предпринимателей.

Законодателем предпринята попытка разграничить объемы понятий «занятость» и «самозанятый гражданин». В статье 2 Закона о занятости населения определен закрытый перечень тех субъектов, кого принято считать занятым. В него включена категория «самозанятого гражданина», однако дальнейшего развития в Законе данная категория не имеет.

В связи с вышеизложенным ряд исследователей считают, что самозанятость подлежит системному изучению и доктринальному объяснению через комплексный анализ смежных категорий. В рамках данной статьи стоит четко разграничить

исследуемую категорию от категории лиц, занимающихся частной профессиональной деятельностью, во избежание судебных споров. Возможность индивидуальным предпринимателям использовать налоговый режим – НПД – спровоцировала дополнительную путаницу в определении границ категорий самозанятого и индивидуального предпринимателя. Часть индивидуальных предпринимателей сменили статус на самозанятого ввиду меньшей налоговой нагрузки.

Оформление трудовых отношений может стать довольно обременительной процедурой для компании-работодателя, так как это требует уплаты страховых взносов, обеспечения наемного персонала трудовыми льготами и гарантиями. Руководствуясь исключительно приоритетом минимизации расходов, работодатель может попасть в непростую ситуацию и понести убытки: судебные расходы, штрафы, доначисление налогов, страховых взносов, пени и пр. – в случаях признания отношений с плательщиками НПД трудовыми. Судебная практика в этой части за последнее время существенно пополняется принятыми решениями, а нововведения в Трудовом законодательстве на 2025 год говорят о том, что инструменты воздействия и правового регулирования становятся точными и строгими в отношении юридических лиц в этом направлении.

Стоит подчеркнуть, что самозанятый, по существу, это самостоятельный субъект экономической деятельности, он не связан с заказчиком отношениями, регулируемыми ТК РФ.

Важность определения правовой природы отношений, возникающих между субъектами экономической деятельности, детерминирована не только фискальными целями, но и необходимостью решать социальные проблемы. Применение гражданско-правовых конструкций вместо заключения трудовых договоров приводит к ущемлению прав работающих лиц, которые утрачивают статус работника и лишаются гарантий, закрепленных в трудовом законодательстве. Работодатель, принуждая трудящегося отказаться от статуса работника, лишает трудящегося законодательных гарантий, нарушает право, на свободу труда, декларируемое Конституцией РФ. Однако законодатель в статье 15 ТК РФ устанавливает прямой запрет на подмену трудового договора отношениями гражданско-правового характера (ч. 3 ст. 19.1 ТК РФ). Он также предусмотрел ряд инструментов для исключения нелегитимных схем взаимодействия, определил виды наказаний в виде системы штрафов в случае нарушения норм законодательства. ФНС и Роструд призваны выявлять ситуации, когда трудовые отношения прикрываются самозанятостью. Специальная скрининговая система фиксирует организации с признаками замены трудовых отношений договорами, заключаемыми с самозанятыми.

В области трудового права также имеют место быть характерные отличия: отсутствие постоянства взаимодействия самозанятого с заказчиком работ / услуг, отсутствие контроля со стороны компании-заказчика (кроме сроков и уровня качества результата). Заказчик не обязан самозанятому предоставлять отпуск и оплачивать больничные листы.

В 2024 году Приказом Минтруда России от 02.02.2024 № 40н определен перечень критериев, определенным образом указывающих на незаконное взаимодействие с плательщиками НПД.

Стоит отметить значимую роль явления самозанятости как индикатора новой экономико-правовой реальности, соответствующей принципам свободы предпринимательской деятельности и свободы труда. Коллизии, которые еще предстоит решать законодателю, некоторое время будут сохраняться, оперативно эти противоречия решить не представляется возможным. Однако в данном случае важно соблюсти баланс интересов государства в части налоговых сборов и интересов граждан в части реализации принципа свободы. Данный механизм разрабатывает Правительство РФ, реализуя мероприятия административного характера.

Самозанятость – это старт для предпринимательской деятельности, и важно исключить ситуации, когда данный механизм используется для «обхода закона» с целью снижения налогового бремени. В ходе становления социально-экономической реальности и новых правовых явлений вполне правомерным является участие государства для обеспечения текущего контроля в данной сфере.

Литература

1. ГОСТ 12.0.004-2015. Межгосударственный стандарт. Система стандартов безопасности труда. Организаций обучения безопасности труда. Общие положения (вместе с Программами обучения безопасности труда) (введен в действие Приказом Госстандарта от 09.06.2016 № 600-ст). М.: Стандартинформ, 2016.
2. Ершова И. В., Трофимова Е. В. Самозанятость: реперные точки формирования правового режима // Предпринимательское право. 2017. № 3. С. 3-12.
3. Макарова Л. А., Невзгодина Е. Л. Правовой статус самозанятых граждан // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2021. Т. 18. № 4. С. 39-49.
4. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. В. Г. Голубцов. 2 изд., перераб. И доп. М.: Статут, 2023. 482 с.
5. Слесарев С. Когда самозанятых могут признать работниками: судебная практик» // ДЕЛОПРЕСС. <https://delo-press.ru/journals/staff/pravovoe-obespechenie-deyatelnosti/68115-kogda-samozanyatykh-mogut-priznat-rabotnikami-sudebnaya-praktika/?ysclid=m85x7j0pkt999834846> (дата обращения: 15.12.2024).

Д. Н. Тимохин
Магистрант СПбГЭУ
Научный руководитель: К. Б. Кораев

ОГРАНИЧЕНИЕ ИСПОЛНИТЕЛЬСКОГО ИММУНИТЕТА В ОТНОШЕНИИ ЕДИНСТВЕННОГО ЖИЛИЩА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ШВЕЦИИ

Посредством анализа отечественной и шведской судебной практики представлены общие подходы и критерии, на которые ориентируются высшие суды данных стран при ограничении или сохранении исполнительского иммунитета в отношении единственного жилища.

Ключевые слова: банкротство физических лиц, оценочные понятия в банкротстве, единственное жилище, интересы должника и кредиторов при обращении взыскания на единственное жилище.

D. N. Timokhin
Master's student, St. Petersburg State University of Economics
Supervisor: K. B. Koraev

REMOVAL OF ENFORCEMENT IMMUNITY FROM THE ONLY BANKRUPT'S HOME IN RUSSIAN FEDERATION AND SWEDEN

Through the analysis of Russian and Swedish judicial practice, the general approaches and requirements on which the highest courts of these countries are guided when removal of enforcement immunity from the only bankrupt's home.

Keywords: personal bankruptcy, appraisal concepts in bankruptcy, bankrupt's home, interests of debtor and creditors in removal of enforcement immunity from the only bankrupt's home.

Защита права физического лица иметь на законных основаниях собственное жилище является неотъемлемой частью политики государства в области социального обеспечения. Как указывает Е. В. Аристов, «конституционные социальные права человека и гражданина – это гарантированные государством возможности удовлетворения жизненных потребностей человека, его достоинство жизни и свободного развития»¹.

Шведское законодательство исходит из относительности иммунитета в отношении единственного жилища. Исключениями, позволяющими ограничить исполнительский иммунитет физического лица в отношении жилища, являются: (1) нецелесообразность ограничения взыскания на жилище должника с учетом его потребностей или исходя из стоимости жилища и (2) приобретение должником жилища в ущерб интересам кредиторов, путем злоупотребления своим правом на

исполнительский иммунитет² Суды при ограничении исполнительного иммунитета в отношении жилища опираются на принцип соразмерности между потерями должника и выгодами кредиторов. Приведем несколько судебных актов, которые позволяют понять подходы в отношении ограничения исполнительского иммунитета на которые ориентируется Верховный Суд Швеции (далее – Верховный Суд).

Верховный Суд в 1987 году сделал вывод о том, что при ограничении исполнительского иммунитета в отношении жилого помещения необходимо учитывать стоимость данного жилого помещения. Верховный Суд подчеркнул, что хотя невозможно установить единый стандарт, после которого предоставление исполнительского иммунитета в отношении жилища считается неразумным, однако, стоимость жилища должна соотноситься со стоимостью вновь построенных квартир с примерно такими же условиями проживания, тем самым служа ориентиром для определения разумных потребностей должника и его семьи³.

В последующих судебных актах Верховный Суд стал больше ориентировать нижестоящие инстанции обращать внимание на затрагиваемые права не только должника, но и членов его семьи. В частности, Верховный суд учел потребности и состояние здоровья членов семьи и самого должника (у жены тяжелые проблемы со спиной и аллергическая инфекция легких, муж болен астмой и получает пенсию по инвалидности, у сына сильная аллергия. Квартира, расположенная на первом этаже, адаптирована под нужды семьи), и указал, что должник и члены его семьи явно нуждаются в данной квартире⁴. Также в деле NJA 1990 s. 261 Верховный суд учел тот факт, что, хотя должник проживал один и квартира имеет значительную стоимость, однако, следует учитывать особые потребности должника (должник являлся инвалидом на коляске и квартира была приспособлена для должника)⁵.

Если в числе членов семьи есть дети, то судам необходимо следовать позиции по обеспечению наилучших интересов ребенка. В 2021 году Верховный суд⁶ сделал ряд важных правовых позиций, позволяющих иметь лучшее представление о доктрине наилучших интересах ребенка: во-первых, наилучшие интересы ребенка должны учитываться в первую очередь при принятии всех мер, затрагивающих детей, однако, это не означает, что наилучшие интересы ребенка всегда должны занимать решающее место; во-вторых, ожидаемый результат ограничение исполнительского иммунитета должен быть настолько значительным, что также станет оправданным для наилучших интересов ребенка; в-третьих, должны быть выяснены интересы ребенка в проживании в настоящем месте жительства (в том числе, трудности для детей в переезде на новое место жительства, имеются ли у детей друзья, находится ли учебное заведение и другие секции для детей неподалеку).

Таким образом, основа правовой аргументации Верховного суда Швеции в области ограничения исполнительского иммунитета лежит в плоскости взвешивания аргументов «за» и «против», придерживаясь той линии, что обращение

взыскания осуществляется только в том случае, если ожидаемая к взысканию сумма после вычета расходов, понесенных после обращения взыскания, дает излишек, который делает эту меру оправданной (принцип соразмерности). В деле NJA 2021 s. 1065 Верховный суд подчеркнул, что небольшого излишка не должно быть достаточно, поэтому размер ожидаемого результата должен быть таким, чтобы ограничение исполнительского иммунитета представлялось оправданным⁶.

Принцип соразмерности следует толковать расширительно, не пренебрегая правами членов семьи и особенно правами несовершеннолетних детей. По такому же пути, в том числе идет английская судебная практика. Ф. Толми, изучая английскую судебную практику, привел два судебных акта, которые показывают, что для английского права также не безразличны права членов семьи должника и в особенности несовершеннолетних детей. Ф. Толми указывает, что «в деле *Cloughton v. Charalambous* [1999] супруга банкрота страдала от хронической почечной недостаточности и остеоартрита и имела сокращенную продолжительность жизни; суд приостановил действие приказа о продаже до тех пор, пока жена могла проживать в доме. В деле *Re Citro* [1991] Верховный Суд Англии рассмотрев обстоятельства семей и, в частности, тот факт, что не было возможности приобрести другое жилье в этом районе, которое не привело бы к проблемам со школьным образованием, суд ввел положение об отсрочке продажи до достижения младшим ребенком 16-летнего возраста»⁷. Также не стоит забывать и об общей направленности рыночной экономики на получение кредита насколько возможно дешевле. Так, Верховный суд подчеркнул, что, если на жилую недвижимость, принадлежащую семьям с детьми, никогда не будет обращено взыскание, это может привести к тому, что семьи с детьми не смогут получить кредит на покупку жилья или к очень высоким процентным ставкам по таким кредитам⁸.

Отечественный правопорядок совсем недавно стал опираться на позиции относительного исполнительского иммунитета в отношении единственного жилища. Верховный суд Российской Федерации ориентирует суды исследовать все обстоятельства дела, связанные с характеристиками единственного жилища, положением должника и количеством членов его семьи. Суды, в том числе анализируют состав членов семьи, состояние их здоровья, изменившиеся условия рынка жилья в регионе, доступность инфраструктуры, близость работы для должника и школы (детских садов) для детей, качественные характеристики жилища, а также эффективность погашения реестра требований кредиторов⁹. Для Верховного Суда, в частности, одним из определяющих доводов для определения дальнейшей судьбы жилища является размер прогнозируемого пополнения конкурсной массы¹⁰. Право должника на жилище находится в системе ценностей социального государства¹¹. Жилище должно являться разумно достаточным для удовлетворения конституционно значимой потребности в жилище. Процедура ограничения

исполнительного иммунитета не должна стать карательной санкцией для должника и членов его семьи.

Таким образом, судебные акты отечественных судов находятся в парадигме исследования всех заслуживающих обстоятельств для вынесения правомерного судебного решения об ограничении исполнительского иммунитета.

Исходя из всего вышеперечисленного, для отечественной судебной практики можно предложить следующие дополнительные критерии для ограничения исполнительского иммунитета в отношении единственного жилища должника:

- учитывать затрагиваемые права как должника, так и членов его семьи, в том числе потребности и состояние здоровья членов семьи и самого должника. Если в числе членов семьи есть дети, то судам необходимо следовать позиции обеспечения наилучших интересов ребенка. Ожидаемый результат ограничения исполнительского иммунитета должен быть настолько значительным, что станет оправданным также для наилучших интересов ребенка;

- учитывать сумму излишка после вычета расходов, понесенных вследствие обращения взыскания на единственное жилище, которая делает меру оправданной. Небольшого излишка не должно быть достаточно, поэтому размер ожидаемого результата должен быть таким, чтобы ограничение иммунитета представлялось оправданным в свете заинтересованности должника и членов его семьи. Лишение жилища является крайней формой вмешательства государства;

- учитывать принцип соразмерности между потерями должника и выгодами кредиторов при ограничении исполнительного иммунитета в отношении единственного жилища. Данный принцип можно разделить на три взаимосвязанных элемента: во-первых, необходимо оценить, может ли данная мера достичь цели, которая преследуется. Во-вторых, сравнить с другими возможными мерами и установить, что в распоряжении нет других рычагов воздействия для погашения требований кредиторов. И в-третьих, взвесить выигрыш, который несет вмешательство для общества в лице кредиторов, и проигрыш, который он несет для должника.

Подводя итоги, необходимо подчеркнуть, что как для шведской, так и для отечественных судов в каждом конкретном случае необходимо анализировать и противопоставлять интересы должника и кредиторов, тем самым делать вывод о целесообразности ограничения исполнительского иммунитета. Каждый судебный спор индивидуален, что не должно «мешать» или настраивать на негативный лад судей при взвешивании аргументов сторон спора в процессе банкротства физического лица. Как указывает В. Г. Голубцов, «обобщающие понятия с открытой аргументацией давно и оправданно отнесены к устойчивым элементам правового регулирования...»¹². Отечественная доктрина в силах построить целостную систему критериев ограничения исполнительского иммунитета в отношении единственного жилища должника посредством анализа как отечественного, так и зарубежного опыта.

Литература

1. Аристов Е. В. Социальное государство в контексте социальных прав // Закон и право. 2020. № 5. С. 15–19.
2. Utsökningsbalk (1981:774). URL: https://www.riksdagen.se/sv/dokument-och-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/utsokningsbalk-1981774_sfs-1981-774/ (дата обращения 23.01.2025).
3. Högsta domstolen, NJA 1987 s. 575. URL: <https://lagen.nu/dom/nja/1987s575> (дата обращения 04.02.2025).
4. Högsta domstolen, NJA 1989 s. 409. URL: <https://lagen.nu/dom/nja/1989s409> (дата обращения 26.01.2025).
5. Högsta domstolen, NJA 1990 s. 261. URL: <https://lagen.nu/dom/nja/1990s261> (дата обращения 26.01.2025).
6. Högsta domstolen, NJA 2021 s. 1065. URL: <https://lagen.nu/dom/nja/2021s1065> (дата обращения 28.01.2025).
7. Tolmie F. Corporate and personal insolvency law. Publisher Routledge-Cavendish. 2017. P. 297-304.
8. Högsta domstolen, NJA 2013 s. 1241. URL: <https://lagen.nu/dom/nja/2013s1241> (дата обращения 23.01.2025).
9. Постановления: Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.02.2025 № Ф01-6669/2024 по делу № А43-17710/2020; Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 02.12.2024 № Ф01-4787/2024 по делу № А82-5045/2020; Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 23.10.2024 № Ф01- 4574/2024 по делу № А43-19729/2019; Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 06.09.2024 № Ф02-3728/2024, Ф02-3674/2024, Ф02-3672/2024 по делу № А58-5237/2016; Арбитражного суда Дальневосточного округа от 04.09.2024 № Ф03-3377/2024 по делу № А73-24114/2019. [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 24.10.2024 № 302-ЭС23-10298(2) по делу № А33-18794/2021. [Электронный ресурс]. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» (ред. от 17.12.2024) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 12. П. 39.
12. Голубцов В. Г. Оценочные понятия в европейском частном праве // Правовая парадигма. 2019. Т. 18, № 2. С. 19–29.

Д. В. Трач
Магистрант СПбГЭУ
Научный руководитель: А. В. Шуваев

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОХРАНЕНИЯ САМОВОЛЬНОЙ ПОСТРОЙКИ

Статья посвящена вопросам сохранения самовольного строительства по законодательству Российской Федерации. Тема является актуальной в силу наличия определенных пробелов правового регулирования данного процесса. В процессе исследования зафиксированы ключевые проблемы данного процесса, которые так или иначе препятствуют защите частных и публичных интересов.

Ключевые слова: самовольная постройка, сохранение самовольной постройки, строительство, сооружение, собственность.

D. V. Trach
Master's student, St. Petersburg State University of Economics
Supervisor: A. V. Shuvaev

ACTUAL PROBLEMS OF PRESERVING UNAUTHORIZED BUILDINGS

The presented article is devoted to the issues of preserving unauthorized construction under the legislation of the Russian Federation. The topic is relevant due to the presence of certain gaps in the legal regulation of this process. In the course of the research, the key problems of this process are fixed, which in one way or another hinder the protection of private and public interests.

Keywords: Unauthorized construction, preservation of unauthorized buildings, construction, construction, property.

Актуальность работы обусловлена наличием ряда проблем теоретического и практического характера, которые отрицательно сказываются на правовое регулирование сохранения самовольной постройки. Иногда пробелы не позволяют провести регистрацию постройки или чрезмерно затягивают этот процесс. В иных случаях, может возникнуть сложность в легальном оформлении существующих уже длительное время зданий или сооружений в административном порядке, который раскрыт отечественным законодательством достаточно слабо.

Осуществление самовольного строительства предполагает несколько итогов – это легализация (сохранение) и снос объекта¹. В данной статье будет рассмотрено именно первое правовое последствие. Цель исследования – определить проблемы сохранения самовольной постройки, существующие в российском гражданском законодательстве. Методами исследования выступили анализ, синтез, систематизация, определение, абстрагирование, формально-юридический метод.

Перед непосредственным обращением к актуальным проблемам правового регулирования необходимо дать определение самовольной постройки и ее сохранения. Итак, в соответствии с гражданским законодательством Российской Федерации самовольная постройка – это здание или сооружение, которое удовлетворяет следующим признакам (ст. 222 ГК РФ):

- возведено на земельном участке, не предоставленном субъекту в собственность или владение;
- возведено на участке, на котором полностью запрещено строительство или строительство такого рода объектов;
- возведено без согласований с государственными органами;
- возведено с нарушением норм градостроительного законодательства (или иных нормативов).

Исходя из приведенных выше признаков, лицо, возведшее постройку, тем или иным образом нарушило правовые нормы. Поэтому и возникает вопрос о возможном сохранении или сносе объекта.

Определения «сохранения самовольной постройки» найти ни в Гражданском кодексе, ни в иных нормативно-правовых актах невозможно. Более того, доктринальные исследования так же не предлагают какого-либо понятия данного института².

Несмотря на то, что на первый взгляд понятно, что имеет в виду законодатель под сохранением самовольной постройки, по нашему мнению, отсутствие дефиниции является определенным теоретическим упущением. С учетом практического выражения сохранения самовольной постройки его можно определить в качестве «оставления возведенного с нарушением правовых норм здания или сооружения в текущем виде без применения каких-либо санкций к лицу, его возведшему». Такой термин отражает признаки института – то есть, субъект не обязывается сносить объект или каким-либо образом изменять в угоду частных интересов иных лиц или публичного интереса государства или общества в целом.

Одним из наиболее существенных пробелов в гражданском праве России является упоминание статьей 222 ГК РФ «иного порядка» (кроме судебного) признания самовольной постройки в качестве объекта собственности лица, возведшего его. Данную проблему в своих статьях разбирают, например, В. А. Бетхер³, Ю. А. Метелева⁴, и некоторые другие авторы. Никаких конкретных шагов по его реализации ни в ГК РФ⁵, ни в ГрК РФ⁶ найти нельзя (в том числе, в комментариях к ним). При этом, даже нет сведений об органах, в которые мог бы обратиться заявитель при использовании «иного» порядка, а также отсылочных норм в обоих упомянутых актах.

Авторы так же подчеркивают, что фактически подобный внесудебный вариант действительно присутствует в практике⁴. Однако полностью легальным его исполнение назвать нельзя. Обычно государственные органы идут двумя путями:

- А) оформление необходимых документов на возведение постройки «задним числом»;

Б) оформление объекта в качестве нового здания или сооружения и проведение стандартной процедуры (например, строение, возведенное в 1985 году, оформляется, как возведенное в 2020 году).

Соответственно, данный вопрос нуждается в конкретном урегулировании, чтобы субъектам не приходилось искать «обходные пути» для обеспечения собственных интересов, что подчеркивает и В. А. Бетхер. Она отмечает, что не только законодательство не содержит конкретных норм, посвященных «иному» порядку, но и судебная практика представляется «неединообразной и противоречивой»³.

По нашему мнению, второй путь, изложенный выше, выглядит относительно логичным и может быть использован для всех аналогичных правоотношений. Важно учитывать, что постройка, возведенная ранее (особенно во время действия иных нормативно-правовых актов) формально должна регулироваться теми правовыми нормами, что действовали на момент ее сооружения. Такое регулирование лишь усложнит и без того сложное правоприменение в вопросе легализации самовольных объектов строительства.

В то же время, регистрация постройки в качестве «новой» представляется значительно более простым и быстрым путем разрешения конфликта. При этом, она, в отличие от первого варианта, может более точно отражать нормативную и фактическую ситуацию, сложившуюся на момент легализации постройки. В любом случае, должен быть проведен отдельный более подробный анализ двух представленных возможностей сохранения самовольного здания или сооружения. Вполне вероятно, можно предложить и иные пути разрешения такого спорного правоотношения⁷.

Еще одной проблемой является отсутствие четкого правового регулирования режима возведенного здания или сооружения вспомогательного использования в качестве самовольной постройки. Подробно рассматривает ее, например К. С. Известкина в своей работе⁸. Она приводит в пример дело, когда суд отказал истцу в удовлетворении требований о признании права собственности на самовольно-выстроенный объект недвижимого имущества в лице контрольно-пропускного пункта (далее – КПП). Суд подчеркивает, что на основании положений статьи 222 ГК РФ и статьи 51 ГрК РФ сооружения вспомогательного использования не могут быть признаны самовольной постройкой – их признание и регистрация проходят в упрощенном порядке, что представляется даже удобным для лиц, их возведших.

С другой стороны, сегодня отечественное законодательство не дает комментариев о характеристике объектов в качестве сооружений вспомогательного использования. Это затрудняет и их регистрацию – субъект может ошибочно предполагать, что его здание или сооружение должно быть признано таковым и столкнется с отказом в удовлетворении его требований. На основании этого, как отмечает в том числе и сама К. С. Известкина, требуется внести изменения в градостроительное законодательство, которые бы раскрывали критерии статуса

строения вспомогательного использования. На данный же момент актуальным остается решение обращения в аккредитованные организации по градостроительству, которые в заключении могли бы отразить принадлежность постройки к данной категории.

Таким образом, нам удалось определить несколько проблем, связанных с сохранением объектов самовольного строительства. Во-первых, сегодня уделено недостаточно внимания теоретическому осмыслению данного объекта как в легальной, так и доктринальной литературе. Следует более подробно рассмотреть определение и ключевые признаки, а также последствия сохранения самовольной постройки.

Во-вторых, спорным является регулирование «внесудебного» порядка признания самовольно построенного здания или сооружения собственностью субъекта. На данный момент, государственные органы используют в его рамках не правовые нормы, а, скорее, пробелы в праве, позволяющие, например, регистрировать постройку «задним числом». По нашему же мнению, необходимо узаконить вариант регистрации такого рода строений в качестве «новых», то есть с прохождением всех необходимых административных процедур. Возможно, он покажется более сложным, однако именно такой путь наиболее отражает реальную и нормативную ситуацию, сложившуюся на момент легализации постройки.

В-третьих, остро стоит вопрос характеристики объектов в качестве сооружений вспомогательного пользования. Он важен для характеристики объектов в качестве самовольных построек, а также их дальнейшей регистрации. Следовало бы внести изменения в статье 51 ГрК РФ, которые бы более подробно характеризовали данный институт (опять же, минимально требуется хотя бы дать легальную дефиницию этого объекта; еще лучше бы позволил урегулировать данный спорный вопрос перечень признаков).

Литература

1. Латыпов Д. Н. Отдельные вопросы защиты вещных прав владельцев самовольных построек (обзор арбитражной судебной практики) // Закон и Право. 2017. № 11. С. 44–49.
2. Аливердиева М. А. Самовольная постройка: теоретико-правовой аспект // Закон и право. 2022. №2. С. 93–95.
3. Бетхер В. А. «Иной» порядок легализации самовольных построек: востребованная необходимость // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2016. № 1. С. 140–146.
4. Метелева Ю. А. Самовольные постройки: проблемы правоприменения // Lex Russica. 2022. № 5. С. 53–62.
5. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. 1994. 8 дек.; 2024. 8 авг.
6. Градостроительный кодекс Российской Федерации от 29.12.2004: Федер. закон № 190-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Российская газета. 2004. 30 дек.; 2024. 26 дек.
7. Левушкин А. Н. Самовольная постройка: правовые проблемы легитимации // Московский юридический журнал. 2022. № 1. С. 98–106.
8. Известкина К. С. Актуальные вопросы, возникающие в практике при признании права собственности на самовольную постройку // Вестник магистратуры. 2013. № 2. С. 93–96.

Д. А. Федюков
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Е. В. Любимова

КОМПЕНСАЦИОННОЕ ФИНАНСИРОВАНИЕ КАК ОСНОВАНИЕ ДЛЯ СУБОРДИНАЦИИ ТРЕБОВАНИЙ КРЕДИТОРОВ

В работе исследуется такое основание субординации (понижение в очередности) требований кредиторов как компенсационное финансирование. Определено какие действия можно квалифицировать в качестве компенсационного финансирования, при каких обстоятельствах требования, основанные на компенсационном финансировании, не подлежат субординации. Предлагается усовершенствовать юридическую технику правил о субординации и закрепить данные положения на законодательном уровне.

Ключевые слова: субординация требований кредиторов, компенсационное финансирование, аффилированное лицо, несостоятельность (банкротство).

D. A. Fedyukov
Master's Student, Perm State University
Supervisor: E. V. Lubimova

COMPENSATION FINANCING AS A REASON FOR SUBORDINATION OF CREDITOR'S CLAIMS

The article examines such a reason for subordination (lowering in priority) of creditors' claims as compensatory financing. It establishes which actions can be qualified as compensatory financing, under which circumstances claims based on compensatory financing are not subject to subordination. It is proposed to improve the legal technique of the rules on subordination and to consolidate these provisions at the legislative level.

Keywords: subordination of creditor's claims, compensation financing, affiliated person, bankruptcy.

В настоящее время основным ориентиром для арбитражных судов при разрешении вопросов, связанных с субординацией требований кредиторов является Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующего должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020)¹ (далее – Обзор).

Из системного толкования положений Обзора следует, что по общему правилу одним из оснований для субординации требования кредитора является установление судом обстоятельств, что требование основано на компенсационном финансировании должника аффилированным с должником лицом, в том числе лицом, контролирующим должника (п. 3, 4, 6 Обзора).

Анализ абзаца 8 подпункта 3.1 пункта 3 Обзора показывает, что компенсационным финансированием являются обстоятельства, при которых контролирующее должника лицо пытается вернуть должника, находящегося в имущественном кризисе, к нормальной предпринимательской деятельности, используя некорпоративный механизм финансирования.

С целью устранения неопределенности в указанном выше определении надлежит также установить значение таких дефиниций как имущественный кризис и некорпоративный механизм финансирования.

В понимании Обзора имущественный кризис – это момент времени, когда у контролирующего должника лица имеется обязанность обратиться заявлением о банкротстве должника, т.е. при наличии обстоятельств, указанных в пункте 1 статьи 9 Закона о банкротстве (к примеру, должник отвечает признакам неплатежеспособности, недостаточности имущества).

Некорпоративный механизм финансирования представляет собой осуществляемое контролирующим должника лицом, имеющим общность экономических интересов с должником, финансирование должника способами, отличными от взноса в уставный капитал и вклада в имущество организации.

К способам некорпоративного финансирования должника относятся в том числе:

- финансирование, оформленное договором займа;
- финансирование, оформленное договором купли-продажи, подряда, аренды и т.д. с нетипичным по отношению к общим правилам о сроке платежа условием об отсрочке, рассрочке платежа;
- финансирования путем отказа от принятия мер к истребованию;
- финансирование в результате заключения соглашения о продлении срока исполнения должником обязательства;
- финансирование, осуществленное путем предоставления обеспечения за должника (поручительство, залог и т.д.);
- финансирование в форме приобретения права требования к должнику;
- финансирование, реализованное путем исполнения обязательства за должника в отсутствие возложения соответствующей обязанности.

Перечисленные способы финансирования не являются исчерпывающими, что справедливо отмечается М. С. Кудиновой².

Суд, установив, что исполнение, являющееся основанием возникновения требования кредитора, или иные действия аффилированного с должником лица фактически были направлены на недопущение прекращения деятельности должника, вправе признать исполнение, на котором основано требование, финансированием должника.

В соответствии со сложившейся доктриной контролирующее должника лицо – это лицо, имеющее право давать обязательные для исполнения должником

указания или фактическую возможность иным образом определять действия должника³. Однако правила о субординации требований кредиторов применимы только к требованиям тех контролирующих должника лиц, которые имеют общность экономических интересов с должником (цель – участие в распределении прибыли).

По этой причине по общему правилу не подлежит субординации требование банка, основанное на кредитном договоре с условием о предоставлении залога акций (п. 11 Обзора).

В этой связи стоит согласиться с Р. Т. Мифтахутдиновым и А. И. Шайдуллиным, которые пишут: «Принципиально важно, чтобы контролирующее лицо прямо или косвенно являлось фактически совладельцем (бенефициаром) бизнеса и имело цель получения прибыли, что достигается прежде всего (но не исключительно) через прямую или косвенную контролирующую долю участия в капитале»⁴.

Аналогичным образом по общему правилу не подпадают под положения о субординации требование публично-правового образования, участвующего в формировании уставного капитала должника (п. 13 Обзора). Объясняется это целью создания образованием должника – решение общественных задач.

Последним исключением из правил является наличие субординационного соглашения между контролирующим должника лицом и мажоритарным кредитором (при условии отсутствия нарушения прав миноритарных кредиторов) по которому предоставление компенсационного финансирования должнику согласовано. Пункт 10 Обзора называет такую ситуацию частным случаем досудебной санации.

Также следует обратить внимание, что в Обзоре объясняются мотивы, по которым предоставление компенсационного финансирования влечет понижение очередности удовлетворения требования кредитора.

Положениями пункта 1 статьи 9 Закона о банкротстве предусмотрен стандарт поведения добросовестного контролирующего должника лица, согласно которому последний, при наличии обстоятельств, предусмотренных пунктом 1 статьи 9 Закона о банкротстве, обращается в суд с заявлением о банкротстве должника. Этим обеспечивается соблюдение имущественных интересов кредиторов должника, которые вправе претендовать на распределение между собой того объема имущества должника, который имелся у последнего на момент возникновения имущественного кризиса.

В том случае если контролирующее должника лицо уклоняется от подачи соответствующего заявления в суд, тем самым отклоняется от стандарта поведения, указанное лицо должно нести риск наступления неблагоприятных последствий, связанных с нарушением прав и интересов кредиторов в виде невозможности удовлетворения требований последних в том объеме, в котором они были бы удовлетворены в случае своевременной подачи заявления о банкротстве.

При этом необходимо различать такое поведение контролирующих должника лиц как уклонение об обязанности по подаче заявления (может являться основанием

для привлечения соответствующих лиц к субсидиарной ответственности), а также поведение контролирующих лиц в виде совершения ими действий по возврату должника, пребывающего в состоянии имущественного кризиса, к нормальной предпринимательской деятельности путем предоставления ему финансирования.

Второй тип поведения может способствовать восстановлению платежеспособности должника, устраняя необходимость обращения в суд с заявлением о банкротстве. Вместе с тем, такие действия контролирующих должника лиц не должны ставить кредиторов должника в условия хуже, по сравнению с ситуацией, при которой контролирующее должника лицо поступило бы в соответствии со стандартами поведения и обратилось с заявлением о банкротстве контролируемой организации.

В случае использования корпоративного финансирования (взнос в уставный капитал, вклад в имущество организации) интересы кредиторов остаются не нарушенными, что обусловлено безвозмездным для должника характером предоставленного финансирования, не влекущего появления у контролируемой организации (должника) гражданско-правовых обязательств перед контролируемой организацией, а соответственно и необходимости учета их в реестре требований кредиторов в случае банкротства должника.

Однако в случае, когда контролирующее должника лицо использует для целей вывода его из состояния имущественного кризиса некорпоративный механизм финансирования – интересы кредиторов в случае провала попытки контролирующего должника лица и возбуждение производства по делу о банкротстве могут быть нарушены (объем полученного по окончании процедуры конкурсного производства может уменьшиться вследствие учета в реестре требований кредиторов компенсационного финансирования).

Е. В. Горбачева справедливо отмечает, что интересы такого аффилированного лица не могут противопоставляться интересам независимых кредиторов должника⁵. Стоит согласиться с такой точкой зрения – на таких кредиторов не может быть возложен риск не достижения цели вывода должника из имущественного кризиса с учетом того, что положительные последствия при восстановлении платежеспособности должника (дальнейшее получение неограниченной прибыли) ощутят лишь контролирующие лица.

Подводя итог, необходимо отметить, что вопросы субординации требований кредиторов в настоящее время законодательно не урегулированы, а существующие правовые позиции, прежде всего положения Обзора, нуждаются в систематизации и более четком изложении.

Предлагается усовершенствовать юридическую технику правил о субординации и закрепить данные положения на законодательном уровне. Полагаем, что при разрешении вопросов о субординации требований кредиторов, основанных на компенсационном финансировании должника, возможно руководствоваться следующим положением.

Если имеются обстоятельства, предусмотренные пунктом 1 статьи 9 Закона о банкротстве, и контролирующее должника лицо, уклоняется от подачи соответствующего заявления путем использования некорпоративного механизма финансирования, при условии, что такое лицо имеет общность экономических интересов с должником, то требование о возврате такого компенсационного финансирования подлежит удовлетворению в очередности, предшествующей распределению ликвидационной квоты.

Литература

1. Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц» (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 7.
2. Кудинова М. С. Судебная практика рассмотрения субординированных требований в процедурах банкротства // Арбитражные споры. 2021. № 3. С. 74–87.
3. Голубцов В. Г. Субсидиарная ответственность контролирующих должника лиц: эволюция законодательных подходов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. Вып. 48. С. 248–273.
4. Мифтахутдинов Р. Т., Шайдуллин А. И. Понижение в очередности (субординация) требований контролирующих должника или аффилированных с ним лиц в российском банкротном праве. Научно-практический комментарий к Обзору судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом ВС РФ 29.01.2020 // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. Приложение к Ежемесячному журналу. 2020. № 9. Специальный выпуск. С. 3–136.
5. Горбачева Е. В. Субординация требований как механизм защиты прав независимых кредиторов в процедурах несостоятельности (банкротства) // Экономическое правосудие на Дальнем Востоке России. 2023. № 4(31). С. 55–60.

Р. Р. Харисов
Магистрант ПГНИУ
Научный руководитель: Д. Б. Коротков

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВ УЧАСТНИКОВ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ ОБЩЕСТВ НА ПОЛУЧЕНИЕ ИНФОРМАЦИИ

Рассматриваются права участников хозяйственных обществ на получение информации и их ограничения, исследование проведено на основании доктрины, законодательства и правоприменительной практики Российской Федерации.

Ключевые слова: Право на получение информации о деятельности общества, ограничение права, корпоративное право, хозяйственные общества, злоупотребление правом.

R. R. Kharisov
Master's student, Perm State University
Supervisor: D. B. Korotkov

RESTRICTIONS ON THE RIGHTS OF PARTICIPANTS IN BUSINESS ENTITIES TO RECEIVE INFORMATION

The rights of business entities' participants to receive information and their limitations are considered. The study was conducted on the basis of the doctrine, legislation and law enforcement practice of the Russian Federation.

Keywords: The right to receive information about the company's activities, restriction of rights, corporate law, business entities, abuse of rights.

У участников хозяйственных обществ среди неимущественных прав особе место занимает право на получение информации о деятельности общества, важность этого права обусловлена тем, что оно, во-первых, само по себе является самостоятельным правом, потому что обеспечивает прозрачность деятельности общества перед его участниками, например, акционер имеет право знакомиться с годовой бухгалтерской (финансовой) отчетностью благодаря которой он может оценить финансовое состояние общества и принять решение о распоряжении акциями, во-вторых, может являться предпосылкой для реализации основного права, так, например, у участников обществ с ограниченной ответственностью есть право участия в общем собрании общества с правом голоса, для реализации данного права участники общества вправе знакомиться информацией и материалами, связанными с повесткой дня, а также вправе знать о дате и времени общего собрания участников общества. Возможность права на получение информации быть как основным, так и дополнительным правом обусловлена тем, что зачастую

благом является не информация сама по себе, а использование информации в качестве инструмента для принятия решений участниками хозяйственных обществ.

Общее правило о возможности получения участниками хозяйственных обществ информации закреплено в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ)¹. В соответствии с абзацем 3 пункта 1 статьи 65.2. ГК РФ участники корпораций, а значит и участники обществ с ограниченной ответственностью, и акционеры имеют право на получение информации о деятельности организации знакомиться с бухгалтерской и иной документацией. Более детально право на получение информации участниками хозяйственных обществ урегулировано Федеральным законом «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО)² и Федеральным законом «Об акционерных обществах» (далее – Закон об АО)³.

Как и любое право, право на получение информации имеет определенные границы, которые и являются ограничением права. Под ограничением права понимается установление или изменение границ (пределов) осуществления права, выражающихся в сужении имеющихся дозволений наложении запретов и дополнительных положительных обязанностей, в том числе обязанности допускать определенные действия третьих лиц не порождающих гражданские правомочия третьих лиц на это право, вводимых законом или актом органа власти без предоставления обладателю права вознаграждения в пределах, обусловленных целями защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья обеспечения обороны страны прав и законных интересов других лиц⁴.

Исходя из дефиниции, представленной В. А. Микрюковым можно сделать вывод, что ограничения права на получение информации направлено на защиту прав и законных интересов других лиц, под которыми можно понимать участников, бывших участников обществ, наследников участников обществ и непосредственно само общество.

Итак, определившись с важностью самого права на получение информации и с дефиницией понятия ограничение права, предпримем попытку раскрыть некоторые ограничения права на получение информации с точки зрения законодательства, доктрины и правоприменительной практики.

Так Д. В. Ломакин отмечает тенденцию, направленную на ограничение корпоративных прав миноритарных участников хозяйственных обществ, ученый отмечает, что законодатель оправдывает это борьбой со злоупотреблениями миноритарных акционеров⁵.

Данная тенденция нашла свое проявление и в праве на получение информации, так в зависимости от процента голосующих акций у акционеров есть право на получение той или иной информации. Например, по требованию акционера, владеющего не менее чем 1 % акций предоставляется информация о крупных сделках и сделках с заинтересованностью, данная норма коррелирует правилу о

том, что данные сделки могут оспариваться только лишь теми акционерами, которые владеют более чем 1 % голосующих акций. Данные ограничения призваны предотвратить количество запросов о предоставлении информации в связи с тем, что даже, если такой миноритарий узнает о каком-либо нарушении при совершении крупной сделки или сделки с заинтересованностью он не сможет самостоятельно оспорить такую сделку, поэтому по замыслу законодателя в предоставлении такому миноритария информации нет необходимости. Мы же предлагаем изменить этот подход и не ограничиваться количественным цензом, если миноритарный акционер, несмотря на обладание менее чем 1% голосующих акций, повлиял или мог повлиять на решение общего собрания своим голосом, то ему необходимо представить право на получение информации.

Например, по вопросу одобрения крупной сделки по отчуждению 50 % активов Акционерного общества проголосовало ровно 75 % (три четверти голосов) сделка была одобрена, миноритарный акционер, владеющий 0,8 % голосующих акций, который по какой-либо объективной причине не смог принять участие в этом собрании желает получить информацию не только о протоколе собрания, но и о данной сделке, считаем необходимым в данном случае наделить таких акционеров правом на получение информации, так как его участие и отрицательный голос на данном собрании мог бы привести к обратному результату. Обобщением судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами⁶ при обзоре вопросов добросовестности участников (акционеров) при запросе информации акцентируется внимание на том, что акционеры в случаях, предусмотренных законом, при получении информации обязаны раскрыть разумную деловую цель ее получения, то есть должны обосновать законный интерес в получении сведений и документов, которые объективно необходимы и достаточны для надлежащей реализации прав акционера. Предлагаем изменить подход в предоставлении информации и руководствоваться не размером голосующих акций, а прежде всего наличием разумной деловой цели (например, планирование продажи собственных акций, подготовка к обращению в суд об оспаривании решения органа или сделки общества, взыскание убытков с органа общества и т.д.).

А. А. Клячин обращает внимание на то, что участнику Хозяйственного общества может быть отказано в предоставлении информации в связи со злоупотреблением правом⁷. Вопрос о том является ли отказ в защите права, в случае его злоупотребления, ограничением права однозначно в доктрине не решен, но в продолжение научных идей В.А. Микрюкова по вопросам ограничения прав, злоупотребление правом является объективно необходимым общим ограничением всех гражданских прав⁸.

Согласно абзацу 4 пункта 1 Информационного письма Президиума ВАС РФ «О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами споров

о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ» суд может отказать в предоставлении участнику хозяйственного общества информации в случае злоупотребления правом⁹. Приведем несколько примеров из судебной практики.

Так, например, участник ООО обратился в суд с требованием к обществу предоставить документы и информацию, суды первой и апелляционной инстанции встали на сторону Истца и удовлетворили требования о предоставлении информации. Суд округа направил дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции, поскольку суды не учли доводы ответчика о том, что часть документов была ранее предоставлена по иным запросам участнику, в перечень включены документы, созданные за пределами трехлетнего срока до обращения, затребована документация, которая носит конфиденциальный характер, в то время как участник уклоняется от подписания соглашения о неразглашении конфиденциальной информации. Также суд округа обратил внимание на злоупотребление правом в виду систематического направления в общество запросов о предоставлении документов и направил дело на новое рассмотрение. При втором круге рассмотрения суды первой, апелляционной и кассационной инстанции снова встали на сторону ответчика. При новом рассмотрении суды установили, что в условиях корпоративного конфликта, регулярное направление запросов относительно документов уже представленных обществом, уклонение от подписания соглашения о неразглашении конфиденциальной информации, и фактическое проживание лица, запрашивающего информацию вне пределов России говорит о злоупотреблении правом¹⁰.

В другом деле суды также пришли к выводу, что участник, обратившийся с требованием о предоставлении информации является аффилированным лицом конкурента, а запрашиваемая информация носит характер конфиденциальной, относится к конкурентной сфере и ее распространение может причинить вред коммерческим интересам общества, его деловой репутации¹¹.

Также, например, участникам, бывшим участникам общества отказываются в предоставлении информации в случае неоднократного затребования одной и той же информации¹² или же, например, с целью создания препятствий нормальной деятельности Общества и создания конкурирующего бизнеса¹³.

Таким образом, право на получение информации участниками хозяйственных обществ также, как и другие права могут быть ограничены, мы поддерживаем возможность ограничения права, поскольку это обеспечивает баланс интересов сторон, защищает хозяйственные общества от злоупотреблений правом. Но предлагаем несколько изменить подход, касающийся получения информации миноритарными акционерами и учитывать не только процент голосующих акций, но и учитывать, может или мог ли акционер не отвечающий количественному цензу повлиять с учетом полученной информации на деятельность общества или на

принятие какого-то конкретного решения, то есть руководствоваться прежде всего наличием разумной деловой цели (например, планирование продажи собственных акций, подготовка к обращению в суд об оспаривании решения органа или сделки общества, взыскание убытков с органа общества и т.д.).

В связи с вышеуказанным выводом, также поддерживаем то, что в судебной практике складывается правильный по нашему мнению подход, когда отказывают в удовлетворении исков о предоставлении информации, если запрос не связан с целью управления обществом, а обусловлен злоупотреблением правом.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. № 32. 1994.
2. Об обществах с ограниченной ответственностью: Федер. закон от 08.02.1998 (ред. от 08.08.2024) // Российская газета. № 30. 17.02.1998.
3. Об акционерных обществах: Федер. закон РФ от 26.12.1995 № 208-ФЗ (ред. от 30.11.2024) // Российская газета. №248. 29.12.1995.
4. Микрюков В. А. Ограничения и обременения гражданских прав. М.: Статут. 2007. С. 113.
5. Ломакин Д. В. Корпоративные права участников хозяйственных обществ актуальные проблемы и перспективы нормативного регулирования // Предпринимательское право. Приложение «Право и бизнес». 30.03.2018. №2. С. 34.
6. Обобщение судебной практики по корпоративным спорам о предоставлении информации хозяйственными обществами (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023) // Бюллетень Верховного Суда РФ. № 2. Февраль 2024.
7. Клячин А. А. Право участника общества с ограниченной ответственностью на получение информации о деятельности общества // Третий Пермский конгресс ученых-юристов: материалы междунар. науч.-практ. конф. (г. Пермь, 12–15 октября 2012 г.) / отв. ред. О. А. Кузнецова; Перм. гос. нац. исслед. ун-т. Пермь. 2012. С. 174.
8. Микрюков В. А. О недопустимости злоупотребления гражданско-правовыми обязанностями // Законы России: опыт, анализ, практика. 2013. № 6. С. 101.
9. О некоторых вопросах рассмотрения арбитражными судами споров о предоставлении информации участникам хозяйственных обществ: информационное письмо от 18.01.2011 № 144 // Вестник ВАС РФ. № 3. 2011.
10. Постановление арбитражного суда Московского округа от 26.09.2024 № Ф05-21652/2023 по делу №А40-152831/2022. [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 09.06.2023 № Ф10-2624/2023 по делу № А35-3721/2021 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
12. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24.08.2022. № Ф07-9243/2022 по делу № А21-7648/2021. [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».
13. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 26.06.2023 № Ф09-3835/23 по делу № А07-5707/2022 [Электронный ресурс]. Доступ из справ-правовой системы «КонсультантПлюс».

А. О. Хворостухина
Студентка МГЮА имени О.Е. Кутафина
Научный руководитель: Д. В. Носов

КАК УСПЕШНО РАЗРЕШИТЬ СУДЕБНЫЙ СПОР ПО ДОГОВОРУ КАРШЕРИНГА

В статье рассматриваются основные аспекты разрешения судебных споров, возникающих в сфере каршеринга. Особое внимание уделяется специфике электронных договоров присоединения и особенностям доказывания в судебных процессах по каршерингу. Анализируются типичные причины возникновения споров: ДТП с участием арендованных автомобилей, нарушения условий договора арендатором.

Ключевые слова: каршеринг, договор аренды, судебный спор, электронная форма договора, штрафные санкции, технические повреждения, ДТП, досудебное урегулирование.

A. O. Khvorostukhina
Student, Kutafin Moscow State Law University
Supervisor: D. V. Nosov

HOW TO SUCCESSFULLY RESOLVE A LEGAL DISPUTE UNDER A CARSHARING AGREEMENT

The article discusses the main aspects of resolving legal disputes arising in the field of carsharing. Special attention is paid to the specifics of electronic accession agreements and the specifics of proof in carsharing lawsuits. The typical causes of disputes are analyzed: Accidents involving rented cars, violations of the terms of the agreement by the lessee.

Keywords: carsharing, lease agreement, legal dispute, electronic form of the agreement, penalties, technical damages, road accidents, pre-trial settlement.

Каршеринг предоставляет краткосрочную аренду автомобилей, что важно в условиях пробок и экологических проблем. Правовое регулирование этой сферы находится на стадии формирования, поэтому исследование договоров каршеринга необходимо для защиты интересов сторон. В условиях цифровизации экономики каршеринг становится востребованным видом транспортных услуг. Этот тренд поддерживается государством, бизнесом и населением. Однако существующие договоры часто ущемляют интересы арендаторов, и многие водители не знают правил пользования услугой. Отсюда возникают споры между арендаторами и компаниями-арендодателями. Количество пользователей каршеринговых сервисов растет, что делает проблему правового регулирования данной сферы еще более острой.

Особенностью договора каршеринга является то, что он не выделен в отдельный вид договора по российскому законодательству. Как правило, он квалифицируется как договор аренды транспортного средства без предоставления услуг по управлению и технической эксплуатации (ст. 642–649 ГК РФ¹), либо как договор возмездного оказания услуг (779–783.1 ГК РФ) – в зависимости от условий. Это влияет на распределение бремени доказывания, а также на виды доказательств, используемых сторонами.

Прежде чем ответить на вопрос, как же успешно решить спор, связанный с договором каршеринга, нужно разобраться с особенностями, которые встречаются при рассмотрении гражданских дел данной категории. Прежде всего стоит рассмотреть субъектный состав. Истцом чаще всего выступает либо пользователь (в случае необоснованного списания средств, штрафов, отказа в доступе к услуге), либо оператор каршеринга (при взыскании убытков, штрафов, стоимости ремонта и в других случаях).

Предметом доказывания могут быть факты заключения договора (обычно подтверждается регистрацией в приложении и акцептом оферты), условия договора (приложение, правила использования, тарифы, фотофиксация состояния авто), факты нарушения обязательств одной из сторон, размер причиненных убытков, причинно-следственная связь между действиями стороны и наступившими последствиями.

Согласно статье 55 ГПК РФ², доказательствами в гражданском процессе являются полученные в установленном порядке сведения о фактах, на основании которых суд устанавливает наличие или отсутствие обстоятельств, обосновывающих требования и возражения сторон. При рассмотрении гражданского дела, возникающего из договора каршеринга, можно использовать различные доказательства. Среди них: скриншоты из мобильного приложения, фиксирующие аренду, фотографии автомобиля до и после поездки, электронная переписка с техподдержкой, SMS, push-уведомления и email-сообщения о штрафах. В гражданском судопроизводстве вытеснение письменных документов в их классическом виде электронными, но под именем письменных происходит по нарастающей³. Согласно постановлению Пленума Верховного Суда РФ⁴, допустимыми являются распечатки материалов, размещенных в сети и заверенные сторонами дела. Основным документом является договор каршеринга, в котором должны быть четко прописаны условия использования автомобиля, права и обязанности сторон. Важно собрать аудио- и видеозаписи, свидетельские показания, расчеты на ремонт, акты выполненных работ и квитанции. При спорах о договоре нужны претензии, ответы компании и переписка с техподдержкой для фиксации досудебного урегулирования.

Суд оценивает доказательства в совокупности, руководствуясь принципом разумности и допустимости. Например, скриншот без подтверждения его достоверности (через нотариальное заверение) может быть признан недопустимым.

Важно понимать, что бремя доказывания, как правило, лежит на стороне, ссылающейся на соответствующее обстоятельство (ст. 56 ГПК РФ). Особенности каршеринга, такие как автоматизация процессов и обилие цифровых следов, налагают новые требования на стороны: необходимо грамотно собирать, сохранять и представлять в суд доказательства в цифровой форме.

Суды по таким делам часто встают на сторону тех, кто может предоставить наиболее полные и достоверные доказательства. Например: если оператор требует компенсацию за повреждения авто, то пользователь обязан доказать свою невиновность.

Рассмотрим на двух примерах. После завершения аренды сервис обнаружил повреждения автомобиля и потребовал компенсацию ущерба. Арендатор оплатил ущерб, но подал иск о возврате денег, утверждая, что не попадал в ДТП. Второй Кассационный суд общей юрисдикции поддержал сервис, так как по условиям договора арендатор несет риск повреждения ТС и должен сообщать о недостатках при приемке. Истец не зафиксировал повреждения, подтвердив исправность автомобиля. Анализ дела показывает, что арендатор пренебрег изучением условий договора.

Еще одно гражданское дело касалось управления арендованным автомобилем третьим лицом. Во время поездки один из малышей начал беспокоиться и матери пришлось сесть на заднее сиденье рядом с ним. В результате ее муж, имеющий водительское удостоверение, был вынужден сесть за руль. Путешествие завершилось благополучно. Однако девушке стали поступать уведомления о необходимости уплаты штрафа в размере 50 тысяч рублей от каршеринговой компании и коллекторов. Суд снизил размер штрафа до 10 тысяч рублей, учтя, что автомобиль не получил повреждений.

Анализ судебной практики показывает, что пользователям каршеринга важно внимательно изучать договор и строго соблюдать его условия. Передача управления третьим лицам, даже по уважительной причине, может привести к штрафам. Суды чаще поддерживают каршеринговые компании при явных нарушениях условий договора, независимо от последствий.

И так, чтобы успешно разрешить спор с каршеринговой компанией, необходимо действовать последовательно и методично. Первым делом внимательно изучить договор аренды транспортного средства. Особое внимание уделить разделам об ответственности сторон, порядке возмещения ущерба и процедуре разрешения споров. Сохранить все документы, связанные с арендой: чеки, фотографии состояния автомобиля, переписку с поддержкой каршеринга, записи о поездках. При возникновении спорной ситуации незамедлительно зафиксировать все обстоятельства: сделать фотографии повреждений, записать показания свидетелей, сохранить видеозаписи с камер наблюдения, если они есть. Обратиться в службу поддержки каршеринговой компании с подробным описанием ситуации и

требованием о проведении проверки. Необходимо направить письменную претензию в каршеринговую компанию, описав суть спора и ваши требования. Сохранить доказательства отправки претензии. Дождаться официального ответа компании. В случае отказа или отсутствия ответа в установленный срок (обычно 10–30 дней), подготовить исковое заявление в суд. При обращении в суд собрать полный пакет документов: копию договора, претензию, ответ компании (если есть), все имеющиеся доказательства позиции, банковские реквизиты для возможного взыскания. При необходимости заказать независимую экспертизу для оценки ущерба или других спорных моментов. В ходе судебного разбирательства активно участвовать в процессе: заявляйте ходатайства о вызове свидетелей, истребовании доказательств, проведении экспертиз. В этом и заключается успех разрешения спора.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 16.04.2022) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994, № 32, ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 ноября 2002 года № 138-ФЗ (ред. от 1 октября 2019 года). // Собрание законодательства Российской Федерации, 2002 № 46, ст. 4532.
3. Голубцов В. Г. Электронные доказательства в контексте электронного правосудия // Вестник гражданского процесса, 2019. № 1. С. 170-188.
4. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Российская газета, № 96, 06.05.2019.

К. К. Чашина
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: В. В. Акинфиева

АНАЛИЗ ПРИМЕНЕНИЕ ПРИНЦИПА ДОБРОСОВЕСТНОСТИ И ЕГО ЗНАЧЕНИЕ В ПРОЦЕДУРЕ БАНКРОТСТВА ФИЗИЧЕСКОГО ЛИЦА

В статье анализируется практика применения принципа добросовестности его появление, закрепление и место в процедуре банкротства физического лица. В статье также определяется значимость добросовестного поведения при освобождении / не освобождении физического лица от долговых обязательств.

Ключевые слова: принцип добросовестности, разумности, кредитор, экстраординарный способ списания долгов, социальная реабилитация, критерий добросовестного поведения должника.

K. K. Chashina
Student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

ANALYSIS OF THE APPLICATION OF THE PRINCIPLE OF GOOD FAITH AND ITS SIGNIFICANCE IN THE BANKRUPTCY PROCEDURE OF INDIVIDUALS

This article analyzes the practice of applying the principle of good faith, its emergence, consolidation, and role in the bankruptcy procedure of individuals. The article also defines the importance of good faith behavior in the context of the release or non-release of individuals from debt obligations.

Keywords: principle of good faith, reasonableness, creditor, extraordinary debt discharge methods, social rehabilitation, criteria for the good faith behavior of the debtor.

Принцип в юридическом контексте является ключевой категорией, формирующей универсальные требования, касающиеся различных аспектов правоприменительной деятельности. Он служит основой для структуры и содержания правовых норм, обеспечивая правовую определенность и предсказуемость, что является необходимым условием для реализации справедливости и защиты прав личности¹.

Представители судебной системы говорят о том, что появление/закрепление в законодательстве некоторых принципов, таких как «принцип добросовестности законодатель предоставил суду «инструмент», который можно применять, отказывая в явно необоснованных требованиях заявителям, что раньше во многих случаях являлось затруднительным»².

Введение принципа добросовестности в гражданское законодательство направлено на укрепление нравственных основ гражданско-правового регулирования, что служит важным инструментом для обеспечения справедливости и разумности в отношениях между сторонами³.

Исходя из положения, изложенного в абзаце 2 пункта 6 раздела I Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, можно сделать вывод о том, что внедрение принципа добросовестности в интерпретацию норм права и практику их применения является необходимым шагом для формирования более гармоничной правовой среды. Этот принцип, будучи основополагающим, может способствовать более сбалансированному учету интересов всех участников гражданских правоотношений. Акцент на добросовестности не только повышает уровень правовой определенности и предсказуемости, но и способен обеспечить справедливость в правоприменении, что в свою очередь должно способствовать укреплению доверия к правовой системе и ее эффективному функционированию⁴.

Принцип добросовестности получил широкое применение в арбитражной практике Российской Федерации задолго до его нормативного закрепления в законодательстве. Высший Арбитражный Суд Российской Федерации неоднократно подчеркивал значимость данного принципа, что нашло отражение в ряде судебных актов. Первое упоминание о принципе добросовестности в официальных документах связано с Информационным письмом Президиума ВАС РФ от 2002 года, где была акцентируется его роль в правоприменении. Закрепление данного принципа на уровне законодательства стало возможным благодаря его активному использованию в судебной практике, что подтверждается ключевыми постановлениями Высшего Арбитражного Суда РФ, так с 2012 года термин «добросовестность» стал чаще фигурировать в судебных актах, а в 2015 году в Гражданский кодекс Российской Федерации были внесены нормы, обязывающие стороны гражданских правоотношений действовать добросовестно как при исполнении обязательств, так и после их прекращения.

Принципы добросовестности и разумности играют ключевую роль и в регулировании законодательства о банкротстве физических лиц в Российской Федерации, формируя правовую основу для достижения баланса интересов между сторонами процедуры – должниками и кредиторами, а также третьими лицами. Эти нормы выступают фундаментом для правоприменительной практики, позволяя судам объективно оценивать действия участников процесса и предотвращать злоупотребление правами со стороны любых субъектов – будь то должники, кредиторы или арбитражные управляющие⁵. Так закон о банкротстве (Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ) закрепляет добросовестность как один из важнейших принципов, регулирующих поведение участников процедуры банкротства. В частности, в пункте 4 статьи 20 главы III («Разбирательство дел о банкротстве

в арбитражном суде») устанавливается, что саморегулируемые организации арбитражных управляющих вправе предъявлять требования к добросовестности своих членов⁶. Более того, арбитражный управляющий наделяется обязанностью действовать разумно и добросовестно в интересах всех сторон процесса, включая как должника, так и кредиторов.

Выше упомянутые принципы не только способствуют защите прав и законных интересов всех участников процесса, но и укрепляют доверие к институту банкротства как механизму восстановления платежеспособности должников и удовлетворения требований кредиторов. Соблюдение их обеспечивает баланс прав и обязанностей, снижает риск злоупотреблений и стимулирует прозрачность процедур банкротства в Российской Федерации.

Глава IX Федерального закона № 127-ФЗ регулирует вопросы несостоятельности юридических лиц, акцентируя внимание на принципах добросовестности. Эти принципы выступают основополагающими для обеспечения баланса интересов кредиторов и должников, а также для предотвращения злоупотреблений в процессе банкротства. В отличие от этого, глава X, посвященная банкротству граждан, не содержит прямого упоминания терминов «добросовестность» и «недобросовестность». Несмотря на отсутствие прямого упоминания данных терминов в главе X, законодательство предъявляет к гражданам-должникам более строгие требования относительно их поведения в процедуре банкротства. Пункт 4 статьи 213.28 Федерального закона № 127-ФЗ устанавливает, что освобождение от обязательств невозможно в случае выявления недобросовестного поведения должника, что подчеркивает значимость соблюдения принципов добросовестности как условия для достижения справедливости в процедуре банкротства.

Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 13.10.2015 № 45 акцентирует внимание на необходимости применения статьи 10 Гражданского кодекса РФ в делах о банкротстве граждан, которая запрещает злоупотребление правом, что исключает действия, направленные на умышленное уклонение от обязательств или введение кредиторов в заблуждение. В такой трактовке поведение добросовестности должника становится не только этическим, но и правовым стандартом, обеспечивающим защиту интересов всех участников процедуры банкротства⁷.

В первом квартале 2024 года количество банкротств граждан выросло на 18,2 % к аналогичному периоду 2023 года до 89805. Темпы роста значительно замедлились, в январе-марте 2023 года увеличение было 40,3 % к первому кварталу 2022 года. За период существования процедуры потребительского банкротства, с октября 2015 года по март 2024 года, несостоятельными стали уже более миллиона, а именно 1192,5 тысяч граждан⁸.

Критерии оценки поведения гражданина в преддверии и в процедуре банкротства впервые получили четкое закрепление в деле № А45-24580/2015, в котором суд отказал должнику в освобождении от обязательств, придя к выводу о его

недобросовестности в финансовых действиях. Основанием стало то, что ежемесячные платежи по кредитам значительно превышали доход должника, а он не предпринял разумных мер для управления финансами и снижения долговой нагрузки. Принципы, заложенные в данном решении, подтверждены постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа № Ф04-4210/2016, где отмечено, что должник осознанно увеличивал задолженность, принимая новые обязательства, заведомо невыполнимые. Судебная практика по этому делу подчеркивает ключевую роль принципа добросовестности в оценке поведения должников и необходимости тщательного анализа их действий в рамках применения норм потребительского банкротства.

В Определении Верховного Суда РФ от 03.06.2019 № 305-ЭС18-26429 (дело № А41-20557/2016) сформулирован новый подход к оценке недобросовестности в делах о банкротстве граждан. Ошибочная оценка финансовых возможностей гражданина больше не считается основанием для отказа в списании долгов, а нерациональное поведение не приравнивается к недобросовестности. Этот подход фактически изменил ранее формализованное понимание недобросовестности, закрепленное в пункте 28 Постановления Пленума ВАС РФ от 30.06.2011 № 51. Верховный Суд указал, что принцип добросовестности должен применяться гибко, исключая формальные санкции за необдуманные или ошибочные действия должников. Такой подход ориентирован на защиту должников, действующих в рамках разумности и добросовестности.

В деле № А50-13957/2022 арбитражный суд подтвердил главенство принципа добросовестности, освободив должника от обязательств. Суд указал, что должник раскрывал необходимую информацию, содействовал процедуре банкротства и предпринимал добросовестные попытки погасить задолженность через рефинансирование, однако оказался в долговой ловушке. При этом суд подчеркнул, что кредитор, как профессиональный участник, проявил неосмотрительность, поскольку именно он обязан учитывать кредитные риски и предлагать физическим лицам – потребителям финансовых услуг – разумные условия кредитования. Судебная практика в значительной мере ориентируется на защиту социального аспекта банкротства, признавая, что добросовестное поведение должника является ключевым фактором для освобождения от долгов.

Однако анализ судебной практики 2023 года демонстрирует ужесточение подходов к применению принципа добросовестности при освобождении должников от обязательств. Судебная практика стала уделять повышенное внимание анализу намерений и действий должника как в период возникновения финансовых трудностей, так и в рамках процедуры банкротства. Суды стали акцентировать внимание на следующих аспектах:

Оценка поведения должника в контексте его финансовых обязательств и взаимодействия с кредиторами; Проверка исполнения должником своих обязательств

перед кредиторами в рамках добросовестного поведения; Установление обстоятельств, указывающих на недобросовестные действия, такие как сокрытие информации или совершение неправомерных сделок.

Например, в деле № А50-3477/2022, суд отказал в полном освобождении от обязательств, указав на недобросовестное поведение должника, передача в аренду заложенного имущества третьему лицу, т.е. по сути им было совершено отчуждение предмета залога без согласия залогодержателя, что является нарушением пункта 2 статьи 246 ГК РФ. При этом должник, осознавая противоправность своих действий, не представил разумных объяснений относительно использования полученных денежных средств. Суд, руководствуясь пунктом 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, признал указанные обстоятельства основанием для отказа в освобождении должника от обязательств перед залогодержателем, несмотря на то, что сделки по отчуждению предмета залога не были признаны недействительными.

Тенденция судебной практики показывает, что суды усиливают проверку добросовестности должников и предъявляют повышенные требования к их поведению. Нарушение законных интересов кредиторов или умышленные противоправные действия могут служить основанием для отказа в освобождении от долгов.

В деле А50-5074/2022 должник не был замечен в недобросовестном поведении, однако суд отметил, что банкротство представляет собой экстраординарный способ списания долгов, и закон предъявляет высокие требования к добросовестности гражданина-должника, это подразумевает не только сотрудничество с финансовыми управляющими и кредиторами, направлен на предотвращение несправедливых преимуществ, защищая интересы кредиторов и обеспечивая баланс между социальной реабилитацией должников и защитой прав кредиторов.

В данном случае суд сделал акцент на публично-правовую сферу и ужесточил критерий к добросовестности должника, что привело к ограничению возможности списания долгов. Несмотря на признание поведения должника добросовестным, но наличие в судебном решении, на основании которого, кредитор был включен в реестр, указано о преднамеренном уклонении от уплаты налогов, что исключило применение экстраординарного способа для списания долгов.

Таким образом, все же понятия добросовестности и разумности в Российском праве остается достаточно размыты, что открывает широкий простор для ее интерпретаций. Необходимость установления стандартов добросовестного поведения должников обусловлена множеством проблем, с которыми сталкивается правоприменительная практика, которая пытается опираться на позиции вышестоящих судов для разрешения дел о несостоятельности. Применение принципа добросовестности может варьироваться в зависимости от конкретных обстоятельств дела и интерпретаций норм закона, осуществляемых судьями и финансовыми управляющими. Это создает определенную неопределенность, но в то же время позволяет учитывать индивидуальные особенности каждого случая.

Литература

1. Маштаков К. М. Добрая совесть как нравственная основа частноправовых отношений // Философия права. 2016. № 1 (74). С. 13–17.
2. Добросовестность в гражданском праве [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ad-v-ga-zeta.ru/novosti/dobrosovestnost-v-grazhdanskom-prave/> (дата обращения: 18.02.2025).
3. Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // Ex jure. 2023. № 3. С. 84–96.
4. Предпринимательское право: учебник / отв. ред. д-р юрид. наук, проф. В. Г. Голубцов. М.: Статут, 2021. С. 240–264.
5. О несостоятельности (банкротстве): Федер. закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ (ред. от 01.03.2023). URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 18.02.2025).
6. Затонов Р.Ю. Добросовестность и разумность при освобождении граждан от долгов в процедуре банкротства (постановка проблемы) // Юридические исследования. 2023. № 7. С. 43–53.
7. Федеральный ресурс [Электронный ресурс]. URL: <https://fedresurs.ru/news/bdb9dfec-df64-4207-b713-4bd7133f172a> (дата обращения: 18.02.2025).

И. А. Шананин
Аспирант СГЮА
Научный руководитель: О. В. Исаенкова

СУДЕБНО-ПСИХИАТРИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА КАК ДОКАЗАТЕЛЬСТВО ПО ДЕЛАМ О ПРИЗНАНИИ ГРАЖДАНИНА НЕДЕЕСПОСОБНЫМ В ОСОБОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

В статье рассматривается судебно-психиатрическая экспертиза как доказательство по делам о признании гражданина недееспособным, описывается порядок назначения и проведения экспертизы, указывается на основные проблемы, такие как экспертная ошибка, дача заключения, не соответствующего действительному. Предлагается внесение изменений в действующее законодательство в целях вынесения объективного решения суда, основанного на достоверных доказательствах.

Ключевые слова: гражданский процесс, гражданин, доказательства, доказывание, недееспособность, особое производство, судебно-психиатрическая экспертиза.

I. A. Shanenin
Postgraduate student, Saratov State Law Academy
Supervisor: O. V. Isaenkova

FORENSIC PSYCHIATRIC EXAMINATION AS EVIDENCE IN CASES OF RECOGNITION OF A CITIZEN AS LEGALLY INCOMPETENT IN SPECIAL PROCEEDINGS

The article examines the forensic psychiatric examination as evidence in cases of recognition of a citizen as legally incompetent, describes the procedure for appointing and conducting an examination, points out the main problems such as expert error, giving a conclusion that does not correspond to the valid one. It is proposed to amend the current legislation in order to make an objective court decision based on reliable evidence.

Keywords: civil procedure, citizen, evidence, proof, incapacity, special proceedings, forensic psychiatric examination.

Часть 1 статьи 29 Гражданского кодекса РФ указывает на возможность в судебном порядке признать лицо, имеющее психическое расстройство, в связи с наличием которого он не понимает значения своих действий и не руководит ими, недееспособным¹.

Важной составляющей рассмотрения данной категории дел является проведение психиатрической экспертизы, которая назначается судом, в том числе с возможностью принудительного направления на прохождение экспертизы в случаях, предусмотренных статьей 283 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее – ГПК РФ)².

При назначении экспертизы судом ставится ряд вопросов, включающих определение наличия заболевания, его степени и характера; исследование возможности понимать значение своих действий, руководить ими самостоятельно либо при помощи других лиц, и рассматривается вопрос участия лица в судебном разбирательстве, определяется перспектива развития заболевания³.

При этом постановка вопросов, связанных с оценкой доказательств и установлением юридически значимых обстоятельств, недопустима⁴. То есть в данном случае экспертиза исследует характер заболевания лица, а не рассматривает его дееспособность.

В качестве судебно-психиатрического эксперта выступает врач, который прошел специализацию по психиатрии. В большинстве случаев данный вид экспертизы осуществляется комиссионно не менее чем тремя психиатрами. Допускается увеличение состава комиссии в более сложных случаях. Экспертиза может быть произведена одним или двумя психиатрами при наличии объективных причин невозможности обеспечения всего состава комиссии⁵.

По результатам проведения экспертизы экспертами составляется итоговый документ: заключение судебно-психиатрической экспертизы, письменное сообщение о невозможности дать заключение либо заключение о невозможности дачи заключения в амбулаторных условиях. При наличии разногласий между экспертами при проведении комиссионной экспертизы, каждым из них дается отдельное самостоятельное заключение, которые направляются в суд руководителем экспертного учреждения⁶.

Возможность назначения дополнительной либо повторной экспертизы предусматривается статьей 20 Федерального закона от 31.05.2001 № 73-ФЗ «О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации» по аналогии с общими положениями статьи 87 ГПК РФ⁷.

Вынося решение об удовлетворении, либо об отказе в удовлетворении требований о признании гражданина недееспособным суд в совокупности оценивает представленные доказательства, среди которых важное значение имеет заключение соответствующей экспертизы. Так, например из анализа решения Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10.02.2025 по делу № 2-232/2025 следует, что ключевым фактором при принятии судебного решения послужило заключение судебно-психиатрической экспертизы⁸. В решении не отражена информация об исследовании таких доказательств, как: опрос свидетелей, изучение вещественных доказательств и т.д. Суд фактически вынес окончательный судебный акт с учетом пояснений лиц, участвующих в деле, а также на основании основного доказательства по делу – заключения эксперта.

С учетом основополагающего значения экспертного заключения как доказательства по делу и принимая во внимание то, что решение суда о признании гражданина недееспособным существенным образом влияет как на жизнь самого

лица, признаваемого таковым, так и на окружающих, экспертная ошибка абсолютно недопустима. Но кроме экспертной ошибки существует вероятность личной заинтересованности эксперта. Так, на основании данных, представленных Следственным управлением Следственного комитета Российской Федерации по Краснодарскому краю, в декабре 2015 года судебно-психиатрический эксперт за взятку в размере пятьсот тысяч рублей предложил стороне по делу указать в выводах заключения посмертной психолого-психиатрической экспертизы сведения о том, что умерший являлся невменяемым. Действия лица были пресечены работниками полиции⁹.

Учитывая изложенные выше факты, и не исключая возможности наличия экспертных ошибок, представляется приемлемым предложить законодательное закрепление положений, направленных на повышение уровня объективности проводимой судебно-психиатрической экспертизы. Так, обоснованным является возможность привлечения к проведению судебно-психиатрической экспертизы второго экспертного учреждения в составе одного дополнительного эксперта-психиатра. С учетом того, что к участию в проведении экспертизы будет привлечен сторонний эксперт, будет иметься возможность в случае наличия его несогласия с выводами комиссии дать свое заключение, обособленное от других. Кроме того, объективным является нормативное закрепление количественного состава лиц, осуществляющих проведение судебно-психиатрической экспертизы: три эксперта-психиатра, входящих в комиссию одного экспертного учреждения и один эксперт-психиатр, привлеченный из иного экспертного учреждения, назначенного судом.

Для законодательного закрепления данной процедуры является необходимым дополнение статьи 283 ГПК РФ абзацем 2 с изложением его в следующей редакции: «Судья поручает проведение судебно-психиатрической экспертизы двум независимым друг от друга экспертным учреждениям, одно из которых проводит судебно-психиатрическую экспертизу в составе комиссии экспертов-психиатров в количестве не менее трех человек, второе экспертное учреждение направляет эксперта-психиатра по месту проведения судебно-психиатрической экспертизы для проведения исследования в составе вышеуказанной комиссии первого учреждения».

При реализации данного предложения является объективным внесение изменений и в специальные нормы, регулирующие проведение данного рода экспертиз. Так, подлежат приведению в соответствие положения Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы, утвержденного Приказом Министерства здравоохранения РФ от 12.01.2017 № 3н «Об утверждении Порядка проведения судебно-психиатрической экспертизы». Предложенные изменения будут способствовать снижению рисков экспертных ошибок и противоправных действий судебных экспертов по делам о признании гражданина недееспособным.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон № 138-ФЗ от 14.11.2002 (ред. от 28.12.2024, с изм. от 16.01.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.
3. Справочник по доказыванию в гражданском судопроизводстве / под ред. И. В. Решетниковой. 7-е изд., доп. и перераб. М.: Норма: ИНФРА-М, 2025. 472 с.
4. Сятчихин А. В., Глевич М. А. Достоверность результатов строительной экспертизы объема выполненных работ по исполнительной и проектной документации // Ex jure. 2022. №2. С. 140–150.
5. Крекова М. А. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском судопроизводстве: проблемы теории и практики // Вестник ИрГТУ. 2013. №9 (80). С. 281–285.
6. Миннетдинова Л. М., Гатин Ф. Ф., Гатин Э. Ф. Судебно-психиатрическая экспертиза в гражданском процессе в Российской Федерации // Вестник гражданского процесса. 2020. Т. 10. №5. С. 275-295.
7. О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации: Федер. закон от 31.05.2001 № 73-ФЗ (ред. 22.07.2024)» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2001. № 23. Ст. 2291.
8. Решение Железнодорожного районного суда г. Барнаула Алтайского края от 10.02.2025 по делу № 2-232/2025 [Электронный ресурс]. Доступ из системы ГАРАНТ. URL: <https://arbitr.garant.ru/#/document/344906267/paragraph/1:0> (дата обращения: 06.04.2025).
9. В Краснодаре судебно-психиатрический эксперт подозревается в получении взятки: Официальный сайт Следственного управления Следственного комитета РФ по Краснодарскому Краю. URL: <https://kuban.sledcom.ru/news/item/1008958/> (дата обращения: 06.04.2025).

С. Ш. Юсупова
Студент ПГНИУ
Научный руководитель: В. В. Акинфиева

К ВОПРОСУ О ВОЗМЕЩЕНИИ УБЫТКОВ, ПРИЧИНЕННЫХ ОДНОСТОРОННИМ ОТКАЗОМ ОТ ДОГОВОРА

В статье анализируется судебная практика взыскания убытков, причиненных односторонним отказом от договора, рассматриваются различные подходы судей к толкованию императивной нормы. Автор приходит к выводу о целесообразности использования договорных механизмов в виде института заранее оцененных убытков, причиненных односторонним отказом от договора, с целью минимизации издержек.

Ключевые слова: односторонний отказ от договора, возмещение убытков, заранее оцененные убытки.

S. Sh. Yusupova
Student, Perm State University
Supervisor: V. V. Akinfieva

ON THE ISSUE OF COMPENSATION FOR LOSSES, CAUSED BY UNILATERAL TERMINATION OF THE CONTRACT

The article analyzes the judicial practice of recovering damages caused by unilateral renunciation of a contract, and examines various approaches of judges to the interpretation of a peremptory norm. The author comes to the conclusion that it is advisable to use contractual mechanisms in the form of the institution of pre-estimated losses caused by unilateral withdrawal from the contract in order to minimize costs.

Keywords: unilateral withdrawal from the contract, compensation for losses, estimated losses in advance.

Общим принципом гражданского законодательства является надлежащее исполнение обязательств и недопустимость одностороннего отказа от договора. Даже правомерный односторонний отказ наносит вред интересам стороны, которая рассчитывала на исполнение договора, и может влечь убытки. В такой ситуации, как справедливо отмечает А. Ф. Пьянкова, применение мер гражданско-правовой ответственности при одностороннем отказе от договора позволяет обеспечить баланс интересов сторон¹.

Право возмещения убытков при одностороннем отказе от договора закреплено в императивных нормах гражданского законодательства. Так, в соответствии со статьей 782 ГК РФ при одностороннем немотивированном отказе исполнителя от договора возмездного оказания услуг возникает обязанность полного возмещения убытков.

Не исключены случаи, когда заказчик не исполняет обязанность уплаты услуг по договору, что вынуждает исполнителя пойти на крайние меры – расторгнуть договор в одностороннем порядке. В таком случае возникает вопрос: может ли заказчик требовать возмещения убытков? На практике суды заняли неоднозначную позицию по данному вопросу.

Так, третейский суд, с чем согласился арбитражный суд первой инстанции, разрешая спор о взыскании убытков, указал, что доводы о причинах отказа исполнителя от договора не подлежат исследованию, и возникновение убытков, возмещения которых требует заказчик, является «обычным последствием одностороннего отказа исполнителя от договора оказания услуг, что буквально предусмотрено пунктом 2 статьи 782 Гражданского кодекса Российской Федерации».

Не согласившись с решением арбитража в части взыскания убытков, Общество обратилось с требованием отмены данного решения. Требования были мотивированы тем, что решение арбитража нарушает принципы соразмерности гражданско-правовой ответственности, баланса прав и обязанностей участников гражданского оборота, добросовестного поведения, а также принципы законности и справедливости. Арбитражный суд первой инстанции оставил без удовлетворения заявление Исполнителя, указав, что заявителем не представлено доказательств нарушения баланса интересов сторон².

Арбитражный суд Московского округа занял иную позицию. Как указал суд, противоречие решения третейского суда публичному порядку РФ является безусловным основанием для отмены решения третейского суда. Суд округа указал, что одним из элементов публичного порядка РФ является принцип соразмерности гражданско-правовой ответственности, предполагающей восстановление нарушенного права, но не обогащение в результате защиты нарушенного (оспоренного) права, что не было учтено третейским судом.

В рассматриваемом деле суд кассационной инстанции дал телеологическое толкование положений статьи 782 ГК РФ, указав, что в данной правовой норме «реализован принцип эквивалентности отношений, то есть гарантии для стороны договора в целях компенсации негативных последствий немотивированного отказа, то есть защиты имущественного интереса контрагента стороны, отказавшейся от договора». Руководствуясь принципами добросовестности, равенства участников гражданских правоотношений, справедливости, законности судебного решения, суд пришел к выводу, что в рассматриваемом деле исполнитель действовал правомерно, и отказал заказчику во взыскании убытков³.

Как указывают практикующие юристы, категория споров о взыскании убытков является одной из труднейших для представителей организаций, сложность состоит в доказывании размера убытков, наличия причинно-следственной связи между односторонним отказом и негативными последствиями, а также в отсутствии единообразия сложившейся судебной практики⁴.

В случаях, когда односторонний отказ от договора влечет убытки для противоположной стороны, применимы общие правила доказывания состава гражданско-правовой ответственности. Так, истец обязан доказать, что ответчик является лицом, в результате действий (бездействия) которого возник ущерб, а также факты нарушения обязательства, наличие убытков, причинно-следственную связь, которая должна быть прямой и непосредственной⁵. Иными словами, необходимо доказать, что отказ от договора привел к возникновению убытков, и никакие иные факторы с негативными последствиями не связаны.

Доказывание состава убытков, причиненных односторонним отказом от договора, в судебном порядке – трудоемкий и дорогостоящий процесс (с учетом повышения размера государственных пошлин). В связи с чем, Егоров А. В. предлагает на этапе составления проекта договора согласовать условие о необходимости выплаты денежной суммы за односторонний отказ от договора в соответствии со статьей 310 ГК РФ, включив в размер платы за односторонний отказ сумму заранее оцененных убытков⁶.

Стоит отметить, что институт заранее оцененных убытков широко применяется в зарубежном правопорядке. В отечественном гражданском законодательстве отсутствует правовое регулирование данного правового явления. Вместе с тем, в соответствии с принципом свободы договора стороны не лишены возможности заранее оценить убытки в соглашении. На практике данный договорный механизм уже используется, суды признают законными договоренности сторон о возмещении заранее оцененных убытков⁷.

Преимущество данного способа восстановления имущественного положения стороны договора заключается, прежде всего, в том, что стороны заранее определяют размер убытков и в будущем при взыскании в судебном порядке не обязаны доказывать их размер, наличие, причинно-следственную связь и иные необходимые условия, указанных в статье 15 ГК РФ. Кроме того, в расчет неблагоприятных последствий в будущем можно включить не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду⁸.

Нужно отметить, что на этапе заключения договора стороны не могут с точностью определить размер убытков, которые возникнут в будущем. В случае, если плата за отказ не способна покрыть все убытки, причиненные неисполнением договора, исследователи считают возможным предъявить требование о взыскании убытков в части, непокрытых денежной суммой за реализацию одностороннего отказа от договора⁹.

В случае, если сумма завышена, риск злоупотребления правом и обогащения стороны по договору исключается возможностью снижения денежной суммы в судебном порядке. Так, согласно разъяснениям Пленума ВС РФ, в случае если будет доказано очевидное несоответствие размера денежной суммы неблагоприятным последствиям, в исключительном случае суд вправе отказать в ее взыскании полностью или частично¹⁰.

Итак, главной целью взыскания убытков при одностороннем отказе от договора является компенсация потерь лица, пострадавшего от выхода другой стороны, а также достижение баланса сторон. Как было отмечено ранее, на практике иски о взыскании убытков являются трудоемкими ввиду сложности доказывания причинно-следственной связи между односторонним отказом от договора и негативными последствиями. В этой связи разумным и оправданным для субъектов предпринимательской деятельности будет решение заранее оценить убытки и включить в состав платы за односторонний отказ от договора.

Литература

1. Пьянкова А. Ф. Обеспечение баланса интересов в гражданско-правовых договорах: монография. Пермь, 2014. 179 с.
2. Определение Арбитражного суда города Москвы от 12.04.2024 по делу № А40-36423/2024. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.07.2024 № Ф05-12985/2024 по делу № А40-36423/2024. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Широков Д. С. Взыскание убытков с контрагента при одностороннем расторжении договора [Электронный ресурс] // Advgazeta.ru: [сайт]. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/vzyskanie-ubytkov-s-kontragenta-pri-odnostoronnem-rastorzhении-dogovora/> (дата обращения: 22.11.2024).
5. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2015. № 8. П. 12.
6. Егоров А. В. Заранее оцененные убытки как ключ к пониманию правовой природы договорных условий «бери или плати», а также платы за отказ от договора // Вестник гражданского права. 2022. № 3.
7. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2020 № 09АП-45792/2020 по делу № А40-269619/2019. Документ опубликован не был. Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
8. Сятчихин А. В. Заранее оцененные убытки в российском гражданском праве: монография / под ред. В. Г. Голубцова. М.: Проспект, 2020.
9. Чеговадзе Л. А., Дерюгина Т. В. Правовая природа платы за односторонний отказ от исполнения обязательства // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 9. С. 57–65.
10. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.11.2016 № 54 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 1, январь 2017. П. 16.

НАУЧНОЕ ИЗДАНИЕ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКОГО ПРАВА, ГРАЖДАНСКОГО И АРБИТРАЖНОГО ПРОЦЕССА

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

(ежегодник)

ВЫПУСК 8

predprin.psu.ru

Компьютерная верстка:

Т. А. БАСОВА

Подписано в печать 10.06.2025. Формат 60×84/16

Усл. печ. л. 10,00. Тираж 100 экз. Заказ 67

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Управление издательской деятельности

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15

+7(342)239-66-36

Типография ПГНИУ

614068, г. Пермь, ул. Букирева, 15